

НФ

КИБЕРПАНК

ХОРРОР

ФЭНТЕЗИ

реальность фантастики

№ 9 2009

Повесть:

Ольга Пошурева,
Александра Усманова
«СО-ТВОРЕНИЕ ФЕНИКСА»

Рассказы:

Борис Машковцев
«СКАЗКА О СОННЫХ
ОСОБАХ»

Дарья Булатникова
«ШЛЯПА ИНСПЕКТОРА»

Николай Романецкий
«ПРИНЦИП ЗЕРКАЛЬНОСТИ»

Михаил Зипунов
«ОТ ЗАКАТА ДО...»

Статьи:

Павел Амнуэль
«НФ УМЕРЛА,
ДА ЗРАВСТВУЕТ НФ!»

Лев Гурский
«ПОЛИЦЕЙСКИЙ
С ТРАНСКЛЮКАТОРОМ»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 9 (73) 2009

Проза

- 1 О. Пошуруева, А. Усманова / СО-ТВОРЕНИЕ ФЕНИКСА
— *Запаздывает, — подумал Кузьмич...* 4
- 2 В. Генкин, А. Кацура / СЕТЬ
Теперь вагоны с такой облицовкой ходят... 45
- 3 Юрий Манов / С ЛЮБОВЬЮ К АП-Ч
Ровно пять лет назад я сделал глупую... 62
- 4 Борис Машковцев / СКАЗКА О СОННЫХ ОСОБАХ
День был, определенно, лучшим... 76
- 5 Владимир Деминский / ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ
— *Так. Вставьте заготовку А28 в разъем 2/32...* 90
- 6 Дарья Булатникова / ШЛЯПА ИНСПЕКТОРА
Нудный мелкий дождь сытался с неба... 101
- 7 Даниэль Клугер / СИМПАТИЧЕСКАЯ УГРОЗА
Я не хожу в кинотеатры и стараюсь... 110
- 8 Лев Прозоров / МИЛОСЕРДИЕ
Вечером Шурушун умер... 118
- 9 Александр Мешайкин / БЕДНОСТЬ КАК НЕЙТРИНО
Ни один из тех сволочей, которые клялись... 126
- 10 Александр Григоров / УДЕЛ СЛАБЫХ
Щелкнул замок, дверь открылась... 134
- 11 Наталья Землянская / LET MY PEOPLE GO...
— *...приходи на мои поминки...* 141
- 12 Ник Романецкий / ПРИНЦИП ЗЕРКАЛЬНОСТИ
Если чародея, члена Колдовской Дружины... 147

13	Алекс Мустейкис	/ ОПЯТЬ ДИКАРИ! — Опять дикарь, — сказал Макгиан...	153
14	Артем Рачковский	/ РЕКВИЕМ ДЛЯ КАЛЬКУЛЯТОРА <i>Пасмурный вечер. За окном занудно...</i>	159
15	Михаил Зипунов	/ ОТ ЗАКАТА ДО... — Доложить обстановку, штурман...	164

Детская страничка

16	Ольга Чибис	/ САДА ВОЛШЕБНОГО ГОСТЬ И ХОЗЯИН <i>Смолкли давно звуки горна...</i>	167
17	Юліана Лінкс	/ ЖАБЕНЯТКО ДЛЯ ПРИНЦЕСИ <i>Жабенятко на ім'я Кряк стрибало...</i>	173

Очерк

18	Григорий Панченко	/ В УЩЕЛЬЕ РОНЗЕР-ЛОХ (БИТВЫ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО)	176
----	-------------------	---	-----

Критика

19	Павел Амнуэль	/ НФ УМЕРЛА, ДА ЗДРАВСТВУЕТ НФ!	188
20	Станислав Бескаравайный	/ О ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ АПОКАЛИПСИСОВ	198

Рецензии

21	Илья Суханов	/ ГРЕЗЫ НЕЛЮДЕЙ	204
22	Kkk72	/ ВЕРА И ВЕРНОСТЬ	207

Кинопортал

23	Лев Гурский	/ ПОЛИЦЕЙСКИЙ С ТРАНСКЛЮКАТОРОМ	210
24	Павел Бойко	/ НЕ ВРЕМЯ ДЛЯ СПАСИТЕЛЕЙ	216

Репортаж

25	Марина Комиссаренко, Борис Сидюк	/ ШИРОКА СТРАНА БОЛГАРИЯ	221
----	-------------------------------------	--------------------------	-----

Новости Фэндом

26.		/ OPUS MIXTUM	225
-----	--	---------------	-----

ОЛЬГА ПОШУРУЕВА, АЛЕКСАНДРА УСМАНОВА

СО-ТВОРЕНИЕ ФЕНИКСА

— 3

АПАЗДЫВАЕТ, — ПОДУМАЛ КУЗЬМИЧ. — В магазин, что ли завернула? Нет, не похоже: жалования, почитай, неделю ждать — не шиканешь, с запасами полный порядок... Да что это я! — спохватился он, — сегодня же выходной!

Он всегда чуял Потеряшку шагов за десять до дома и всегда зажигал для нее свечу. Как долго?

Почитай, всю ее жизнь, еще с тех пор, как она была крохой лет пяти. В тот вечер Кузьмич замешкался, вернее, не сумел разобраться, что за чувство подталкивало под руку: за последних три века слишком уж отделились друг от друга домовые и «человеки», — и вдруг услышал тоненький голосок:

— Деда! Огонек!

Кузьмич глянул вниз и обомлел: малышка смотрела прямо на него! Она видела его свечу, что мерцала у чердачного окошка. Он, кажется, сперва немножко испугался, полночи просидел на кровати, обхватив коленки руками, и все прислушивался к дому и к себе. Сомнений не было: он чуял девочку. Мог точно сказать в какой она комнате, чем занимается, радуется или горюет. А она... Да что она? Может, и не видала ничего, так, свет от фонарей в окошках заблестел, вот и почудился «огонек». Нет, потомственный домовый почитай десяти веков от роду себе врать не станет. Рогнеда — его человек. Домовой ухватился за это чувство и отправился к Федотычу.

— Заканчивай носом свистеть, чай, не чайник! — передразнил его старый друг. — А то я запомню, как меня величают! Рассказывай, что такого стряслось, а я пока, так и быть, брусничным чайком расстараясь.

В этом был весь Федотыч! Пока Кузьмич медленно излагал «самую суть», заново осмысливая для самого себя, Федотыч деловито сновал по кухне: от ведра с водой до плиты; доставал из потаенного угла заветные брусничные веточки; обстоятельно, со знанием дела, заваривал чай, — и все время хмыкал, когда Кузьмич надолго замолкал.

— Я понял тебя, — вздохнул Федотыч, наливая чай. — Может быть, только я один могу говорить с тобой об этом. Те, что остались, слишком молоды, они еще не знают, как это — слышать человека... А если и знают, нас, старых дурней, не посвятят. И только тебе я могу сказать не таясь — у меня тоже...

страхлось. Он может меня слышать, — понимаешь, слышать! — когда приходит к отцу в кузницу, но нигде больше. За порог ступит, — все. Но я его слышу, где бы он ни был. Такие дела, друг... Такие дела.

Кузьмич отогнал видения прошлого и вздохнул. Если бы он мог слышать ее, как раньше! После гибели деда, который был не просто дед, а самый лучший на свете друг, Рогнеда замкнулась в себе. Она сменила работу, забросила фотографию и футбол — без деда любимые занятия утратили всякий смысл. Даже к своему бывшему тренеру, Якову Степановичу, Рогнеда больше не заглядывала, и старалась как можно реже бывать на улице, чтобы не видеть мальчишек из «Олимпии», для которых она была «своим парнем», тренером и старшей сестрой одновременно.

Дела, дела... Домовой задумчиво перебирал свою коллекцию табака и вдруг наткнулся на старенький потертый кисет. Что здесь может быть? Кузьмич напряг память, — и просиял. Осколок Первого камня!

Это люди пользуются символами, не задумываясь, откуда, зачем, почему, а домовые точно знают: Первый камень, из которого вырастает Город, способен на чудеса. С его помощью можно прикоснуться к мыслям и чувствам любого существа, живущего в его стенах. Только за людьми они не любили следить, да собрат-домовой сразу замечал чужака в своей голове. Но ведь Потеряшка — его человек. В последние месяцы ее мысли были тяжелыми, вязкими, и с каждым днем становились все тяжелей. Кузьмич закрывался, как мог, но апатия и тоска Рогнеды волнами накатывала на домового, грозя захлестнуть с головой. Как бы не случилось чего!

Решено, он коснется магии камня!

Кузьмич сел поудобней, как смог успокоил мысли и чувства, взял в руки камень и сосредоточился на своем человеке, Рогнеде-Потеряшке. Вереница ярких образов, звуков и запахов обрушилась на домового. Следом пришло тихое удивление и радость: Рогнеда пришла туда, где ей было хорошо.

Черная пелена упала Кузьмичу на глаза. Он опять был в чердачной каморке. На землю опустилась ночь, и Потеряшка приближалась к дому. Кузьмич затеплил в окошке свечу и забылся сном смертельно уставшего домового, не дотянув до постели пары шагов.

С недавних пор сны редко баловали Рогнеду. Когда-то она по праву хватала яркими «всамделишными» снами, но последние полгода просыпалась по утрам, выпутываясь из вереницы мрачных, липких, отрывистых сновидений. Осколки прошлого хороводили ее, как хотели, сплетаясь в причудливые, мрачные узоры. Но сегодня девушка проснулась обновленной и с удовольствием перебирала прядки сна.

Рогнеде снова двенадцать, деревья большие, мир огромный, яркий и теплый. Однажды в парке у стадиона она обратила внимание на подростков, которые не просто пинали мяч, но играли в футбол. Присмотревшись, она увидела Якова Степановича, дедова друга, и все стало на свои места — тренировка «Олимпии». Хмыкнув, Рогнеда хотела продолжить путь, а потом раз-

глядела мальчишку, который не просто играл — жил футболом. Она пришла посмотреть на него на следующий день, и еще, и еще, представляя себя на месте хавбека и форварда... Рогнеда не знала его имени, и про себя звала мальчишку «Кузнечиком» — ей казалось, что это слово удивительно ему подходит. Вскоре, наблюдая за остальными, Рогнеда наградила кличками еще парочку пацанов — в команде вместе с Кузнечиком стали играть Вредина и Ворон.

Пацаны заметили ее только через неделю, когда мяч после высокой свечи упал просто в руки девчонки. Они, как по команде, уставились на Рогнеду и загалдели:

— Мячик подай!

— Кидай сюда?

— Добросишь?

Рогнеда улыбнулась, соскользнула с перекладки заборчика и точным ударом послала мяч прямо под ноги Кузнечiku. Он легко приземлился у левой бутсы парня и замер. Мальчишки застыли с открытыми ртами, и только один — Вредина — хмыкнул:

— Подумаешь! Повезло.

Рогнеда не ответила, ловко вскочила на заборчик и продолжила наблюдать за тренировкой. Ее дед тоже тренировал футбольную команду и заодно учил внучку футбольным премудростям. Но строго-настрого запрещал хвастать умениями и «выпендриваться» перед остальными игроками.

Всю следующую неделю мальчишки приглядывались и перешептывались, иногда, словно случайно, отправляя мяч в ее сторону. Каждый раз Рогнеде удавалось перехватить его и точным пасом отправить прямо Кузнечiku — Димке. Теперь она знала, как всех зовут, но по привычке пользовалась прозвищами. Еще через неделю мальчишки стали подбивать ее сыграть с ними, но девочка упрямо отнекивалась:

— Нельзя. Дед не велит «фасонить».

— А ты спроси у деда, вдруг даст послабление, — наседал Митяй Вредина.

Девочка замялась и вдруг просияла:

— Точно! Я спрошу! До завтра!

Она хлопнула по подставленным ладоням и словно растворилась в воздухе.

— Ну что, разрешил дед-то? — еще издали вместо привычного «здрассе-катавасте» прокричал Митяй.

— Разрешил, — улыбнулась девчонка. — А еще велел устроить образцово-показательное «избиение младенцев».

Вредина и Ворон захохотали, остальные снисходительно улыбнулись.

— И как это он позволил? — ехидно поинтересовался Пашутка.

— Сказал, раз вы старше меня, да столько матчей выиграли, значит, не просто можно — нужно. Ну что, играем?

— Давай! У нас как раз полчаса, пока подтянутся остальные и Яков Степаныч. Играем два по пятнадцать. Устроит?

— Устроит, — улыбнулась Рогнеда. — Кто рискнет принять мою сторону? Пацаны приуныли. Они не подумали, что придется делиться.

— Я рискну, — вдруг сказал Димка.

— И я, — улыбнулся Валька.

— Вот и славно, три на четыре. Силы примерно равны. Валя, постережешь ворота?

— Лады, — снова улыбнулся Валька.

— Начинаем?

На этом сон оборвался. Не беда, Рогнеда помнила тот день до мелочей, просто уж очень давно не вспоминала. Еще какое-то время девушка повозилась с домашними делами, негромко доказывая самой себе, что она вовсе не замуровалась в четырех стенах, а потом быстро оделась и вышла на улицу. Казалось, ноги сами привели ее в парк, на тот пятачок, где Яков Степанович гонял своих подопечных, пока «Олимпия» не получила новую хорошую площадку. Надо же, здесь еще кто-то играет! Рогнеда присела на ветхую жердочку заборчика — как раньше: сто лет назад или в прошлой жизни — и прикипела глазами к нешуточному поединку, что развернулся на потрескавшемся асфальте. Игроки были легки и азартны, рвались вперед, и никто не желал уступать. Что-то до боли знакомое почудилось Рогнеде в их жестах и возгласах, неуловимо родное, словно она перенеслась на десять лет назад. Ей даже казалось, что она узнает Вальку и Митьку.

Игроки давно ушли, договорившись встретится через три дня, а Рогнеда долго не могла сдвинуться с места. Только в сумерках, окончательно продрогнув, девушка отправилась домой, унося тихую теплую радость, словно она действительно повстречала старых друзей.

Теплый весенний вечер медленно накрывал город. Рогнеда устроилась с книжкой в кресле у окна, но не успела прочесть и пары строк, как пронзительно скрипнула половица. Девушка вскинула голову. На миг ей показалось, что в дверях стоит дед и неодобрительно хмурится:

— Что, барышня кисейная, опять пледное настроение?

Рогнеда вздрогнула, но уже было перевела дух, как тишину дома разорвала телефонная трель.

На домашний мог звонить только Яков Степанович. Когда-то он был ее «официальным» тренером, вторым после деда, а потом они стали друзьями. Студенткой Рогнеда часто забегала к нему на тренировки, помогала с новичками. В шутку ее даже прозвали «другом семьи», но после гибели деда зареклась приходить. К ней не стали хуже относиться, но Рогнеда просто физически не могла выносить жалеющих взглядов других тренеров. Так смотрят на умирающую собаку, а умирающей собакой, даже в переносном смысле она быть не собиралась. Наверное, один Яков Степанович продолжал общаться с девушкой так, словно ничего не случилось, регулярно звонил, звал на матчи. Но Рогнеда каждый раз находила уважительную причину увильнуть от приглашения. Что она скажет на этот раз?

— Слушаю вас...

— Але! — голос был детский, мальчишеский.

Рогнеда с облегчением вздохнула и уже набрала воздуха, чтобы сказать: «Нет, мальчик, ты ошибся номером», — как вдруг на том конце трубки, сбиваясь на непривычном имени, прозвучало:

— А позовите, пожалуйста, Рогнеду Роландовну!..

Рогнеда сжимала трубку, в голове проносились имена знакомых с детьми...

— Это я. Слушаю, — машинально ответила девушка.

— Меня попросил позвонить тренер, Яков Степаныч. Понимаете, у нас завтра ответственная игра — «Соколы», знаете, да? Но мы точно заклепаем никак не меньше трех голов, и тогда они нас нивжисть не догонят! Ой, — мальчишка смущенно умолк, а Рогнеда невольно заулыбалась, накручивая колечки провода на палец — как все знакомо. — Понимаете, Рогнеда... Роландовна, Колькин папа заболел и не сможет фотографировать. Яков Степаныч сказал, что вы точно сможете... Можете ведь, да?... Але...

— Да-да, конечно... Когда вы играете?

— Завтра, в девять! Спасибо!

В трубке запрыгали короткие гудки. Почти в такт им прыгало сердце в груди Рогнеды. Пойти поснимать матч. Дурочка. Когда ты последний раз фотоаппарат в руки брала? Куда ты пойдешь, что за нелепость? Может, позвонить сейчас Якову Степанычу, отказаться, или вообще сделать вид, что никакого звонка не было?

«Что, тетя Рога, слабо?» — ехидно спросил кто-то внутри. Елки-палки, а это откуда?

«Тетей Рогой» она придумала называться еще давно, в детстве, когда нужно было взять себя «на слабо»: ухнуть с тарзанки в холодную реку, прийти на Димкин матч не в потертых шортах, а в платье, и стать у входа на поле — вдруг посмотрит, хотя каждый раз ловила только восторженный взгляд Вальки и подчеркнуто-холодный — Вредины Митяя. «Тетя Рога» железно срабатывала. Рогнеда знала определенно, раз выпрыгнул этот вундертунный вредина, все уже решено.

По виду Женьке давали лет семь, хотя на самом деле ему было целых восемь, да еще и три месяца. Просто он был маленького роста и лопоухий, а еще вечно донашивал рубашки за старшими — рукава были длинноваты, из-за этого Женька казался еще меньше.

В общем-то, на первый взгляд, он был самым обыкновенным мальчишкой. Из тех, что смотрят в окно на уроках, лазают по деревьям и забывают заправлять постель по утрам. Хотя, нет. Если бы Женька забыл заправить постель, ему бы крепко влетело от родителей — порядок в семье ценился прежде всего. Женькины родители были людьми, что называется, «старой закалки» и свято верили, что только физическим трудом человек может по праву гордиться и добиваться уважения окружающих.

Кроме Женьки в семье было еще двое братьев и две сестры — такие же молчаливые, самостоятельные, приученные ничего не просить. Назвать их своими друзьями мальчишке даже в голову не приходило. Может быть, ес-

ли бы ему было, с чем сравнивать, он понял бы, насколько одинок. Но что с того? Женька не чувствовал пустоты внутри. Вернее, чувствовал, но привык к ней настолько, что уже почти не замечал. К тому же, откуда ему было знать, что бывает по-другому? Зато, в отличие от остальных, у Женьки была своя тайна, секрет, о котором не знала ни одна живая душа, и маленький мир мальчика был не таким уж серым и тусклым.

Собака. У Женьки, у него одного на всем свете, была чудо-собака, волшебная, говорящая, почти настоящая.

Она появилась, когда Женька в прошлом году подхватил грипп. Матери некогда было возиться с больным, она поставила на скамеечку рядом с его кроватью лекарства, подписала большими цифрами «1, 2, 3» и отправилась по делам. С Женькой осталась одна из сестер, мальчик даже не понял, кто именно: она ни разу не заглянула к нему. Женька лежал, повернувшись носом к стене, водил пальцем по старым обоям. От сильного жара казалось, что комната слегка качается, выцветшие узоры представлялись то лианами из джунглей, то сказочным драконом, похожим на собаку... Сказочный дракон-собака. Как его звали? Женька вспоминал и вспоминал, пока перед глазами не заплескали цветные круги, тогда он откинулся на подушку и в полузабытьи начертил на стене силуэт: «Собака-собака, расскажи сказку», — попросил он, и чуть не расплакался. Почти сразу Женька уснул, а когда проснулся, смутно помнил чей-то хриловатый голос, рассказывавший странную сказку о домовых.

Через несколько дней мальчику разрешили вставать, а раз так, теперь он помогал старшей сестре на кухне. Впрочем, Лида не нуждалась в Женькиной помощи, поэтому мальчик просто сидел на подоконнике и сквозь запотевшее стекло пытался разглядеть, что творилось на промозглой улице. По двору бродила здоровенная дворняга. Женька от нечего делать нарисовал ее на стекле, и тут же вспомнил о собаке на обоях.

— Привет! — тихонько сказал мальчик.

— Привет, — ответила нарисованная собака и, кажется, чуть вильнула хвостом.

Женька вздрогнул, но не испугался — узнал хриловатый голос из сна.

— А ты откуда взялась?

— Ты меня позвал...

— Я никого не звал!

— Женька, ты спятил? Сам с собой разговариваешь? — Лида отвлеклась от мытья посуды и насмешливо глядела на брата.

— Да нет, это я так... — растеряно пробормотал Женька. И подумал, глядя на собаку: «Как же с тобой теперь говорить?»

— Я тебя слышу, не бойся — прозвучал хриловатый голос в ответ на его мысли.

Женька радостно встрепенулся, чуть не грохнулся с подоконника и снова поймал на себе насмешливый Лидин взгляд.

С тех пор стоило ему нарисовать контур собаки, — где угодно: на песке, на асфальте, в уголке тетрадного листа, — и мальчик тут же слышал знакомый

хрипловатый голос, а само изображение слегка темнело, как будто на рисунок ложилась тень. Волшебная собака так наколдовала, чтобы никто никогда не обращал внимания, когда они разговаривают, и рассказывала Женьке истории одну интересней другой, понимающе кивала, когда его наказывали, и даже иногда подсказывала на уроках.

— И все-таки, откуда ты взялась? — спросил однажды Женька. — Ведь так не бывает, чтобы р-раз, и картинка ожила.

— Значит, бывает. — мальчишка мог поклясться, что в этот момент собака улыбнулась. Хотя улыбающихся собак он видел только в мультиках, и там они улыбались ненастоящей мультяшной улыбкой.

— Я же не простая собака. Да и не собака вовсе — это ты меня так нарисовал. Просто тебе было слишком... пусто. Ты это почувствовал и захотел, чтобы рядом оказался хоть кто-то! А рядом был я...

Кроме школы и дома Женька знал только огород. У семейства были свои полектара в деревне, где работа кипела с ранней весны до поздней осени. Родители называли участок колхозом, а пятерых детей — колхозничками. И все бы ничего, но на огороде отец заработал радикулит, время от времени в спину «стреляло»: он ходил согнувшись, как старичок, в доме сразу начинало пахнуть мазилками, хвоей и растираниями, — и его часть работ ложилась на плечи семейства.

Женька не любил возиться на огороде — ему, самому младшему, всегда доставалась самая нудная работа: уносить с грядок охапки сорняков, перебирать картошку или еще что-нибудь. От такой работы веяло тоской. А после появления собаки и разговоров с ней, Женька вдруг еще отчетливей стал ощущать тесноту того мирка, в котором жил. К этому ощущению добавилось еще одно — пустота, которую он до этого не замечал, вдруг сбилась в комок и периодически подкатывала к горлу. Неужели только с ним так происходит? — думал Женька, присматриваясь к братьям и сестрам. От прочих отличался самый старший — Колька. Он третий год ходил на футбол, и Женька считал это настоящим чудом, потому что уговаривать родителей отдать пацана в секцию приходил сам тренер, Яков Степаныч. Он говорил с ними часа два, спокойно и рассудительно, убеждал отца, что футбол — не баловство, а серьезный вид спорта, что у Кольки — явный талант, и прозевать его было бы непростительно, что секция, в конце концов, бесплатная. Последний аргумент, видимо, оказался самым весомым, и отец, махнув рукой, согласился.

Женька радовался за брата и слегка ему завидовал. Нет, он не хотел ходить на футбол, ему интересней было возиться с дворовыми собаками, но Кольке официально разрешили заниматься любимым делом, а Женьку всякий раз гоняли, кричали, что он подцепит какую-нибудь заразу, а лечить его никто не будет.

Как ни странно, Колькин футбол повлиял на отца. Когда «Олимпия» завоевала кубок, а Колька — лучший игрок — стал капитаном, отец вытащил

из недр антресолей старенький «Киев-19», и стал ходить на все игры фотографировать. Он даже завел специальный альбом, где хранил аккуратно подписанные снимки. При любом удобном случае отец доставал с полки альбом и обстоятельно рассказывал гостям:

— Это мой Николай. Он — лучший игрок и капитан команды. Они без него, как без ног.

Колька судорожно сглатывал, мечтая провалиться в тартарары, а Женька молча сопел от стыда, стараясь не смотреть на брата. Однажды, после очередного «Это мой Николай», Колька услышал Женькино сопение, но ничего не сказал, только еще раз взглянул на малого как-то иначе, не как всегда. Что это было, Женька не старался понять, и даже значения не придал, но запомнил.

Колька любил футбол, но бегал на тренировки не столько ради игры, а чтобы удрать от домашней тоски и однообразия. Мальчик еще не понимал, как сильно изменился. Если раньше ему было все равно, что происходило дома, то теперь от равнодушия братьев, сестер и родителей становилось невмоготу. Иногда до боли хотелось, чтобы на него хотя бы накричали, только бы не слышать размеренную бесцветную речь отца, что «он в его годы», да монотонную тираду матери о неблагоприятных отпрысках.

Близился решающий матч, и Колька целыми днями пропадал на стадионе, его даже освободили от огорода, этой «священной повинности». Он жил предвкушением игры, но за день до матча отца снова скрутило. Кольку грызла досада — как ни крути, а отец был его единственным зрителем и болельщиком. За год мальчик так привык, что есть кто-то «за него» (во время матча он даже украдкой поглядывал на трибуну). И пускай потом приходится платить жгучим стыдом, когда достают альбом и дотошно втолковывают: «Вот мой пацан. Он вам не какой-то там! Сам. Всего сам добился, так же, как я». Только вот отца заботит совершенно иное: в его фотоальбоме не будет нового снимка, не будет чем хвастать перед гостями, он порывался вставать, и Колька всякий раз бубнил:

— Ничего, пап, я предупредил Якова Степаныча. Он обещал что-то придумать.

Мальчик нарезал круги по квартире, путаясь у матери под ногами, а потом вспомнил сопение младшего брата и словно между делом спросил:

— Ма, тебе Женька завтра с утра будет нужен?

— Женька? А толку с него? Хотела подрядить его картошку перебрать, да сам он мешок пока не потащит. А что?

— Пустишь его со мной, «поболеть». А потом мы вдвоем все быстренько переберем, правда, Жень?

Женька закивал головой, онемев от неожиданного счастья: Колька вспомнил о нем! Колька просит его отпустить, а потом поможет картошку... Может, он спит? Мальчик ущипнул себя за ногу и резко втянул воздух сквозь зубы: больно!

Мать хмыкнула, мол, пусть идет, чего уж.

— Так, чтоб ровно в восемь сорок пять был у стадиона, я отведу тебя, — с напускным равнодушием сказал Колька и, подмигнув брату, ликуя, выско-чил из дому: «тыл» на трибуне ему обеспечен.

Погода для игры была как по заказу солнечной, безветренной, в меру теплой. Мальчишки старались вовсю: «Олимпия» и «Сокол» были почти та-кими же противниками, как «Динамо» Киев и Московский «Спартак». По крайней мере, в глазах игроков обеих команд. Рогнеда сжимала в руках фотоаппарат и ловила себя на том, что читает игру, видит руку Якова Степаны-ча в действиях мальчишек. «На поле должна быть команда. Пасуйте, не жад-ничайте. Прессингуйте, двигайтесь, двигайтесь — сбивайте их с толку, навя-зывайте вашу игру», — учил он своих подопечных. Рогнеде почему-то вспомнился мультик про казаков, которые играли в футбол, и девушка не-вольно улыбнулась.

— Давай, Колька!!! Давай!!! — в который раз раздалось прямо над ее голо-вой.

На третьем, что ли, ряду сидел лопухий мальчишка лет семи. Видно, пришел болеть за брата. Он так радовался каждому голу и так азартно вопил «Колька, давай», — что Рогнеда не удержалась: повернулась к зрительским скамейкам и с руки щелкнула несколько раз воплощенное счастье.

Счет был пять-один в пользу «Олимпии» и мальчишки охотно позирова-ли перед Рогнедой — все вместе, по одному, корча рожи, ставя рожки, кривя серьезные мины.

— Сфотографируй-ка наших героев — попросил Яков Степаныч. — Митя, Колька, Богдан, идите-ка сюда!

«Не тот ли ты Колька, за которого так болел лопушистый мальчишка? И не твой ли отец так «не вовремя» заболел?» — подумала Рогнеда, но вслух ничего не сказала, только улыбалась и улыбалась.

— Жека, иди сюда! — крикнул Колька и застенчиво попросил: — Щелкни-те, а?

— Брат?

— Даже больше — друг! — серьезно ответил старший, а Женька распахнул глаза от удивления.

Подошел тренер, заговорщицки подмигивая:

— Рогнеда Роландовна...

— Яков Степаныч, миленький, — заорала Рогнеда, подпрыгивая от радости.

Мальчишки даже немного шарахнулись от эдакого буйства, а потом одо-брительно заулыбались между собой, показывая большой палец.

— С каких это пор я Роландовна?

— Я так думаю, от самого рождения, — степенно заметил тренер.

Рогнеда весело смеялась, и басок тренера вторил ей.

— Как ты там... поживаешь?

— Да вот... потолки на днях побелила. Отличнейшее, знаете, занятие. Заменяет медитацию и ящик снотворного.

Вымученная шутка растворилась в молчании. Девушка мысленно выругала себя, но Яков Степанович только на миг опустил взгляд, и быстро перевел разговор:

— Как тебе мои чемпионы? Орлы! Все, как один!

— Как один, — усмехнулась Рогнеда, второй раз за два дня вспоминая о Димке.

— Нет, боюсь, другого такого у меня больше не будет, — Яков Степанович словно прочитал ее мысли. — Зато есть похожий. Самородок, только...

— С характером?

— Парень-огонь! Наш герой — Колька Сапожкин. — Яков Степанович понизил голос, доверительно наклоняясь к Рогнеде: — Когда начинает фило- нить, зову его Лаптем.

Они еще немного поболтали о пустяках, и распрощались.

Дом погрузился в молчание. Такое чувство, что даже ходики замерли, остановив время. В такие минуты Рогнеда особо остро ощущала, что она совсем одна в большом гулком доме, даже мыши не копошились под полом, в стенах или на чердаке. У деда издавна, как он сам смеялся, был заключен пакт с кошкой соседей: в обед он выставлял на порог миску каши и молоко, а Мурка исправно «несла патрулирование». Конечно же, Рогнеда не стала менять привычный ход вещей. Первое время кошка чуралась ее, нервно била хвостом, завидев девушку, но потом привыкла, смирилась и снова вернулась к охоте.

Рогнеда перекинула удачные фотографии на винчестер — фото-магия теперь происходила в электронном виде. Вопреки ожиданию, предчувствие волшебства не приходило. А ведь раньше все было совсем по-другому!

Казалось, это было всегда, как футбол. Любимая малышовская игрушка Рогнеды — футляр от «Зенита», любимая игрушка Рогнеды постарше — старенькая «Вилия», любимое занятие... Она забывала о шалостях, проказах и даже о мелких капризах вроде «не хочу кашу», стоило деду сказать:

— Рогнеда Роландовна, сегодня мне потребуется ассистент.

Первым делом она бежала к перекидному календарю, узнать, когда заход солнца, а потом буквально гипнотизировала часы (однажды даже перевела стрелки почти на час вперед, чтобы скорей пришел вечер). Но вот наконец-то начинало темнеть! Рогнеда бросала все книжки-игрушки и сновала из чуланчика в кухню: выставить ванночки для растворов, выложить пинцеты — деду и себе, приготовить одеяльце, еще парочку мелочей, притащить из комнат дедов стул, поставить табурет для себя, позвать:

— Деда, я жду! — и, затаив дыхание, следить, как на столе вырастает волшебная башня.

Кузьмич долго перебирал свои коллекции. Сегодня особенный вечер, и домовому хотелось подобрать что-то под стать этому тихому, возвышенному, почти торжественному настроению, которое завладело Домом: впервые со смерти деда Потеряшка была на футболе, она фотографировала. Глядишь, скоро отгадет и сможет разглядеть огонек, который Кузьмич по-прежнему зажигает перед ее возвращением.

Вот, пожалуй, что подойдет: чай из розовых лепестков, старенькая вишневая трубка и турецкий табак! Обстоятельно, неспешно Кузьмич заварил чай в старом серебряном чайничке, набил трубку, приготовил любимую чашку и выложил на блюдечко несколько ложек варенья из одуванчиков. Да, все так.

Он улыбнулся, наливая чай, вдыхая нежный аромат, как вдруг чувство острой тревоги и страха пронзило старого домового. Чашка выскользнула из пальцев, осколки брызнули во все стороны, и Кузьмич начал браниться, чтоб отвести беду от Потеряшки: это ее страх он почувствовал, за нее растревожился, за...

Рогнеда подпрыгнула и чуть не вскрикнула от неожиданности: над головой, прямо на чердаке, что-то грохнуло, будто чашка брызнула осколками. Но ведь этого не может быть! Конечно, не может... Просто на улице что-то разбилось, а она, дурочка, вообразила невесть чего. Девушка с силой провела рукой по глазам, словно хотела стереть усталость и наваждение. Очередная фотография. Что тут у нас? Лопухий болельщик, воплощенное счастье... Возле него какое-то пятнышко... Нет, не пятно. Кажется, тень... Да, тень собаки!

Стоп! Тень есть, но где же собака? Рогнеда подняла голову. Тень собаки теперь сидела прямо перед ней, вывалив длинный язык. Рогнеда вскрикнула, отшатнулась, едва не упала со стула. Тысячи мыслей промелькнули в голове и затихли, лишь одна билась неугомонным эхом: «У тени собаки только тень языка. У тени собаки только тень языка». Глубокий вдох (похожий на всхлип), еще один, третий. Намного лучше. И руки уже не дрожат.

Рогнеда подняла взгляд и облегченно засмеялась. Боже мой, какая трусиха! Это же просто тот самый футляр от «Зенита», который уже тысячу лет висит над монитором. Тень языка — ремешок, красный глаз — отблеск лампочки на заклепках.

— Всего делов-то! А задрожала, как заячий хвост, — засмеялась Рогнеда, перевела взгляд на фото, и улыбка замерла на губах: тени или пятна в виде собаки возле мальчика не было.

Напротив Кузьмича, в продавленном плетеном кресле угадывалась тень собаки. Ушедший! Он пристально, и как показалось Кузьмичу, жадно, вглядывался в его лицо. Может быть, в другой раз домовый отыскал в сердце сочувствие, нашел доброе слово, ибо нечасто Ушедшие появляются среди домовых, но не теперь. Испортить такой вечер! Растревожить Рогнеду!

Кузьмич долго шаркал по комнатке, собирая осколки, выметая их из самых дальних закутков, вытирая лужу, которая была его чаем из лепестков роз, раскуривал трубку, — другую трубку и другой табак, — а Тень не сводил с него глаз.

Какая ирония! Того, кто когда-то не выполнил своего основного предназначения — отказался защищать Дом и людей, отвернулся от собратьев-домовых, явили в облике извечного людского сторожа, попутчика и друга. Кузьмич снова вздохнул: это для своего человека Тень может оставаться, кем угодно, но здесь пусть примет настоящий облик. Если сможет.

— Я помню твоё имя, — наконец-то заговорил домовый, выбивая пепел.

Тень собаки задрожала, стала нечеткой, расплывчатой, заколыхалась, словно дым на ветру, и вот уже в кресле — тень домового.

— Неужели ты узнал меня?

Кузьмич не услышал — почувствовал эти слова.

— Конечно. Как не узнать? Или ты вообразил, что я настолько стар, и не вспомню ни тебя, ни твоего имени?

Тень нахмурился. Он и не представлял, сколь много забыл, пока не увидел домового. Когда-то и он был таким же, его звали... Миргород, он был хранителем самого первого дома этого города. Он, как и его собратья-домовые оберегал дом и людей, живших в нем, а тепло живого дома оберегало его. Пока жив дом — жив и домовый... Что же с ним стало потом? Холод небытия уже год не сковывал его мысли и чувства, но сколько еще ему предстоит вспомнить и исправить!

— Прости, — сказал Тень, — я так и не понял, отчего ты бранился, какую беду хотел отвести?

— Ты до смерти напугал моего человека, понятно! Зачем тебе это? Хочешь совсем *развоплотиться*?

— Твоего человека?

— Да. Это мой человек. Рогнеда. Что здесь неясно? — сердито проговорил Кузьмич.

— Ясно, все ясно! Просто я только теперь начинаю осознавать, как много забыл. У меня теперь тоже есть человек, мальчик, и я... я нужен ему прямо сейчас!

Тень домового задрожала и растворилась.

Кузьмич снова заварил себе чаю, налил в старую, но не столь любимую кружку и запыхтел вишневой трубкой. Пока он возился, Рогнеда уснула. Спокойно и крепко. Она улыбалась. Славная девочка, про себя улыбнулся Кузьмич, сильная. Или, может, таки его бормоталки подействовали? Да нет, просто впервые со смерти деда она по-настоящему радовалась и снова занималась любимыми делами: футболом и фотографией. Одно омрачало Кузьмича: зачем — и как? — явился *этот*.

Домовые избегали называть *ушедших* по именам. Возможно затем, чтобы не накликать беду, или чтобы *те* не вернулись случайно, от слишком

частого упоминания имени. Возвращение нужно было заслужить, и это редко кому удавалось.

Когда в город пришла очередная пора огней, пожаров и смерти, когда ночное небо исполосовывали лучи прожекторов, а в воздухе то и дело повисал протяжный гудок «тревоги», домовые, как не один раз до этого, объединились, чтобы сообща справиться с напастью. Каждый день они собирались, чтобы предугадать, куда сегодня придет беда и, если не удастся отвести ее от дома, попытаться хотя бы увести людей. Один Миргород решил, что дела остальных его не касаются, и поплатился за это. Много, очень много домов тогда было разрушено, только печи чернели среди развалин, много людей не вернулось в город. Шесть месяцев противостояния растянулись на век. Кузьмич не помнил, сколько старых товарищей не выдержали ежедневного напряжения сил, гибели домов и людей. Только Дом, от которого осталось две стены и кусок чердака, да ясное чувство, что к этому Дому вернуться, удержали Кузьмича на самом краешке гибели.

Кузьмич снова вздохнул, выбил пепел из трубки и собрался на боковую, когда тень собаки снова возникла в окне, потрусил к столу и с видимым усилием перекинулась в тень домового.

— Я вернулся. Ничего?

— Вообще-то я спать хочу, — грубовато ответил Кузьмич.

— О! Прости, я забыл, что вам надо спать. Можно, я приду утром, когда ты проснешься?..

— Да уж приходи. Только человека моего не пугай, ясно?

— Хорошо. — Кузьмичу почудилась улыбка в голосе гостя. — Я приду. Доброй ночи.

Тень давно крутился около дома, изнывая от нетерпения, но ради приличия выжидал, пока Кузьмич выпил чаю и выкурил трубку. Только тогда, робко скользя по стеклу чердака, приблизился к домовому.

— Здравствуй, Кузьмич.

— Да и тебе не кашлять. Ну, выкладывай, с чем пришел?

— Просьба у меня к тебе будет. Вчера ты сказал «мой человек», значит, ты сможешь понять, что чувствую я и мой мальчик — Женя. Я хочу ему помочь, но даже не знаю, как подступить. Я превратился в Тень, стал отзвуком себя, у меня нет былой силы. И я прошу, помоги мне...

— Хочешь вернуться? — перебил Кузьмич.

— Что?

— Это способ вернуться: помочь тому, кто явил тебя из небытия.

Тень нахмурился и с расстановкой произнес:

— Не понимаю, что ты говоришь. Я хочу — очень хочу — помочь Женьке!

Так вот почему ни один из *ушедших* не вернулся! — внезапная догадка все прояснила — развоплотившийся домовый напрочь забывает о единственном способе снова стать собой.

— Вот что, — произнес домовый, — надо позвать и Федотыча. — Кузьмич

едва не ляпнул, что у него тоже есть свой человек, да вовремя сдержался и вывернулся: — Это самый разумный домовой из тех, что я знаю. Расскажешь обоим. Глядишь, вдвоем что-то скумекаем.

Домовой распахнул сундук, достал перевязанный кожаным шнурком сверток, положил на стол и стал медленно, осторожно, слой за слоем снимать обертки.

Тень замер, подрагивая от возбуждения: сколько лет он не видел Священной Трубки? Много. Так много, что практически забыл о ней. Кузьмич не обращал внимания на гостя. Он развязал сложные узелки, снял клеенчатую обертку, вошеную бумагу, белую ткань, вышитую яркими нитями и, наконец, мягкую замшу, с обеих сторон разрисованную сложными узорами.

Кузьмич взял трубку в руки, мысленно обращаясь к Федотычу, и запыхал, призывая друга. Через пару минут от дверей послышался ворчливый басок:

— Да здесь я, здесь. Незачем так кричать.

Кузьмич бережно опустил Трубку на замшу и принялся запаковывать священный предмет.

— Что стряслось такого срочно-важного, а, Соломон Кузьмич? — вопрошал Федотыч, подходя к столику. — А ты что здесь делаешь?

Тень дрогнул, но снова обратился с просьбой о помощи.

Федотыч перевел насупленный взгляд на Кузьмича, но Тень ничего не заметил, он говорил, говорил, радуясь, что снова может говорить, что его понимают.

— Можешь не продолжать, — проворчал Федотыч, — лучше расскажи нам про своего мальчика.

Тень запнулся на полуслове, помолчал, собираясь с мыслями, и рассказал о Женьке — что понял и что почувствовал.

— Но почему ты появился здесь и напугал Рогнеду? — не выдержал Кузьмич.

— Да я и сам толком не понял. Мой мальчик явил меня на стадионе, чтобы я тоже поболел за его брата, но в какой-то момент словно молния ударила в меня, я утратил... Не знаю даже как сказать... Мне показалось, что я потерял тень.

Федотыч не удержался и фыркнул: надо же! Тень потерял тень! Но гость продолжал:

— Я чувствовал ее, сначала смутно, потом все ярче, и, наконец, нашел! Мы стали едины — я и моя тень, а потом я почувствовал взгляд и увидел Рогнеду, твоего человека, а она — увидала меня. Не знаю почему: меня никто не видит, кроме моего мальчика. А потом я услышал, как ты бранишься, и пришел. Это все, — робко закончил Тень. — Вы поможете моему мальчику?

Федотыч долго молчал, не отрывая взгляда от стола, заставленного чайными чашками, усыпанного мягким трубочным пеплом. Всю жизнь он считал ушедших предателями, но теперь, столкнувшись лицом к лицу, не

чувствовал гнева или злости. Он пытался вызвать в себе хотя бы неприязнь, но почему-то думал о Димке, только о нем одном.

Вон Кузьмич как о Потеряшке печется, а знал бы он, сколько Федотычу пришлось хлебнуть вместе со своим парнем. Но разве такое расскажешь, это навсегда остается между домовым и его человеком.

Димка рос покладистым, спокойным, но каким-то угловатым, и Федотыч поначалу думал, что никакого толку из него не выйдет, пока не присмотрелся внимательней. Парнишка бредил футболом. С завидным упорством, без усталости мог часами гонять мяч по двору, воображая стену дома своими воротами, а стену отцовской кузни — воротами противника. Если бы можно было, он и спал бы с мячом, но мама зорко следила, чтобы эти двое ночевали в разных местах. Иногда она посмеивалась:

— Твою бы энергию, да в мирные цели, цены тебе б не было!

Димка только удивленно оглядывался на маму, а отец, если случался поблизости, отвечал:

— Пусть его! Может, станет вторым Пеле.

— Не стану! — однажды выпалил Димка. — Я буду первым Соколовым!

Родители переглянулись и едва удержались, чтобы вслух не рассмеяться. Один Федотыч довольно хмыкнул:

— Надо же! От горшка — два вершка, а «первый Соколов»!

Когда Димка не «стучал мяч», он заходил в кузню, садился на трехногий стульчик, и замирал, как воробышек под решетом. В такие минуты Федотыч легко мог отгадать Димкин настрой. Зачастую мальчуган был расстроен. Он страстно желал быть футболистом, и удар у него был, что надо, да точности не хватало.

— Мазила! — орали ребята, и не брали играть.

Даже если Димка приносил мяч, его неохотно ставили на ворота, чтобы сменить при первом попавшемся случае. Федотыч ничего не смыслил в игре, которой болел Димка, да одно подметил определенно:

— Глазомеру тебе, паря, надо добавить. Глазомеру, а не дурищи!

Однажды, по старой привычке, Федотыч произнес это вслух, и Димка вздрогнул, услышав незнакомый голос. Почудилось? Наверняка! Тут некому говорить, кроме отца, а его при всем желании сейчас не расслышать. Что это тогда?

— Глазомер, — снова пробормотал голос.

Димка метнулся во двор, а Федотыч долго смотрел ему в след, не в состоянии осознать и поверить: Димка — его человек.

Потом была радость, когда паренька, одиноко «стучащего» в парке, заметил Яков Степанович — тренер городской детской команды и взял к себе. Димкин отец долго шутил, что тот подает надежды и полотенца, а потом случилось «вдруг», и мальчик заиграл, как никто другой в команде, — легко, красиво. Только Федотыч да Яков Степанович знали, что это просто чудо Димкиного упорства, работоспособности и ничего больше.

— Ну, вот ты и прорезался, — сказал Федотыч, когда Димка, разгоряченный первой победой, ввалился в кузню. — Главное, нос не дери.

Мальчишка радостно хохотнул и выскочил во двор.

Что бы отдал Федотыч, чтобы Димка, которому недавно сравнялось двадцать пять, снова захохотал как тогда, в детстве?

Кузьмич нарочито громко выстучал пепел из трубки, и Федотыч очнулся от размышлений.

— Да, задал ты задачку, — вымолвил он. — Мы слышали тебя. Теперь надо подумать. Иди. Мы позовем тебя.

— Трубкой?

Сумасшедшая надежда Тени обожгла домовых — трубкой звали только живых домовых — но Федотыч строго отвечивал:

— Нет. Просто ты сам поймешь, что мы все решили.

— Спасибо... — Тень помялся, словно хотел еще что-то спросить, но не решился и повторил: — Спасибо.

Кузьмич мыл посуду, протирали мягким полотенцем и расставлял по местам: когда домовые на чем-то очень сосредоточены, чашка с чаем может появиться сама по себе, но убирать приходится самостоятельно. Федотыч медленно качался в кресле-качалке, посасывая трубочку.

— Что скажешь? — наконец-то спросил он.

— Что я могу тебе сказать? Он говорит искренне. Он хочет помочь пареньку, но сам ни за что не справится. Признаться, я не знаю, чем мы можем помочь.

Кузьмич бродил из угла в угол. Внезапно он показался самому себе старым, усталым и маленьким. Нет уже былой хватки, нет прежнего Соломона, остался Кузьмич, который только и может, что шаркать по чердаку, гонять чай да зажигать для Потеряшки огонек. Неужто ее тоска по деду передалась и ему, раз он до сих пор не додумался хоть как-нибудь ей помочь, схитрить, наколдовать, чтобы девушка начала приходить в себя? Неужели, чтобы понять это, должен был появиться *ушедший*?

— Ага, — мрачно буркнул Федотыч, словно прочитал его мысли. — Мой-то почитай полгода в кухню не заходит, только когда выполняет заказ, а ведь раньше там дневал и ночевал! Убедил себя, что никогда не слышал мой голос, вроде того, что в детстве так играл сам с собой. Я уже всякую надежду потерял.

Федотыч теребил бороду, улыбаясь горестно и растерянно. Кузьмич не ослышался: его ворчливый саркастичный друг чувствует то же самое.

— Рогнеда идет, — тихо сказал домовый, поднимаясь. — Я всегда ставлю свечу на окне, когда она возвращается. Да что это мы!

Кузьмич выпрыгнул на середину каморки, сжимая горящую свечу, словно оружие. Федотыч впервые увидел своего друга таким, и невольно заулыбался, любуясь осанкой, гордым профилем и воодушевлением, что разгорелось на морщинистом лице. Домовой не замечал, что горячий парафин течет по руке, и вдруг застыл, как неживой.

— Увидела, — одними губами проговорил он. — Увидела свет...

Федотыч бережно подхватил друга под локоть, усадил в кресло, заварил чаю. И молча наблюдал, как мертвенная бледность сходит с лица Кузьмича.

— Вот и отлично. Пойду я. Надо и моего «разбудить». Не провожай.

Федотыч ушел, а на чердак явилась тишина. Кузьмич не спешил пугать ее бормотанием чайника, звяканьем чашки, голосом трубки. Он молча сидел за столом, подперев голову кулаком. Почему он до сих пор не догадался помочь Потеряшке? Ведь это так просто, достаточно протянуть руку, остальное она сделает сама. Но как?

Сквозь бархатную темень ночи Кузьмичу под ноги легла лунная дорожка, и домовый встрепенулся. Если он видел сны Рогнеды, она ведь тоже может увидеть сон, сотканный заботливой рукой! И первой ниточкой станет та самая, что протянулась от Кузьмича к малышке.

Ей не было и трех лет, когда она потерялась. Внимание Кузьмича привлекла суматоха, что вдруг поднялась в Доме. Он недовольно оторвался от заваривания чая, и уловил, что пропала Рогнеда. Сперва только хмыкнул, мол, следить лучше надо, а потом что-то полузабытое кольнуло под сердце, и домовый достал из сундука *осколок*... Вот и Рогнеда — через два дома. Сидит у сарайчика, и что-то сосредоточено строит из хвороста, грудой сваленного у стены. Да, там кроху долго никто не найдет, надо возвращать ее самостоятельно. И Кузьмич взялся чудесничать.

Домовой устало вздохнул. На первый раз хватит. Теперь надо поглядеть, что из этого вышло.

Рогнеда строила крепость. Крепость и башню. И мост. Она высунула язык от усердия, и все пыталась переупрямить несносную палку, которая никак не хотела ломаться, только гнулась туда и сюда. И вдруг увидела мяч. Он покачивался на траве, словно весело бежал и не до конца остановился. Странно. Только что мячика не было!

Рогнеда поднялась на ноги, бочком приблизилась, прищурилась, и нанесла внезапный удар. Бамк! Здорово он улетел, высоко, звонко, и снова упал на траву. Ага, не сбежишь! Рогнеда ощутила азарт, она подсказывала к мячу, пасовала, обводила, сражалась с целой командой противников, и вдруг ее подхватили на руки, и девочка увидела деда.

— Отыскалась! Где же ты была, Потеряшка?

— Деда, пусти! Видишь, я же футболю!

— Ну, уж нет! Не пушу!

— Ну, де-е-е-еда-а-а-а...

— Дома будешь футболить. Эх ты, Потеряшка! Футболит она...

Девушка проснулась от слез. Только ей казалось, что кто-то невидимый плачет вместе с ней в ночной темноте. На полу золотилась лунная дорожка. Рогнеда вскочила с кровати, и как в детстве, добежала до окна, забралась с ногами на подоконник и зашептала, глядя на полукруг растущей луны, исчерканный ветвями старого сада:

— По дорожке на окошке я несу звезду в лукошке. Где она свой свет прольет, там кручина пропадет.

В распахнутую форточку ворвался ветерок, пробежался по комнатам, и Дом отозвался, негромким шепотом браня сорванца. Рогнеда засмеялась, и ей показалось, что кто-то невидимый рассмеялся вместе с ней.

Федотыч вернулся к себе в кузню непривычно притихший: растерянный, усталый, одинокий — какой-то растрепанный. Он недвижно сидел, глядя на застывшие угли, и даже не бубнил себе под нос, как обычно, просто размышлял, пока в голове не зазвенело.

Димка, Димка! Сколько всего они пережили, хорошего и плохого. Труднее всего пришлось, когда Димка получил приглашение в молодежную сборную. В первый миг юноша витал в облаках, а в следующий разверзлась пропасть люка, он попытался перешагнуть, поскользнулся, и грохнулся так, что сломал ногу и выбил колено.

— Если бы что-то одно, — разводили руками врачи. — Пока трудно сказать, надо ждать, пока все заживет.

Юноша не догадывался, что все ночные переживания, сомнения и надежды с ним разделял домовый, мучился от бессонницы, негромко ворчал, но маялся, кажется, больше самого Димки. Парень выстоял, когда вынесли приговор «никакого футбола, иначе...», но что с ним будет теперь, когда рядом один только Федотыч, а сам Димка упрямо вцепился в прошлое и не отпускает?

Домовой вскочил — затекшие мышцы недовольно заныли. Это ж сколько он просидел сиднем? Эге, уже ночь за полночь, а он сидит, прохлаждается, видите ли, думу думает. Федотыч затряс головой, разгоняя усталость, оцепенение и тоску, схватил первое, что подвернулось под руку, и стукнул по наковальне. В сонной тиши звон показался нешуточным.

— Вот и славно! Какие тут шутки? Что я раскуксился, как «благородна девица»? Я — домовый!

И снова ударил.

Димка! Растрепанный, как недавно Федотыч, сонный, растерянный, тыкается по углам, — и уходит.

— Остановись! — крикнул Федотыч и вновь брякнул железкой, но Димка больше не слышал. — Ничего, ничего, — утешил себя домовый. — Главное, лед проломился.

Еще не начинало светать, когда Кузьмич проснулся от ощущения, что на него смотрят. Он быстро сел, протирая глаза.

— Федотыч!

Видно было, что друг даже не ложился и, казалось, сиял от нахлынувших чувств.

— Димка! Он услышал меня! Пусть только на миг, но все ж... И пацан...

Как я понял, внутри у Женьки поселилась Пустота. Если он избавится от нее, получит шанс повернуть судьбу. Главное, чтобы *этот* не сплеховал, — к Федотычу вернулась его обычная ворчливость.

— Звали? — в проеме окна образовался Тень.

Домовые вздрогнули и неприязненно покосились на него.

— Почти. Ты говорил, Женька ощущает Пустоту и не знает, как избавиться от нее. Мы знаем способ, он всего один, и мы им воспользуемся, если ты сможешь помочь.

— Я сделаю все, что вы скажете!

— Не спеши, — сурово оборвал его Федотыч. — Спешка здесь совсем ни к чему. Нам всем придется изо всех сил постараться, чтобы все прошло гладко, а Женька не испугался. Вначале это будет похоже на сон — он-то и будет основой волшебства. Мы с Кузьмичем создадим его. А уж потом твоя задача — наяву привести мальчика на нужное место. Кстати, нам придется задействовать и своих человеков, так что смотри, не перестарайся с охраной Женьки. — в последней фразе Федотыча Тень уловил легкие нотки сарказма.

Тень третий день неотлучно находился при Женьке, прислушиваясь к мальчику. С момента последнего разговора Кузьмич и Федотыч больше не звали его, но Тень не думал обижаться. Он понимал, что чувствуют домовые, даже слишком хорошо понимал. С лишком... вот-вот, у него всегда так было, от того все беды. Хотя нет, не потому что слишком сильно привязывался, любил и берег, а потому что боялся слишком сильно любить, привязываться, беречь. И тогда, во время шестимесячной оккупации города, видя, как гибнут другие домовые, пытаясь спасти своих людей, он тоже испугался. Слишком испугался. И ушел. Дал маху, причем, как всегда «с лишком». Тень усмехнулся, и Женька улыбнулся вместе с ним.

— Я готов! — объявил Тень, появляясь перед Кузьмичом.

— Вот и славно. Федотыч скоро явится, а ты пока погоди. Когда мы начнем, ты должен изо всех сил сосредоточиться на твоём человеке, не отвлекаться ни на миг, ни на секунду. Мы можем использовать это волшебство только раз для одного человека, так что второй попытки не будет.

— Я понял, — сглотнул Тень.

— Не пора ли начинать? — проворчал Федотыч, объявляясь в каморке.

— Пора.

Кузьмич развернул Трубку, и домовые прикоснулись к ней. Тень сразу закрыл глаза, чтобы не отвлекаться даже невольно, и думал, думал, думал о самом главном для него человеке — о Женьке. Он не видел, как из чубука к потолку поднимаются нити. Знания Кузьмича о снах соткали серебристую основу, путеводная нить от Федотыча проложила ясную тропинку, а живая красно-оранжевая нить заполнила пустоты.

— Записано — исполнено! — торжественно сказал Кузьмич, и напряжение схлынуло.

— Миргород!

Тень вздрогнул: его впервые называли по имени. Кузьмич передал ему невесомое полотно цвета живого огня с изменяющимся узором.

— Просто укрой своего человека. Тыпустишь Женю в иной мир, где можно избавиться от Пустоты. Не бойся, я присмотрю за ним, и дам знать, когда он будет готов встретиться с ней наяву.

Звон шел из кузни, Димка не мог ошибиться — слишком хорошо знал ее голоса. Ему не было страшно. Кажется, он разучился бояться вечность назад, когда проводил в последний путь родителей. Блестящий жирный чернозем пластами налипал на ботинки, словно хотел, чтобы Димка тоже остался в тиши старого кладбища. Но он уходил, потом возвращался, потом опять шел домой. В последние — дни? месяцы? — у него был натоптан всего один маршрут: дом, кладбище, магазин, дом. В отцовской кузне он теперь работал сам — уже не подмастерье, как раньше, а мастер. Правда, прежней радости и ощущения волшебства во время работы уже не было. Заказчики приходили и уходили, меняли деньги на ремесло, а Димка жил как во сне, словно ждал, когда отец позовет помогать, или мама крикнет из окна, что пора ужинать. Ему казалось, стоит выйти на улицу, они возвратятся домой, словно ни в чем не бывало, а он все прозевает. Зевает...

Нет, спать больше нельзя, надо узнать, кто проник в самое сердце, кто растрезвонился в кузне... Никого. Тени, тени и воспоминания.

Четвертую ночь Димка просыпается от звона молота о наковальню. Он скоро не выдержит. Разве мало кошмаров? Надо еще и свихнуться? А вот это уж дудки! Сегодня он заночует прямо там, и если это розыгрыш... Молодой мужчина заскрипел чужим колючим смехом: кто мог его разыграть? Никто. Абсолютно!

Кто-то явственно произнес:

— Спишь, паря? Ну-ну.

И снова — оглушительный звон.

— Спишь? А вот я еще как!

— Не надо, — закричал Димка пронзительно, как в детстве. До боли захотелось натянуть одеяло на голову и зажмуриться.

Молчание. Долгое, настороженное.

— Не надо, — повторил он. — Кто ты?

— Не важно. Это — не важно. Важно другое — я тебя добудился, и это надо отметить!.. А ты... ложись досыпать. Работа тебе будет. Непростая, но я помогу... Нет, мы все поможем. Спи, Димка, спи.

И он уснул, крепко и сладко, как в детстве.

Неделю Димка бродил, как сомнамбула, не понимая, слышал он звон и чей-то чужой голос, или только почудилось, а потом, проворочавшись полночи без сна, внезапно ощутил неодолимое желание заночевать прямо в кузнице. Мужчина поднялся с постели, перебежал двор, ежась от ночного холода, и юркнул в кузню, еще горячую после сегодняшней работы. Два ватника легли на пол, он укрылся старой овчиной, и словно охнул в глубокий омут.

Посреди леса мелькал отблеск костра, три тени колыхались около него.

— Слушай внимательно, Димка, — произнес знакомый ворчливый голос, — тебе предстоит выполнить важную работу...

— Заказ? — тупо спросил он.

Босые ноги мерзли на холодной земле. Хотелось придвинуться ближе к огню, но что-то удерживало на расстоянии.

— Если хочешь — заказ. Ты должен сделать нож. Не просто выковать клинок, но рукоять и ножны, — исполнить, как полагается.

— Это будет волшебный кинжал?

— Волшебный, — бросила тощая тень, глянула на товарок и пожала плечами.

Третья только махнула трубкой, мол, продолжай, ворчунья повела дальше:

— Пусть будет волшебный, но не кинжал — нож. Мы предоставим тебе все необходимое, и будем помогать по мере сил. Я-то уж точно.

— Но для чего?

Тени переглянулись.

— Пока это не должно тебя волновать. Ты должен выполнить... заказ. Вознаграждение будет достойным.

— Иди, — сказала тень с трубкой. — Ты получишь необходимое и будешь знать, что с ним сделать.

Димка проснулся от холода. Ноги просто заledenели... немудрено, — он стоял во дворе, босиком на земле, скованной заморозком. Лунная дорожка позолотила иней, превращая его в драгоценность тонкой работы. Месяц рожками вниз заглядывал в лицо. О чем он думал, продолжая торчать во дворе, босиком, с овчиной, наброшенной на плечи? Неизвестно, но пока облачко не скрыло луну, Димка не смог двинуться с места, только потом двумя скачками добрался до дома и скрылся в безопасности Пододеялья.

Димка стоял дурак-дураком, не в состоянии сделать первый удар молотом о наковальню.

Молотом? О наковальню? Как бы не так! В руке был детский разноцветный молоточек. Вместо горна — «печь» из книг (он боялся взглянуть на корешки, подозревая, что обнаружит классику детского чтения), вместо огня — фонарик. С таким обычно читают под одеялом. О наковальне вообще лучше молчать.

В левой руке он сжимал букет полевых цветов, фотографию ребят со сбитыми коленками, щенком и флагом над сарайчиком, гордо поименованным

«Штаб». Еще там была пластинка клубничной жвачки, камешек «куриный бог», спица от велосипеда, колокольчик. Как вся эта дребедень уместилась в горсти? Никак. Она была внутри ярко-красного воздушного шарика.

— Ну же! — требовательно прозвенело над ухом. — Закрой глаза! Закрывай... Чувствуешь?

О да! Он чувствовал! Тяжесть молота, голос огня, раскаленную полосу металла, зажатую тисками. Тоненькая ниточка понимания коснулась кончиков пальцев. Даже не нить — паутинка. Легкая, невесомая. Одна неверная мысль, — она исчезнет. Не думать!

Димка кожей чувял, что металл подостыл, и сунул его в горнило... Пора!

Не открывать глаза. Не думать, делать то, что он умеет лучше всего на свете.

Не открывать глаза.

Не думать...

Он бил молотом яркую полосу, совал ее в горн, снова бил. Сменил молот на молоток и продолжил работу, формируя клинок, лезвие, хвостовик. Не открывая глаз, погасил горн, сунул заготовку в горячий уголь и вышел из кузницы.

Ноги подгибались, кровь стучала в ушах. Димка не добрался до кровати: рухнул в прихожей и забылся до утра тяжелым сном.

Мокрый асфальт. Все попытки выудить сигарету заканчиваются ничем. Дождь льет, как полоумный. Димка насквозь промок, содержимое пачки превратилось в кашу из табака и бумаги. Вот почему не получается закурить. Димка с отвращением швыряет ее прочь и заворожено смотрит на мокрый асфальт, по которому бегут потоки дождя. Розоватые от крови, радужные от бензина и масла.

В двух шагах курят патрульные. Менты негромко матерят начальство, что послало их на такое задание, «Скорую», что никак не приедет, осеннюю распутицу, ливень и Димку. А он просто не мог сесть в чертову машину. Как плюхнулся задницей в лужу, так и сидел, подперев щеки руками, не замечая, что вымок до нитки.

— Не трогай его, — вдруг сказал тот, что постарше. — Не видишь, он в шоке. Ничего, не заболеет, мы врачам скажем, чтобы ему чего-то такого вкатили, чтобы не слег.

— Угу, — буркнул второй гаишник. — Я бы тоже с удовольствием отключился.

Они покосились на машину, смятую чудовищным ударом, на пассажиров. Обезображенные, искалеченные. А вот на Димке ни царапины. Счастливчик, ага.

Опять снились кошмары, но за последние полгода Димка почти привык: ни криков, ни слез не было, не то что в первые ночи. Он умылся ледяной

водой и пошаркал в кузницу. На секунду замешкался, не закрыть ли глаза? Не закрыл. Да и не смог бы закрыть: среди груды книг — «уголь» и «горн» — неярко поблескивал клинок. Настоящий. Словно вчера он работал с металлом. Хм, и напильник не понадобится.

Кузнец стоял на пороге, вертя клинок так и эдак, разглядывал его в лучах солнца. За спиной прокатились шорохи: «горн» снова цел, горит фонарик, возле него стоит емкость с жидкостью.

— Масло? — спросил Димка вслух и покачал головой.

Закрыв глаза и приказал себе не думать. Не думать. Не...

Потеплело, пошло... Голос огня, его жар... Держать клинок в горне, еще, еще капельку — в масло!

Он открыл глаза и аккуратно опустил клинок в банку с прозрачной золотистой жидкостью. Вино. Димка готов поклясться, что из одуванчиков, но думать некогда. Очистить металл, снова огонь, масло. Готово!

Голова гудела, мышцы дрожали, ноги подкашивались, словно Димка сутки махал молотом. Что с ним? Он сходит с ума, да?

Кем бы ни были его помощники — или заказчики (Димка не знал, как их правильно называть), — но свое слово они держали в точности. Когда утром он вошел в кузню, на верстаке лежала кучка предметов, которым предстояло стать рукоятью ножа. Здесь были яркие осенние листья, календарики, открытки, картинки, вырезанные из открыток и старых журналов, детские записки «Давай дружить», цветы, засушенные между страницами книг, кусочки смолы — вишневой, абрикосовой, сосновой, пуговицы, значки и брелки. Кузнец медленно перебирал эти «сокровища», почти не глядя, определяя для каждого его место. Ему снова пришлось зажмурить глаза: он не сможет работать, если будет видеть эти вещи. Димка нанизывал их, словно крупные бусины, не позволяя ни на секунду усомниться в себе, чтобы волшебство не исчезло. Через время он обнаружил, что напевает «старые добрые» песенки, бормочет стишки, считалки, речевки, снова поет...

Шабаш, работа окончена. Димка открыл глаза, но уже не удивился, когда увидел гладкую, отшлифованную и даже полакированную рукоять. Нужен темляк? Сейчас будет!

Мужчина перевернул велосипед, приладил трещотку, и крутанул колесо. Веселый стрекот взвился к небу, и в его ладони начали падать невесомые ленты. Узкие, плотные, словно кожаные. Колесо остановилось. Ослепительно-желтая и ярко-синяя ленты не исчезли. Димка крепко зажмурился, и пальцы сами сплели темляк, словно всю жизнь только этим и занимались.

Ножны он вырезал из цветной бумаги. Оторвал от молодой вишенки прозрачную каплю смолы, разжевал ее до вязкой кашицы — склеил ножны, ручкой начертил пунтир — шов, и все стало настоящим.

Клинок сиял. Рукоять наливалась теплом, кисточка темляка согревала предплечье. Кузнец опустил руку, сморгнул, и все исчезло. Как будто исчезло. Солнечные лучи не падали на клинок, но он по-прежнему блестел.

— Ну вот, — протянул Димка, чувствуя, как усталость опять берет свое. Что теперь?

Одержимость работой и радость таяли, возвращались отчаяние и потеря. Эй, вы! — кем бы вы не были, — где вы?

— Он способен пронзить самый крепкий, неподатливый материал, — зазвенело над ухом. Димка не поднял головы, знал, что рядом никого нет. Отмахнуться не выйдет, придется дослушать. Может, после этого его наконец-то оставят в покое?

— Я выполнил работу! — кричит он в пустоту. — Выполнил! Можете забирать ваш нож! — но его никто не слушает. Голос вещает свое:

— Он способен пробить сердце, что окаменело от горя. Запомни! Не замерло, не застыло, не кровоточит, — окаменело.

Последнее слово голос произнес по буквам и умолк.

Димка подождал. Ничего. Тишина. И дурацкие мысли: он крадется за незнакомцем, в груди которого застыл холодный черный камень. Прыгает, вонзает в спину нож, пытаюсь... Димка истерично захохотал. Звук отразился от стен, тело покрылось испариной. Ему стало страшно, он больше не мог находиться в доме, во дворе, схватил куртку, выскочил за калитку, и словно оказался в другом мире.

Город, в котором Димка знал наперечет все улочки и закоулки, вдруг показался драконом — старым, покрытым морщинами троп и дорог, нагим... нет, голым. И безумно серым. Его глаза прикрыты. Он дремлет, припорошенный прошлогодней листвой, сквозь которую всюю пробивается новая зелень. Что будет, когда он проснется? Димка не знал, и не хотел знать. Просто шел, вжимая голову в плечи, когда его нагнал крик:

— Димка! Старик!!!

Он обернулся. Кто может звать его в этом тихом уголке старого парка? И наткнулся взглядом на маленькую взъерошенную фигурку, что сидела на жердочке изгороди вокруг игровой площадки. Сердце вдруг застучало жарко, гулко: «Моя». Да нет, не может быть!

— Димка... ты знаешь, кто это? Мы зовем ее Призраком за манеру являться и исчезать.

Он нашел в себе силы повернуть голову. Валька, старый «Олимпийский» приятель. Он раздался в плечах и отрастил брюшко, но кое-что не изменилось: Валькина открытая улыбка.

— Знаю. И ты знаешь. Это...

Как же они называли ту девочку, что приходила смотреть на их тренировки?

— Да кто же? — теребил Валька.

— «Сектор Д»! Помнишь?

— Помню ли я? Да я тогда втрескался по уши, только признаться боялся... Слушай, правда она? Надо бы подойти...

С площадки засвистели, и Валька горячо затараторил:

— Дуем, старик, выручай! Дружище, хотя бы в полножки, ты же фартовый!

Отказаться не было сил. Димка вышел на поле, и задохнулся от нахлынувших воспоминаний. Здесь он был счастлив. Был. Пока не поломался. Кем бы он стал, чего бы добился, если бы... Вот что грызло его, проклятое «если бы»! Димка видел, что Валька что-то кричит, но был, словно закутанный в вату: сопротивляться бессмысленно. А потом Валька наподдал мяч, Димка охнул от боли, почти механически отдал пасс, побежал. Невольно игра захватила, как раньше. Он чувствовал упоение. В Димкиной жизни снова были только площадка, мяч, свои, противник и ворота. Прошрое, настоящее, будущее не существовали, был только футбол.

Свисток!

Димка остановился, переводя дыхание и оглядываясь по сторонам.

— Вот это я называю — класс! — Вальку просто распирало от счастья. — Жду тебя через неделю на этом же месте! Отказ не принимается!

Повернулся, и словно исчез. Или Димка до сих пор пьян от игры? Он медленно добрел до скамейки, натянул куртку, глянул через плечо, и вдруг решительно потопал к девчонке. Она оказалась старше, чем думал Димка. Да что это он! Между ними всего два года разницы, конечно же, это давно не («моя» — словно струна оборвалась внутри) та малявка. Но теперь, когда Димка стоял перед ней, молча развернуться и уйти, было бы верхом глупости.

— Привет! Ты, наверное, меня уже не помнишь...

— Почему же, помню, — она пожала плечами. — Ты — Димка «кузнечик». Самый классный футболист на этой площадке. Ты и теперь играешь очень здорово, хотя колено дает о себе знать.

— А ты все такой же тонкий знаток и ценитель футбола, — губы сами сложились в улыбку.

Право слово, это была честная улыбка, но она была похожа на гримасу — лицо отвыкло улыбаться. Димка с тоской поглядел на девчонку: сейчас она испугается или...

— Эге, — присвистнула она с тревогой. — Кажется, с тобой случилось что-то серьезнее коленки.

Тут уже он испугался — в который раз за несколько дней! — поспешно глотнул, попытался спрятаться за дежурной улыбкой и безликим: «Я в полном порядке», — и опять не совладал с собой. А она молча смотрела, давая собраться с мыслями. Казалось, она может сидеть так, сколько понадобится, например, целую вечность, но Димка гораздо раньше вспомнил, почему подошел.

— Послушай, неловко получается, ты знаешь, кто я, а я не знаю, как тебя зовут.

Девчонка замялась, дернула плечом, склонила голову, — и стала еще больше похожа на взъерошенного птенца.

— Почти все называют меня Мариной...

— А те, которые не «почти все», — спросил Димка, когда молчание затянулось.

— Их больше нет, — почти неслышно сказала девчонка и добавила после паузы: — Мое имя Рогнеда.

— Карповна, что ли?

— Роландовна.

— Вот так компот, — удивился Димка. — Зато, наверняка в школе не дразнили.

— Не дразнили, — согласилась Рогнеда. — Только и по имени не называли.

— Ты шутишь? Разве можно придумать что-нибудь на эдакое сочетание?

— Еще как можно! Вот смотри. Имя раскладывается на Рог и Неда. Так меня и звали: Нед.

Она смотрела так, словно ждала, что он узнаю, откуда этот Нед, но Димка покачал головой.

— Нед Ленд, из Жюль Верна, — подсказала она.

— И ты была Недом?

— А еще Морячком, Папаем, Мамаем, Батыем, Ханом, Сохатым, иногда даже Лосем... ну, всеми зверями лесными, но это — редко. А потом устаканилось Морячок — Марина.

Димка улыбнулся:

— Ну что ж, приятно познакомиться Рогнеда Роландовна, она же — Марина, Папай, Мамай, Батый и иже с ними!

— И иже с нами, — подхватила девчонка, и они рассмеялись.

— Я не могу договориться со своим парнем, — жаловался Федотыч. — Он все еще не доверяет себе, а потому понимает все немного иначе, не так, как я говорю, а в нашем деле даже самая малость может оказаться губительной! — домовый был в отчаянии.

Кузьмич невольно улыбнулся: они с другом словно поменялись местами.

— Ну, чего, чего ты хихикаешь? — взорвался Федотыч. — Теперь у нас ничего не получится! Столько работы насмарку!

— Не совсем, — улыбнулся Кузьмич. — У нас есть нож, и нечто большее, о чем мы с тобой, старые дурни, уже и думать забыли.

Кузьмич взял друга за руку, чтобы тот смог услышать Рогнеду, и Федотыч изумленно распахнул глаза:

— Это же Кузнец!

— Понял теперь?

— По... понял... Они же и раньше были знакомы, но я не...

— А ты прислушивался?

— Нет... Я сейчас!

Федотыч помчался домой, а Кузьмич продолжил плести. Когда Федотыч вернулся, сеть была готова.

— Самое время поколдовать. Мы сделаем Рогнеду чуточку ближе к нам, чтобы она все правильно понимала, и помогла Димке.

— Это сети сна?

— Да.

— А ты уверен?

— Да.

Рассвет застал Рогнеду за столом. Она даже не думала ложиться: третий сон сторонился ее. Девушка не чувствовала усталости, тревоги или апатии, но понимала, что это не надолго. Сколько там человек может «безнаказанно» не спать? Около сотни часов. Скоро она подберется к этой отметке, а потом? Конечно, существует снотворное, но Рогнеда оставила его на крайний случай.

Что с ней все-таки происходит? События, цепляясь друг за другом, вертят ее жизнь, как хотят. Звонок пацана, футбол, лопушастый болельщик, фотографии, тень собаки, которая теперь мерещится повсюду; сны, которые возвращают назад, в прошлое; детская привычка ходить на площадку смотреть, как играют «большие», что вспыхнула с новой силой и упрямо гнала Рогнеду на старое место. И вот теперь — Димка, взрослый мужчина. Хотя, она ведь тоже не девчонка. В который раз Рогнеда перебирает в уме их прогулку до поздней ночи, и невольно улыбается.

— Тогда девочек не брали на футбол. Я обошла все ДЮСШ, даже школьные секции, но везде получила отказ. Они чуть не плакали, видя, как я играю, но брать не рисковали. Конечно, дед со мной занимался, гонял до восемнадцатого пота, но мне хотелось большего — играть с равными. Тогда я стала ходить смотреть на чужие тренировки. Мне понравился Яков Степаныч, и я пожалела, что когда просилась в «Олимпию», он был на сборах. Среди его подопечных я выбрала вашу команду, и потом представляла, что играю с вами...

— Да уж, — усмехнулся Димка. — Я помню «избиение младенцев».

— Здорово мы тогда отыграли! Если бы не пришел Яков Степаныч, мы бы им, наверно, еще штуки три закатали, как думаешь?

— Ага! Или четыре!

Они смеются вместе, и этот смех связывает их незримой прочной нитью.

— Мы звали тебя «Сектор Д», чтоб не говорить «девчонка», — улыбнулся Димка. — Можешь представить наше себе удивление, когда ты вдруг объявила, что твой дед — Хрисандр Кузьмович, тренер, о котором ходили легенды даже среди нашего поколения.

Они снова вместе смеются.

— А Яков Степанович на свой страх и риск взял меня «подмастерьем». Я тогда была на седьмом небе от счастья.

— Но все равно продолжала приходить на нашу тренировку.

— Только по субботам... мне нравилось смотреть, как ты играешь. Я видела, что для тебя это больше, чем увлечение — вся жизнь. Из тебя бы вышел классный игрок. Кстати, Яков Степанович тоже спрашивал меня, почему я вас не брошу, — улыбнулась Рогнеда.

- Хлопцы как-то прознали про этот твой разговор с тренером...
- Я сказала ему, как тебе сейчас.
- Вот-вот.

Он смущенно умолк. Парни подтрунивали, мол, «твоя» пришла. Сначала ему было досадно, он ершился или сопел в ответ на подковырки, но однажды нашелся с ответом:

— Вам просто завидно, что ваши девчонки ни бельмеса в футболе не соображают, а эта так играет — закачаешься!

А потом стал замечать, что ему приятно ее присутствие — на домашних матчах он тайком выискивал ее глазами на трибуне, но когда поломался, казалось, думать забыл о нескладной девочке-подростке.

— Прознали, и что? — спросила Рогнеда.

— Да так, пустяки, — ответил Димка, глядя на девушку. — Знаешь, я благодарен отцу, это он поддержал меня тогда и не дал окончательно сломаться. Я всю жизнь мечтал стать футболистом, вот сколько себя помню, а тут эта травма! Пока была надежда, что смогу восстановиться, я все время торчал в кузне, а когда вынесли приговор, мне показалось, что я возненавидел ее. Но потом... я вспомнил ее голос, который слышал с раннего детства, и... теперь я кузнец, — с нечаянной гордостью произнес Димка. Само его существо преобразилось, когда он заговорил об огне, о металле, о магии сопричастности: он словно творит только ему подвластное волшебство.

Сейчас Рогнеда ясно видела, что они почти не говорили о настоящем. Только когда Димка довел ее до калитки, девушка сказала:

— Знаешь, этот дом особенный. Я люблю его тишину, его запах, скрипение половиц, гудение печки, голос ветра в трубе; люблю, когда ветки царапают оконные стекла, словно просят впустить их погреться. Люблю пыльный чердак, когда щекочет в носу от солнечных лучей. Мне кажется, что он живой.

Рогнеда быстро глянула на Димку — засмеется или нет? Даже не улыбнулся, кивнул серьезно, с понимаем... Разве так бывает?

Выходит, бывает. И теперь Рогнеда не знала, что делать. Пойти в субботу на площадку с затаенной надеждой на новую встречу? Или отправиться прямо к Димке домой? Адрес она, конечно, не помнит, но дорогу найдет, хоть и была там всего один раз — приходила проводить, когда Димка получил травму, но так и не увидела его: полкоманды толпилось в комнате, и Рогнеда вдруг постеснялась зайти. По дороге домой она ругала себя за малодушие, обещала, что завтра же, чтобы ни случилось, она придет... Но так и не пришла: вернулись папа и мама. Рогнеда не видела их больше года, поэтому все остальные мысли улетучились из головы. А что ей мешает теперь?

Она уставилась в книгу, но видела Димку — нового, изменившегося. Он вырос, возмужал, окреп. Только, похоже, научился улыбаться, лишь иногда по его губам скользила застенчивая улыбка, как раньше, и у Рогнеды все

внутри замирало — как раньше. Что же ей делать? Сейчас она была бы рада внутреннему ехиде с его «Тетей Рогой», но где там!

— О чем она думает? — Тень поминутно дергал Кузьмича.

— Да замолчишь ты, наконец, или нет? — вознегодовал домовый. — Я и себя-то не слышу из-за твоей трескотни!

Тень съежился и словно побледнел, и Кузьмич услышал Рогнеду по-настоящему. Потеряшка думала о Кузнеце так же светло и радостно, как когда-то давно. Он улыбнулся, и Рогнеда отозвалась на его улыбку. Замечательно!

Явился Федотыч.

— Все, мой готов. Что твоя?

— Трое суток на ногах.

— А ты не переборщил?

Кузьмич покачал головой:

— В самый раз. Чуть меньше, она просто уснет от усталости, только выйдет из дому. А сейчас она станет видеть, чувствовать, реагировать и понимать чуточку иначе, — как мы.

— Это точно не опасно?

— Может быть опасно, когда человек сам — один, а за ней будем приглядывать мы двое и твой парень. Так?

— Так, — нехотя буркнул Федотыч.

Не то, чтоб он не доверял Кузьмичу, просто сам был не в ладах с магией разума, и чувствовал себя слегка неуверенно.

— Пора начинать? — теперь уже Кузьмич спрашивал Тень.

— Не пора. Женька даже не проснулся.

— Ты уверен, что ему больше не надо рисовать собаку, чтобы ты появился?

— Мы все проверили. Я могу приходить самостоятельно.

Домовые замолчали.

Димка видел сон, в котором они с Рогнедой гуляли по парку, говорили и говорили, как наяву несколько дней назад. Признаться, он раньше не верил, что так бывает, но надо же — мы говорили и не могли наговориться. Приближаясь к дому девушки Димка все же решился спросить, почему у нее такое необычное имя, и она рассмеялась:

— О, это отдельная история, можно сказать, традиция. Когда-то очень давно мои предки чем-то не угодили местному священнику, и он в отместку окрестил ребенка Абрамцуреном. С тех пор, чтобы подобного не повторялось, имя младенцу давал исключительно дед. Но и тут без курьезов не обходилось. Моему прапрадеду так навелись имена Христофор и Александр, что он решил назвать внука Хрисандром. Прадед назвал моего отца Роландом, «ибо благородно, благозвучно, и не один шельмец кликухи поганой не придумает». Так и вышло, что я стала Рогнедой.

Димкин смех был похож на смех обычных людей, от улыбки Рогнеды начинала кружиться голова, только он все не решался взять ее за руку и словно парил в невесомости, — а потом рухнул на землю: из кузницы докатился жалобный звон. Кузнец прыгнул в тапки, перебежал через двор, рванул дверь...

— Хорошо бегаешь, — одобрительно хмыкнул знакомый голос.

— Что тебе нужно?

— Чтобы ты понял меня.

— Но я...

— Нет, Димка, не понимаешь. Чтобы использовать нож, надо полное понимание, а ты... все еще не веришь себе, и до сих пор считаешь, что мой голос тебе чудится. На неверии волшебство не работает, мои слова воспринимаются иначе. Нам нужен толмач.

— Но где его взять? — угрюмо спросил Димка.

Невольная картина встала перед глазами: он рассказывает о голосе, который слышу только в кузнице, и его увозят в тихое место в новенькой рубашке с длинными рукавами.

— Нет, — сказал голос.

Как он мог позабыть, что его невидимый собеседник понимает его мысли и чувства? Наверное, потому что не совсем доверяет ему... и себе.

— Но как мне быть?

— Не волнуйся, мы нашли человека.

«Мы? Значит, ты не один!»

— Да, Димка, я не один. Ты не готов верить, значит, снова увидишь все искаженным.

— Говори, что мне делать.

— Ровно в восемь утра ты должен стоять у ворот тринадцатой школы. Повтори, что я сказал.

— Ровно в восемь. Тринадцатая школа, у ворот.

— Хорошо. Ты должен ждать: не думать, не рассуждать, просто смотреть на людей, как на реку. Когда появится человек, ты поймешь — выхватишь его из потока раньше, чем успеешь сообразить. Повтори.

Димка послушно повторил слово в слово, и собеседник довольно хмыкнул.

— Вы придете сюда, в кузницу, и ты расскажешь человеку обо мне, о ножике — все, без утайки.

— Без утайки. Я понял.

— Тогда иди, Димка, и ничего не бойся.

Что-то до боли знакомое было в этом «иди и не бойся», и Димка замер, прислушиваясь к себе. Но нет, — накатило и ушло. Жаль.

Женька не смог бы точно сказать, сколько дней прошло с того памятного матча: все время он жил, словно в сказке, которая длилась, длилась и никак не заканчивалась.

Колька раньше не обращал на «мелкого» внимания, а сейчас нет-нет, да подмигнет или дружески ткнет локтем в бок. Вчера вообще мир перевернулся с ног на голову: Женька «завис» над задачей по математике, и тогда Колька, сидевший рядом со своими учебниками, молча заглянул в условие, взял карандаш и тут же, на полях, написал решение. «Стереть не забудь, а то заругают», — буркнул в ответ на Женькин ойк.

А еще его собака теперь могла появляться, даже если Женька не рисовал, а только думал о ней. Это радовало, и одновременно немножко огорчало — теперь друг постоянно запаздывал.

— Прости, я какое-то время не смогу приходить сразу, — услышал однажды Женька. — Не обижайся, я не ухожу от тебя и никогда не уйду. Просто так надо... Понимаешь?

Женька засопел, но сумел запихнуть выступившие слезы обратно, и кивнул.

— Все будет хорошо. Не переживай, и не бойся. Иногда всем становится страшно, но все равно нужно продолжать идти...

Собака замолчала и растворилась. Женька еще какое-то время молча сидел, обхватив руками колени, а потом его мысли снова свернули на матч. Там ведь еще была тетя-фотограф... впрочем, какая она тетя! Девчонка девчонкой! Взрослые не умеют с таким азартом следить за игрой, а потом запросто шутить с мальчишками и тренером. Радость от победы подпортил отец. Он хмурился, слушая восторженные возгласы братьев, и постепенно Колька сбился на короткие нервные фразы, а Женька и вовсе умолк, бочком пододвинувшись поближе к брату. Они буквально слышали мысли отца: «Сын забил два гола, и ни единого снимка! Надо срочно звонить тренеру и — о боже! — *просить!*» Мальчики переглянулись и молча юркнули в комнату.

Женька встряхнулся: куда его занесло! Собака учила думать только о хорошем — глядишь, его станет капельку больше. Эх, увидеть бы еще раз эту... тетю-девчонку. Женьке почему-то казалось, что если б они встретились снова и даже сумели заговорить, случилось бы какое-нибудь ма-а-ахонькое, но чудо. А ведь может такое быть, что чудеса уже происходят. Взять хотя бы Кольку. И еще — сны.

Мальчишка редко запоминал сны — обычно они были бесформенными и скомканными, как его одеяло. Теперь же приходили яркие — живые, и Женька помнил каждую минутку своего сновиденья. Ему снилась широкая река...

Раннее утро. Женька шел босиком, загребая ногами желтоватый песок. Солнце только-только поднялось, но обычной прохлады мальчик не чувствовал. У воды стоял громадный камень: одна сторона плоская, будто кто-то специально шлифовал ее тысячу лет, на верхушке сидела птица. Большая, с огромными круглыми глазами, она, казалось, кого-то ждала. Женька приблизился и провел рукой по гладкой стороне камня. Он почему-то был теплым, его хотелось гладить и гладить. Птица издала смешной кричащий звук, будто позвала мальчугана. Женька поднял голову. Теперь птица держала в

клюве перо, мол, бери. Мальчик подставил ладошки, и птица опустила свою ношу. Перо оказалось на удивление тяжелым.

Мальчик стоял перед камнем, слегка покачивая перо в ладонях, и смотрел на птицу.

— Рисуй, Жень!

Кто это сказал? Может, птица?

— Рисуй!

— Что рисовать?

— То, что давно хотел выпустить. Просто рисуй.

И Женька начал рисовать. Он водил пером по камню, и на нем оставались следы — просто линии и загогулины, которые сплетались причудливым образом, и, в конце концов, стали похожи на чугунные парковые ограды. Птица внимательно следила за мальчиком, а когда он закончил, тяжело взмахнула крыльями и исчезла.

Странное дело. Женька, который раньше рисовал только кособокие домики и «палка-палка-огуречик», на следующий день изукрасил все поля тетрадки причудливыми узорами.

Следующей ночью он снова рисовал на камне. Теперь в линиях и кружочках угадывались силуэты людей, птицы, цветы... Женька отчетливо помнил, как птица села ему на плечо и потерлась о макушку. Это ощущение, это птичье тепло не оставляло Женьку до вечера. Ему очень хотелось рассказать о своих снах собаке, но друг появлялся совсем на чуть-чуть, заглядывал Женьке в глаза и говорил: «Погоди, малыш, уже совсем скоро...»

Снова и снова Женька во сне водил пером по камню — рисовал. Огромный город развернулся на гладкой поверхности, со своими жителями, щенками, котятками, двориками и мостами, что пронизывали город, словно лучи, соединяли... Что они соединяли: улицы, дома, людей? Женьку с этим городом? Нет, мальчик точно знал: его там не было, во всем преогромнейшем сером и плоском городе не было Женьки... и Кольки.

Женька снова шел босиком по желтому песку. Камень, птица, нарисованный город, который, кажется, отбрасывает на песок настоящую тень... Его собака, а рядом еще двое... людей? Женька не мог понять, кто это, их мальчик видел впервые, но чувствовал, что они волнуются. И даже, кажется, собака волновалась.

— Ты пришел! — Женька радостно бросился к другу, но птица призывно кракнула. Собака молча повернула голову в ее сторону и подтолкнула Женьку носом. Иди, мол. Тебя ждут.

Женька снова взял перо. Сам не ожидая, он нарисовал большой цветок, с огромными острыми лепестками. Прорисовал жилки на лепестках, а в сердцевине зачем-то нарисовал замочную скважину. Цветок был без стебля, сам по себе. Чашечка, державшая цветок, похоже, была сплошь из наспех завязанных узлов.

У Женьки дрожали руки, и щипало в глазах. Птица села на его плечо и ткнула клювом в цветок. Потом взмахнула крыльями и поднялась в воздух. Женька четко услышал: «Пора!»

— Пора... — глухо повторили за его спиной собака и те двое...

Рогнеда потянулась, разминая затекшие мышцы. Есть не хотелось, но она потопала в кухню, заварить себе чаю. Как здорово, что неделю назад стала «вольным художником» и вырвалась за рамки офиса. Теперь не надо подстраиваться под сонный ритм коллег, сидеть в четырех стенах «с девяти до шести» — она работает в тиши и комфорте своего дома и получает даже немного больше: помимо основной работы успевает выполнить еще два-три заказа — если есть желание.

— Жень, Женька, ты чего? — Колька сидел на корточках рядом с кроватью и тряс брата за плечо. — Приснилось что? Ты не реви, все в порядке. Переверни подушку и спи дальше. Оно больше не приснится. — Колька зашлепал к своей кровати.

Уснуть Женька так и не смог. Ворочался с боку на бок, нетерпеливо поглядывая за окно — скоро ли рассвет.

Когда в комнате родителей затрещал будильник, Женька вскочил и пошлепал умываться.

— Что тебя так рано черти подняли? — недовольно буркнула мать, увидев сына, ожесточенно орудовавшего зубной щеткой.

Как только дверь за ней закрылась, над ванной обозначилась тень.

— Ты молодец, — улыбка слышалась в знакомом хрипловатом голосе. — Я сегодня с тобой.

— И в школу со мной пойдешь? — Женька на секунду забыл про зубную щетку, торчавшую изо рта.

— Обязательно. Нам есть, о чем поговорить, верно?

Рогнеда прихлебывала чай, глядя в окно, и вдруг посреди двора ясно увидела тень собаки. Сомнений не было — это тень, что живет сама по себе. И надо обязательно ее выследить, чтобы наконец-то избавиться от наваждения!

Девушка выбежала за калитку, и покачнулась: в глазах потемнело, к ногам словно привязали две гири, а в голове завели метроном — с каждым щелчком она слегка качалась то в одну, то в другую сторону. А тень собаки неспешно трусилась вдоль забора, словно так изначально повелось, что тени могут разгуливать самостоятельно. Рогнеда затрясла головой: темнота рассеялась, метроном затих — и поспешила следом. Ноги слегка заплетались, и девушка шла почти незаметным зигзагом. Она не сводила глаз с тени, неизменно следовавшей в пяти шагах от нее, как бы Рогнеда не спешила. Если же она останавливалась перевести дух, тень тоже замирала, оглядываясь, помахивая хвостом. Рогнеда сосредоточилась на одной мысли: выследить тень, чтобы обрести покой, и не замечала, что тень не просто видит ее — ведет.

Утро получилось беспокойным. «Да что с тобой такое?» — без конца ворчала мать, пока Женька без толку возился с одеялом, обжигался чаем и по-

глощал завтрак, набивая полный рот. «На свои бутерброды, иди уже! Глядишь, на улице полегчает. И смотри мне! Чтoб на тебя не жаловались!»

Дверь парадного гулко хлопнула, выпуская Женьку во двор. До школы недалеко, но времени хватало с головой, а значит, можно было идти то вприпрыжку, то еле-еле, и болтать с другом. Женька взахлеб рассказывал о своих снах, о том, как изменился Колька, потом снова о снах... собака трусила рядом и внимательно слушала. Женька не замечал, что тень то и дело поворачивала голову, будто высматривала кого-то, и вела его не напрямик, а мимо парка. Мальчик давно перестал беспокоиться, что на них будут обращать внимание — во-первых, все вокруг слишком заняты, чтобы смотреть по сторонам, а во-вторых, собака так наколдовала, что они могли говорить даже вслух, и никто, кроме них самих, ничего не слышал. Женька болтал и болтал, вот уже и школьная калитка, надо еще успеть рассказать о последнем сне, как вдруг среди общего шума и гама услышал:

— Рогнеда!

Он обернулся на голос и увидел... нет, не увидел, показалось. Но это была она, та самая девчонка-фотограф. Только почему-то бледная и измученная.

Точно в срок Димка застыл изваянием возле ворот школы, и приготовился ждать. Ему было нетрудно освободить голову от посторонних мыслей. Он же кузнец. Если хочешь сделать хорошую вещь, лишние мысли недопустимы. Димка стоял и смотрел. Поток детей, родителей, учителей и прочих взрослых, спешащих по делам, омывал его, не замечая, не видя человека на своем пути, а он покачивался, словно в волнах, пока не почувствовал, что в руках бьется, вырывается человек.

— Рогнеда!

Она продолжала трепыхаться, бесчувственная к словам. Ее взгляд неотрывно следил за парнишкой, который слегка склонил голову и беседовал... с тенью собаки.

— Рогнеда, — выкрикнул Димка, и девушка затихла.

— Ты? Что ты... Пусти, мне надо...

— Не надо, — твердо сказал кузнец, кивая на паренька. — Это — потом.

— Ты видишь? — прошептала она и вдруг заплакала: — Димка... Я ведь...

— Тш-ш-ш-ш-ш...

Он обнял девушку за плечи, бросая взгляд по сторонам. Их, правда, никто не видел. «Это часть магии, — прошептал голос внутри, — часть магии».

Рогнеда больше не висела полубесчувственным грузом у Димки на руках: за порогом кузницы она преобразилась, словно отдохнула и выпалась. Он не удивился, только ждал, что из всего этого выйдет.

Было зябко, Димка затеплил огонь, и девушка с улыбкой потянулась к нему, как к старому другу.

— Чаю? — спросил он, не зная, с чего начать.

— Нет, — сказал голос.

— Нет, — сказала Рогнеда. — Ведь все это не просто так. Чай подождет.

— Подождет-подождет, — откликнулся голос. — Когда надо будет, я сам заварю для нее чай.

— Ты видел тень собаки. Начни с нее. Это важно для меня.

— Я видел тень собаки, — согласился кузнец. — И мальчишку. Белобрысый, лопоухий, одежда с чужого плеча. Он разговаривал с тенью. И этого никто не замечал.

Рогнеда кивнула, и слова полились сами собой. Димка рассказал о голосе, о ноже. Девушка внимательно слушала, прихлебывая чай из старой глиняной кружки. Откуда она здесь взялась? И вторая, точно такая же, что стояла возле Димки? Только он не прикоснулся к чаю, пока не закончил, потом выпил залпом, не чувствуя вкуса.

— Вот, пожалуй, и все.

— Не все, — сказал голос.

— Не все, — деревянно повторил Димка. — Только я не думал... Это действительно необходимо?

— Да. Говори, Кузнец, не бойся!

Тогда Димка рассказал про аварию. Залпом, как недавно пил чай, не отрывая взгляда от пола, и почувствовал, как его берут за руку. Теперь уже Рогнеда рассказывала свою историю, негромко и, казалось, спокойно:

— Мой дед был разведчик. Не как Штирлиц, а как те, что приводили «языка». А еще футболистом и детским тренером. У него всегда была крепкая рука, отменная реакция и чутье. Он был щеголь, мой дед, и трость носил добротную, крепкую, тяжелую, никакого обмана — дерево и металл. Говорил: «Это чтобы хулиганы старичков не обижали». Шутил, конечно. Я уверена, что тогда он начал действовать раньше, чем водитель успел заметить опасность, выбил стекло. Его нашли метрах в десяти от машины, но он все равно разбился слишком сильно...

Рогнеда чуть заметно дрожала, но слез не было. Димка прижал девушку к себе, чувствуя, что его тоже начинает колотить. Что он шептал, глядя ее по волосам, что она отвечала — не важно. Они были вместе, и это было правильно.

Потом они снова пили чай и молчали, прижавшись друг к другу. Димка ни о чем не думал, ему было хорошо и спокойно, как не было уже целую вечность.

— Димка, нам, кажется, пора.

— Куда?

— К тому мальчику.

— Ты так думаешь?

— Я это знаю... Я говорила тебе, что не спала три дня. Дома со мной все было в порядке, но стоило выйти на улицу, и я... ощутила все трое суток без сна. Но теперь я точно знаю, надо идти...

— Не так быстро, — сказал голос. — У вас есть несколько минут.

— Да? — спросила Рогнеда, а Димка уставился на нее.

— Ты слышишь?

— Да.

— Замечательно, — сказал голос. — Молодец, Кузьмич, все вышло, как задумывал!.. Димка, вне кузницы ты не сможешь слышать меня, поэтому я дам тебе это, и только попробуй потерять! — на верстаке появился осколок булыжника, похожий на каплю. — Как возьмешь в руку и сосредоточишься, сможешь узнать мои мысли и чувства. Меня зовут Тихон Федотыч, запомнил?

— Запомнил, Тихон Федотыч.

— А я?

— А ты, девочка, сейчас почти одна из нас, правда, ненадолго, — тебе не нужны костыли, только опора. Этот юноша подойдет, — Федотыч хихикнул, потирая руки. — Теперь можете идти.

Димка опасался, что Рогнеда вернется к тому отрешенному состоянию, в котором была возле школы, едва они выйдут на улицу, но ничуть не бывало: девушка двигалась с уверенностью ищейки, взявшей след.

Женька сидел в прихожей на тумбочке, болтал ногами, никак не мог вернуться к реальности и снять, наконец, ботинки. У него было ощущение, что должно произойти что-то такое... такое, от чего щекало внутри, а страх смешивался с любопытством.

— Малый, идешь или нет? — Лида уже разливала суп по тарелкам. — Третий раз звать не буду!

И тут в дверь позвонили.

— Я открою! — Женька подскочил с тумбочки и повернул замок.

Пару секунд они стояли молча — Женька оторопело разглядывал Рогнеду и Димку, Рогнеда не знала, с чего начинать, а Димка неуверенно переминался с ноги на ногу.

— Ой, здрасьте, вы же Рогнеда Роландовна, да? — Колька вынырнул из комнаты как раз кстати. — Папа говорил, вы фотки принесете.

— Да... здравствуй. Держи. — Рогнеда протянула конверт. Она не сводила глаз с Женьки. Надо увести его из дому!

Женька растеряно хлопал глазами, и вдруг увидел у ног девушки свою собаку.

«Они все знают. Они видят меня, как и ты. Не бойся — это друзья», — собака чуть заметно шевельнула хвостом.

— Увести из дома, — пробормотала Рогнеда и неосознанно щелкнула пальцами.

Тут же послышалось резкое:

— Женька, не разулся еще?

Лида вышла в коридор с авоськой и деньгами, на ходу бросив гостям «здрасьте».

— Пока ты копался, тебе хлеба не досталось, так что сам и купишь. Возьмешь как обычно. И смотри, сдачу не растеряй! И чтоб не смел собак подкармливать.

Лида деловито хмурилась, а у Рогнеды, Женьки и Димки в груди запрыгали солнечные зайчики. Получилось!

Рогнеда вежливо улыбнулась и сказала вслух:

— Ну, мы тогда пойдем. Счастливо!

Кузьмич и Федотыч напряженно следили за «своими», даже бисеринки пота выступили на морщинистых лицах. Время, пространство и реальность становились все тоньше, прозрачней и призрачней.

— Мы пришли, — сказала Рогнеда, — теперь твой черед, Женька.

— Мой что? — струхнул мальчик.

— Камень, — подсказала тень. — Помнишь, где он был?

— Конечно! Но мы ведь... Ой...

Они подошли к незнакомому заброшенному дому. Наверное, такой же старый угрюмый покосившийся дом есть в каждом городке, и везде о нем ходит недобрая молва. Истории, одну страшней другой, ребята постарше полупешотом поведывают малышам в сгущающихся сумерках. И все рассказы заканчиваются леденящим душу: «не осталось в них ни капельки крови, а волосы поседел».

Этот дом не выглядел старым и мрачным, его бросили сравнительно недавно: цветы на клумбах всюду соперничали с сорняками и пока не проигрывали свою битву. Несколько баек, что ходили про этот дом, не впечатляли даже самых пугливых детишек, несмотря на реки крови, «совершенно седых пацанов с той улицы» и загадочных голосах, которыми «он подманивает тебя, чтобы съесть твою душу живьем». Лет через десять или пятнадцать, когда Время и люди основательно потрутся над домом, он станет тем, что приписывает молва — «с привидениями». Но только Женька один на целом свете («Уже не один», — поправил его голос собаки. «Не один», — улыбнулся Женька.) точно знал — этот дом живой. Он только притворяется развалиной.

— Не бойся, — сказала Рогнеда. — Дай руку... Димка? Когда ты сломал ногу, я приходила тебя навестить, но сдрейфила, когда увидела всех ваших.

— Ты приходила, — тихо сказал Димка и улыбнулся.

Покосившуюся дверь словно залили расплавленным золотом, и Женька изумленно открыл рот:

— Краси-и-и-иво.

Рогнеда покачнувшись, крепче вцепилась в Димкину руку, прикрыла глаза и скомандовала:

— Толкай!

Мальчик толкнул. Коридор терялся в сумраке дома, и Женька без удивления различил, что старый линолеум переходит в крупный песок, скрипя-

щий под ногами. Стены сами собой расширялись и таяли, превращаясь в огромное пустое пространство звящего воздуха, редкие кусты и деревья где-то вдалеке. Потолок изгибался куполом, становился выше и светлее. Тени разлеглись перед Женькой, Рогнедой и Димкой, словно солнце пряталось за спинами. Собака исчезла. Но ведь ее и не было в Женькиных снах, только один раз... Мальчик на секунду замер, а потом сделал первый шаг. Скрип старых половиц, щелчки линолеума, что крошился под ногами, сменился шепотом и вздохами песка; шуршание мышей под обоями — голосом ветра, приносящим запах воды и шелест волн. Пока добрались до нужного места, над рекой затеплились сумерки. Скоро стемнеет. Может быть, даже дождик пойдет — вон, сколько туч. Далеко, правда, но все же...

— Для чего нужен нож? — спросила Рогнеда. — Скажи мне точно, слово в слово.

Димка крепче сжал *осколок*, зашевелил губами. Федотыч болезненно сморщился от укола недоверия, но вдруг вспомнил «я буду первый Соколов» и улыбнулся, расправляя плечи. Что за парень! Орел! Димка резко вздохнул и расплылся в безмятежной улыбке:

— Он способен пронзить самый крепкий, неподатливый материал, или то, чему нет названия, главное, подобрать нужное слово. — Димка растерянно замолчал: — Это все. Но почему я думал, что надо бить в окаменевшее сердце?

— Димка, — окликнул Федотыч. — Не сейчас. Ты — первый Соколов, помнишь? Ты нужен Рогнеде. И Женьке.

— Нужен, Тихон Федотыч?..

На мгновение в глазах потемнело, земля кувыркнулась под ногами — словно падаешь во сне и просыпаешься: Димка почувствовал своего домового, на несколько секунд заглянул в его мысли.

— Да, нужен! — ликующе крикнул мужчина, и свет хлынул в него, сметая неуверенность, неверие в себя, заполняя Димку целиком, без остатка.

Женька не слушал о чем говорили большие, он шел вперед, не оглядываясь. Ага, камень на месте. По обе стороны стоят две тени — как во сне. Густые, плотные. Их даже можно потрогать. И тень собаки. Она росла, менялась, пока не стала похожей на те две. Только Женьке это было не интересно. Он смотрел на серый город, что возникал в переплетении линий. Люди, мосты... Мосты сливались с лепестками цветка, и если присмотреться, замочная скважина в сердцевине четко накладывалась на дверь кособокого домика гулкового города.

— Что это? — спросила Рогнеда.

— Моя пустота, — сказал Женька и даже не удивился. Вот что это такое. Он знал, всегда знал, но долго не мог подобрать ему имя.

Тени стояли плечом к плечу, подняв руки над камнем. Они почти касались Димки и Рогнеды.

— Нож! — резко сказала девушка. — Женька, бери!

— Но я...

— Ты знаешь, что надо делать, — произнесла Рогнеда.

— Я знаю, что делать, — чужим далеким голосом отвечал Женька, принимая из рук Рогнеды ножик. Деревянная рукоятка была теплой на ощупь, кисточка пощекотала руку, а лезвие засверкало, как будто на солнце, стоило Женьке вынуть ножик из ножен.

Песок был холодным, камень — неживым. Женька вплотную подошел к нарисованному цветку, и нож в его руках начал меняться. Лезвие стало уже, выщербилось, напоминая зубы акулы или же... ключ!

— Я знаю, кто ты, — сказал Женька цветку. — Ты — моя пустота.

Замочная скважина полыхнула огнем, но мальчик даже не моргнул, спокойно вставил ключ в замок и повернул. Раздался звук, словно самая большая в мире собака разгрызла огромную кость. Жилки на лепестках запульсировали, — похоже, внутри камня забилося сердце. С каждым ударом цветок становился больше, объемнее, ярче. Мосты города сходились и расходились, дворники шворкали метлами, кособокий домишко, в котором торчал ножик-ключ полыхал, как будто огромное яркое солнце впихнули в крохотную серединку цветка.

Был еще один звук, который Женька сперва не заметил, тихий, вкрадчивый, словно песок шуршал на ветру, но потом уже не песок — лавина камней неслась по горному склону. Мальчик попятился в ужасе, и вдруг увидел: это развязывались узлы, державшие цветок.

«Что же я натворил!» — была первая мысль, а за ней — мучительная тишина. Женька чувствовал, что сейчас закричит, только ниоткуда появился теплый мягкий свет. Это было похоже... Да, когда птица... Женька оглянулся. Рогнеда с Димкой стояли рядом, положив руки ему на плечи.

— Пора, — сказали тени, и последний узел развязался. Цветок выплыл из камня, обретая вес и объем.

— Пустота, — прошептал Женька. — Ты — моя пустота.

На цветке раскинул ручищи-мосты старый город, на его улицах можно было различить людей, спешащих по делам; на солнце нежились собаки, лениво клая зубы на надоедливых мух; дети гоняли мячи во дворах, играли в разбойников и войнушку. Цветок словно говорил: «Какая же я пустота?» — нацеливал в Женьку острые лепестки.

— Ты — пустота! — крикнул Женька, выхватил из сердцевины ключ-ножик, и зажал уши от невыносимого визга, который взорвался в его голове. — Пустота, — прошептал он, и ключ перестал быть ключом.

Теперь у Женьки есть волшебный нож. А еще Тень, Колька и два друга, которые все-превсего знают.

— Не боюсь!

— Говори, что ты хочешь. — подсказала одна из теней около камня — его это Тень или чужие? — и Женька на секунду зажмурился. Вот бы его понимали, так, как понимают Рогнеда и Димка — его и Кольку! — а его друг-тень стал настоящим и мог приходить в гости.

Тишина опустилась на берег. Цветок медленно закрывался, мерно покачиваясь в воздухе. Женька, как зачарованный следил, как смыкаются лепе-

стки, и вдруг подскочил — так нельзя! Если Пустота проглотит этот город, что будет с горожанами? Мальчишка тоненько завыл, не слыша звука: острые, хищные лепестки практически сомкнулись. Если он сунется, чего доброго, оторвут руку! Но ведь...

— Так нельзя! — тоненько выкрикнул Женька, подпрыгивая, вонзил нож в сердце цветка.

Это было похоже на взрыв и метель одновременно. Женька стоял, боясь посмотреть, что стало с рукой, и силился не заплакать, когда на плечо села птица, потерлась головой о щеку мальчика и разрушила тишину чистой хрустальной нотой.

И грянул гром.

И что-то большое, яркое, взмыло в небеса.

И золотые звездочки заснежили Женьку.

И он все-таки заплакал.

Женька не хотел просыпаться. Надо же, какой сон, как будто все было на самом деле — цветок, птица, тень собаки, что превратилась в домового, два других домовых, хором вещавшие: «Да будет так», — и гром! Ох, какой это был гром, целый громище! Женьке ненадолго показалось, что этот гром расколол всю прежнюю жизнь. Даже мелькнуло перед глазами: что у него с Колькой есть старшая сестра Рогнеда, которая скоро поженится с Димкой, их дом полон смеха, разномастных собак, которых лечит Женька, и мячей, которыми играют Колька, Рогнеда и Димка. А еще домовый...

Мальчик зевнул, потянулся, заскрипела кровать. Рядом завозился, просыпаясь, Колька.

— Ого! Где это мы?

Женька открыл глаза, увидел большую солнечную комнату и заявил тоном знатока:

— Это такой сон.

— Со-о-он?

— Конечно. Вот бы никогда не кончался, ага?

— Ага... Чуешь, чем пахнет?

— Чую. А что это?

— Это пирог с яблоками. Если его полить сливками — такая вкуснятина... На сборах пробовал, — пояснил Колька, смутившись.

— Так давай скорей, пока не проснулись!

Мальчишки выскочили из постелей и помчались на запах. В просторной светлой кухне на столе, накрытом белой скатертью, стоял большой пирог.

— Дышит, — шепотом сказал Колька.

— Чего?

— Только из духовки, балда!

— Проснулись? Живо умываться и за стол!

Мальчишки подпрыгнули от неожиданности и словно прилипли друг к другу.

— Рогнеда Роландовна, — протянул Колька, лихорадочно соображая, что происходит, и что им за это будет. Отец точно выплет по первое число, и мать будет пилить недели две. Только бы футбол не запретили...

— Опять кошмары снились, да, горюшко мое луковое?

Колька нерешительно посмотрел на брата, но Женька улыбался во весь рот и не сводил сияющих глаз с Рогнеды.

«Это взаправду».

— Конечно, — ответил знакомый хриловатый голос. — Я же тебе обещал.

«И ты больше не тень».

— Не тень.

«И не собака».

— Ура!!! — завопил Женька, с разгону врезаясь в Рогнеду, прижимаясь к ней, как никогда в жизни ни к кому не прижимался. — Колька, ты что, в сам-деле еще не проснулся? Мы тут живем всю жизнь!

— А вчера? — продолжал хмуриться Колька.

— Что вчера.

— Ну, тоже было всю жизнь?

— Нет, вчера была вся жизнь без одного дня! — сказал Димка, входя в кухню.

Смутные воспоминания, обжигающие страхом и стыдом («надо пояснить, кто есть Николай Сапожкин! Они без него, как без ног»), которые теснились в Колькиной голове, померкли, поблекли, и растворились, словно плохой сон, он издал клич похлеще Женькиного и обнял брата с сестрой, чувствуя, как Димка подошел и обнял их всех. Они не заметили, как на столе появились четыре старенькие глиняные чашки с чаем из отборных солнечных лучей и детского смеха.

ВАЛЕРИЙ ГЕНКИН, АЛЕКСАНДР КАЦУРА

СЕТЬ

ТЕПЕРЬ ВАГОНЫ С ТАКОЙ ОБЛИЦОВКОЙ ХОДЯТ только по одной линии — от Киевской до Щелковской. Степан Валентинович, всякий раз, погружаясь в их «кондитерское» нутро, вспоминал почему-то свои школьные сутолочные дни.

Человек, сидящий напротив, спал, сцепив руки на животе и приткнувшись затылком к желтой, похожей на печенье, стене. Где-то видел он этого толстяка — нос уточкой, ворот полосатой рубашки с узкими концами, короткие пальцы.

Сосед справа развернул газету. Вагон качало. «Молодость древнего Бенина». «Преступные эксперименты с токсичными газами на Амазонке...» Строчки прыгали. «Бизон будет жить». «Очередной скандал разразился... Служащие вычислительного центра в австрийском городе Линце Рааб и Энцеринк получили взятку в размере двух миллионов шиллингов за небольшое изменение программы компьютера...» Интересно, будет ли Надсадный в Линце? Или только в Вене? Венский Хофбург с глянцевого открытки (подарок представителя фирмы, «это есть сувенир для господин Маркин») тащил за собой другую картинку из детства. Девушка с лютей притихла у ног принцессы. Усатый страж оперся на бердыш. Кошка ткнулась мордочкой в молоко, на мозаике пола жемчужные капли. А на площади — толпа оцепеневших игрушечных пажей, поваров, конюхов. Говорилось в сказке и о заснувшем в очаге огне, но на рисунке его не было — художник, видно, спасовал.

С полгода назад спящее это царство явилось Степану Валентиновичу во вполне современных одеждах. В тот вечер Мария с дочкой ждали его у Художественного. Был жуткий холод. Он опаздывал минут на двадцать. В отчаянной обиде на мороз, таксистов, неудачливость свою, давась колючим воздухом, спешил Степан Валентинович по обледелому тротуару бульварного кольца. Но пропал ветер, и стало тихо. Редкие прохожие замерли, манекенно подняв ногу. Не двигались машины. Вылетевшие из-под колес комья снега повисли в воздухе. «Я сплю, — угроговаривал себя Степан Валентинович, — мираж какой-то... Сейчас это кончится». Это кончилось, когда он подходил к театру. Дрогнули трол-

лейбусные провода, полетели по мерзлому асфальту бумажки, в глаза ударил ветер, и все суетливо задвигалось.

— Степа! — замахала Мария большая.

— Папа! — закричала Мария маленькая.

Он отогнул край перчатки — девятнадцать двадцать две. Стоят, что ли? Но секунды исправно мигали. Выходило, что Мариям и ждать не пришлось.

Событие это удивило Степана Валентиновича. Даже обеспокоило. Потом такие случаи стали повторяться, хотя и нечасто. Серьезных последствий они, к счастью, не имели. И это успокаивало. Человек рассудительный, Степан Валентинович пытался найти какое-то объяснение этим «замерзшим» кадрам. Столбняк, подметил он, нападает на окружающих, когда Степан Валентинович особенно торопится, боится не успеть. Может быть, мозг его защищается от вечной спешки, страха опоздать? Так думал он, гоня мысль, что дело неладно, что надо бы к врачу. Да не просто к врачу — к психиатру! А там возьмут на карандаш...

Вот он снова безнадежно опаздывает, и мир послушно застыл. Старушка в соломенном кругляше на темени настойчиво разглядывает афишу филармонии. Троллейбусные двери исправно выдавливают наружу избыточного гражданина в бежевой рубашке с темными полукружьями подмышек. Ребенок тянется к монстрам, выставленным в витрине «Мужских костюмов». Имеется и кошка — не распустеха с картинки, расплескавшая молоко, а статуэтка чуткого поджарого животного, готового к прыжку на воробья. Нашелся и огонь — несомая к вытянутым губам спичка с желтым треугольным флажком. Знакомое одиночество среди декораций и кукол. Одиночество? А что это за фигура обходит вишневый лимузин? Широко улыбаясь, семенит через улицу полный пожилой мужчина в старомодной тенниске и сандалах на босу ногу.

— Жара-то! — радостно сообщил он, пристраиваясь рядом.

— Тепло, — ответил Степан Валентинович, удивляясь новому повороту событий. И прибавил шаг.

— Да не спешите вы так. Будто не успеете, — сказал сосед, пыхтящий у локтя.

Степан Валентинович механически взглянул на часы. Они, естественно, стояли.

— Ч-ч-черт!

— Напрасно вы, Степан Валентинович. Хорошие часики. Я-то знаю.

Такая осведомленность возмутила Степана Валентиновича.

— Это откуда же? — спросил он уже в раздражении. — И имя мое, вижу, знаете.

— Да не волнуйтесь вы. Впрочем, и олимпийское спокойствие тоже не для вас. Самолет ждать не станет. Не успеете — и Вена тю-тю.

Маркин остановился.

— Так. Что еще вам известно?

— Вы — Маркин Степан Валентинович, проживающий по улице Новаторов, дом восемь, квартира двенадцать, старший научный сотрудник НИИГаза, направляетесь к аэропорту для посадки в самолет, вылетающий рейсом 6521 Москва-Вена, чтобы принять участие в переговорах с фирмой «Ферайнигте Эдельштальверке» о совместной работе по монтажу магистральных газопроводов. По крайней мере, вы думаете, что летите в Вену именно с этой целью.

Психолог, подрабатывающий составлением словарей синонимов, описал бы состояние Степана Валентиновича в этот момент как потрясенное, озадаченное, огорошенное, обескураженное и обалделое, но вместе с тем враждебное, негодующее, гневное.

— Откуда, черт возьми...

Интеллигент старого пошиба, Степан Валентинович не располагал сколько-нибудь значительным запасом слов и словосочетаний, эффективно замещающих среднелитературного «черта», а потому речи его в минуты ярости недоставало выразительности.

— Да из квитанции.

— Квитанции?

— Часы вот эти самые весной, в апреле, в гарантийную мастерскую на Преображенку носили?

Часов в доме было много. Большие напольные, с тягучим низким боем. Астматический будильник «преклонного возраста» с поразительной точностью хода — ничуть не хуже красивой японской игрушки на запястье Марии большой, разве похрипывает да требует завода. Другой будильник, поновее и потише, но вечно спешащий. Карманные серебряные часы женеvской фирмы «Монар», оставленные тестем. Заводить их надлежало ключиком, что совершалось весьма редко и только Марией маленькой в бытность ее маленькой, когда играла в Гулливера. Были у нее и свои часы — сначала школьная «Заря», потом электронные с голубым циферблатом. Сам Степан Валентинович сохранял верность старой стрелочной «Славе», питая неприязнь к расплодившимся электронным хронометрам-комбайнам, пока коллеги не вручили ему последнюю модель такой штуковины к сорокалетию. А вскоре подарок повел себя непристойно. Часы замедляли ход и останавливались как раз в то время, когда хозяин спешил, а стало быть, нужда в них была особенная. Степан Валентинович вновь отыскал свою верную «Славу», но и она стала барахлить. Пришлось через весь город тащиться в гарантийную мастерскую. Отстояв без малого два часа, Маркин сбивчиво пожаловался утконосому приемщику с пухлыми пальцами. Тот был очень вежлив, дотошно расспрашивал, в чем дефект.

— Запишем: неустойчивость хода. Не возражаете? — сказал он, цепляя к браслету бирку. — Придете через две недели. Фамилия ваша?

— Две недели? — Степан Валентинович не рассчитывал на такой срок и робко спросил: — А немного пораньше? Без часов, знаете, неудобно.

— Старые поносите. Эти ведь только куплены, есть же у вас еще часы.

Степан Валентинович смутился.

— Такое, понимаете, неудачное совпадение. И старые испортились. Та же беда с ними. А то ходили минута в минуту. Двадцать лет ходили.

Часовщик глядел на него с неподдельным интересом.

— Они у вас не с собой, случайно?

— Дома.

— Придете за этими, приносите. Заодно посмотрим, что там стряслось. Адрес?

Когда пришло время получать часы, Степан Валентинович прихватил свою антикварную «Славу». На выдаче сидел совсем другой мастер, много моложе. Но когда, взяв квитанцию, он ушел за перегородку, оттуда сразу же выкатился знакомый часовщик в опрятном белом халате.

— Вот, — сказал он, — ваш аппарат. — И выжидающе посмотрел на Маркина.

— Спасибо. Что-нибудь серьезное было?

— Пустяк. — И продолжал смотреть в глаза.

— Я... я вам что-нибудь должен? — спросил Степан Валентинович.

— Конечно, — засмеялся часовщик. — Вы обещали принести старые часы. Забыли?

— Принес, принес.

— Так давайте их сюда.

Чуть подрагивая, коротенькие пальцы моментально вскрыли корпус, и черный окуляр навис над механизмом.

— Так-так-так, великолепно, как я и думал, — бормотал часовщик. Он ковырнул игольчатой отверткой, дунул маленькой резиновой грушей, защелкнул крышку и покрутил завод. — Возьмите. Будут ходить, как... часы. Ха-ха! До свидания.

— Так это были вы? — спросил Степан Валентинович.

— Я же вам квитанцию выписал. Маркин, телефон, адрес... Остальное можно узнать, если интересуешься человеком.

— Стало быть, вы мной интересуетесь?

— Еще бы, мой дорогой. Да вы посмотрите вокруг? Много ли таких, как мы с вами?

— Вы, значит, тоже...

— Именно. Однако вы пришли. Аэровокзал вон уж, рядом.

— Но я хотел бы спросить... узнать...

— Да, мы увидимся. Я ведь тем же рейсом лечу. Сбегаю только домой переодеться и вещи собрать. Да и перекусить не вредно. Знаю я их кормежку — куриное крылышко и наперсток кофе.

Все стронулось, задвигалось, зашумело. Стоя у стеклянных дверей зеленого решетчатого куба, Степан Валентинович крутил головой, но толстяк как в воду канул.

На стадионе было холодно. Под деревянными скамейками с облупившей-

ся голубой краской прятались языки грязного снега. Нахохлившись, Трофим Трофимович сжимал в руке секундомер. Циркун косил виноватым взглядом. Худой парень с прокуренным лицом появился сбоку.

— Балясов вы будете?

— Ну, — сказал тренер.

— Я это... бегаю.

— Все вы у меня тут бегаєте. Вон и этот герой третий раз из одиннадцати вылезает. А ну давай еще раз! — рявкнул он Циркуну.

Тот поплелся к колодкам.

— А можно, я рядом? — спросил худой парень.

— Уходи, не мешай, — бросил Трофим Трофимович.

— Хоть по бровке...

Тренер не ответил. Но когда невесть откуда взявшийся тип на сотке обставил Циркуна метров на пять, Трофим Трофимович Балясов крикнул и протер глаза. В радиусе двухсот километров нет человека, способного обогнать Сережу Циркуна. Откуда этот к нам пожаловал?

В следующее воскресенье парень, назвавшийся Геней Митюшиным, уже надел динамовскую форму. Трофим Трофимович возбужденно звонил зампреду общества. За три летних месяца Митюшин забрал все местные призы и в сентябре уехал в Киев на международные легкоатлетические соревнования. Там случилась сенсация. Обгоняя бугристого, как пантера, негра, Гена увлекся и показал девять и восемь десятых секунды. Спортивные выпуски мира захлебнулись. Обращали внимание и на странную пластику бега новой звезды спринта.

— Как? Откуда? — вопрошали все.

— Я вырастил, — скромно отвечал Трофим Трофимович.

Митюшин же решил впредь соблюдать осторожность. Он счастливо купался в стадионном гуде, лучезарно улыбался землистым лицом со средней ступеньки пьедестала, благосклонно приветствовал трибуны взмахом руки. И никому на свете не признавался, что так же легко он может пробежать знаменитую спринтерскую дистанцию и за пять секунд, и даже за одну. После выигрыша предолимпийского старта Гена запил. Но потом взял себя в руки. «Главное — не выходить из образа, — приговаривал он сквозь зубы. — Создал, брат, образ — держись».

Не удалось. На дорожке начались сбои. Прежде все было просто. Хлопок стартового пистолета. Миг, другой, и стадион замирал. Приклеенные к воздуху, в нелепых прыжках плыли соперники. И тогда Гена Митюшин, глумливо корча физиономию, вышагивал, стараясь держаться впереди лидера. Гена хихикал, едва сдерживался, чтобы не подергать его за нос. Потом все пропало. Именно в тот момент, когда все начали трубить о блистательном таланте Михалы Грамено, Гена почувствовал ревнивый страх. Однако встретиться с Грамено на дорожке не пришлось. Митюшин по-прежнему мог обогнать любого в обычной, спокойной обстановке. Но не на тартане, на виду трибун. Выстрел.

Спины соперников далеко впереди. Несчастный Геннадий, вывалив язык, добегают до финиша за шестнадцать секунд — совсем неплохо для слабогрудого курицы.

Когда мир застыл вокруг него впервые, Джим Ребров испугался. Во второй раз он проявил большую сметливость и украл в угловом гастрономе из-под рук окаменевшей продавщицы бутылку коньяка и три плитки шоколада. И хотя его комнатенка вскоре наполнилась вкусными и полезными вещами, Джим сообразил, что удобнее брать деньгами. Время от времени стал он наведываться в большие магазины, и, когда внезапно — и каждый раз к изумлению Реброва — у людей становились сонными лица, и круговерть прекращалась, Джим открывал клеенчатую сумку на молнии и методично обходил кассы. Подсчитывая выручку, кассиры паниковали, директора магазинов ввали в глубокое уныние, работники надзирающих и правоохранительных органов недоумевали. Порою неприятно удивлялся и Джим. Как-то в разгар очередной операции на другом конце торгового зала увидел он столь же проворно двигавшуюся фигуру. Ребров взмок от страха и тут же замер сам, слившись с неподвижной толпой. А однажды к нему внезапно приблизился угрюмый толстый мужчина и прервал процесс разглаживания и упаковки потертых купюр. Подошедший неожиданно мягко улыбнулся и сказал: «Нехорошо это, молодой человек. На что тратите бесценный дар! Стыдно». Джим оторопело смотрел ему вслед своими узкими глазами.

А потом появился дед Павлуша. Реденькие волосы на бочок, под белыми глазами набрякли мешки.

— Что, кореш, — сказал он насмешливо, — все по магазинам работаешь? С твоим храпом банк брать. Понял, дитятко?

Пришло время, и Ребров понял. Однажды воры-сороходы собрались из разных мест. Иные были встревожены. Преследуют их люди, столь же быстрые. Грозят. Становилось ясно: без корпорации, без твердой руки — не обойтись.

Джим меж тем купил себе «Мерседес», почти новый. В поселке Усово приобрел двухэтажный особняк с тремя каминами. Узнав об этом, дед Павлуша сказал коротко: «Дурак!»

На очередной сходке держал речь. «Что деньги? Что бабы? Кутежи ночные? Труха! Нет на земле ничего слаще власти, дети мои. Понять вам нужно — особые мы. Власть сама к нам просится. Будем держаться друг за друга — кто с нами сладит? Но драться придется, зубами грызть. Кейфовать не время. Вот и бегун Вася — он раньше всех быстрее бегал — согласен».

— Я не Вася, — сказал Гена.

— Это все равно, Вася, — ответил дед Павлуша.

— Дед, а за границей есть такие? — спросил кто-то.

— Какие?

— Ну, как мы.

— Вопросик! — сказал дед. — О том и речь.

Однажды Джим Ребров получил по почте пакет — бланк туристической путевки в Австрию и подробную инструкцию, что делать. Зачем ему эта чужая, темная заграница? Сомнения разрешил подвернувшийся эмиссар деда Павлуши.

— Большие дела затеваются, кореш. Там и решится — кто кого.

В субботу переговоров не было. До гуда в ногах бродил Степан Валентинович по блестящему Рингу, забитому публикой Пратеру. Заблаговременно купил билет в Оперу — в тот вечер давали «Волшебную флейту». Пообедал в открытом кафе, взяв бутылку легкого, но, как выяснилось, коварного красного вина. У собора святого Стефана попытался приткнуться к табуну экскурсантов, но гид держал речь на непонятном английском, и Степан Валентинович отошел в сторону, рассеянно разглядывая прихотливый каменный узор над аскетической головой в тиаре.

— Тезкой лобуетесь, Степан Валентинович? Да, да, я это. Не извольте беспокоиться. Насилу нашел. Что ж вы из гостиницы ни свет ни заря улепетнули?

Часовщик был одет в строгий светлосерый костюм, казался тоньше и моложе, чем в Москве. Взяв Маркина за локоть, он продолжал уже суше:

— Имею поручение пригласить вас на деловую встречу сегодня в семь.

— Куда? Зачем? И вообще, я собрался...

— Степан Валентинович! Я отвечу на ваши вопросы, только не говорите мне, что именно в семь часов у вас неотложное дело.

— Я собрался в Оперу.

— Там начало в семь тридцать.

— Вы хотите сказать, за полчаса я успею?

— Успею... Шутник. Вы будете в обществе, где никто никогда никуда не опаздывает. Как и вы, дорогой Степан Валентинович, по каковой причине и приглашены. По каковой причине и прибыли вы в прекрасную Вену.

— Я приехал для...

— Переговоров с «Ферайнигте»?

— Да.

— А вас не удивило, что сюда направили вас, а не Надсадного?

— Он... Он заболел, к сожалению.

— Могу вас утешить. Григорий Тихонович совершенно здоров.

— Тогда, в самом деле, почему не он?

— Потому что сегодня в девятнадцать часов у вас важная встреча в Вене. Независимо от состояния здоровья Надсадного. И независимо от проблем монтажа магистральных газопроводов.

— Но я не попал бы в Вену, не будь я сотрудником НИИ газа и не занимайся я этими проблемами.

— Вздор.

— Я мог бы работать, скажем, в пищевой промышленности.

— Фирма «Лазка Иоганн унд Зене» сотрудничает с Россией в сфере упаковочных автоматов для пищевых продуктов, производства замороженных полуфабрикатов и овощных консервов. Их главная контора за углом.

— А если б я был сапожником?

— «Полиэйр машиненбау» проводит семинар по производству полиуретановых подошв. Правда, начало работы семинара запланировано на послезавтра, но изменить дату, уверяю вас, не составило бы труда.

— И слесаря-сантехника вы бы доставили в Вену?

— Без сомнения. Вам предложили бы практически бесплатную поездку... Путевки, туры... Поверьте, не существует силы, которая могла бы помешать вашему появлению здесь и сейчас. Хик эт нунк, как говаривали римляне. А пока, если пожелаете, я введу вас в курс дела — в самых общих чертах. Подробности узнаете вечером.

«Ну, спаситель человечества, как себя чувствуешь? Не лопнешь от гордости за великое свое предназначение?» Так думал Степан Валентинович Маркин, усаживаясь на каменную тумбу в тихом щелеподобном переулке, где очутился в поисках места, удобного для размышления. В замутненной вином голове слова часовщика вели себя безобразно, прыгали и перебегали с места на место, но Степан Валентинович не оставлял попыток их усмирить. Итак, в его мозгу миллиарды клеток, и все его мысли и чувства возникают в результате распространения по этим клеткам электрических сигналов. За одну секунду клетка пропускает не более тысячи таких сигналов. Почему же, говорил часовщик, не создан до сих пор электронный аналог человеческого мозга? Ведь нынешние компьютеры содержат те же миллиарды элементов, упакованных в кремниевых кристаллах по миллиону в каждом. А быстроедействие этих элементов чуть ли не в миллион раз больше, чем клетки мозга. И все-таки любой компьютер — сущий идиот, даже по сравнению с малым ребенком. Да что там ребенок — улитка или краб, чей мозг содержит каких-нибудь десять тысяч клеток-нейронов, и то гений в сравнении с компьютером. С большим трудом удастся моделировать на самых современных машинах поведение насекомых. В чем тут дело?

— Наверное, сила мозга не в количестве клеток, — ответил Степан Валентинович. — Но зачем вы все это рассказываете?

— Терпение, Степан Валентинович. Еще немного, и вы поймете, к чему я клоню. Действительно, не в количестве клеток дело, а в том, сколькими связями соединена клетка с другими. На каждый нейрон таких связей приходится в среднем десять тысяч. Мозг — это братство миллиардов клеток, соединенных триллионами связей. В этих сетях взаимосвязей между нейронами и заключены уникальные свойства человека — способность чувствовать, думать, решать. Элементы же электронных схем, эти клетки машинного мозга, имеют не более десятка связей со своими братьями. Поэтому любую задачу компьютер решает, лишь тупо разло-

жив ее на простейшие операции, и огромное быстроедействие машины тратится на выполнение чудовищного количества самых примитивных шагов. Если весь входной поток информации человеческий мозг воспринимает одновременно, то можете себе представить, каких усилий стоит машине совершить такое простое для нас действие, как узнавание предмета, лица, картины...

Здесь Степан Валентинович на какое-то время потерял нить, ибо явилось ему за лицом часовщика видение желтой стены, похожей на печение, а потом и девушки с лютней, склонившейся к ногам принцессы.

— ...И вот этот элемент, способный связаться с тысячами себе подобных, становится клеткой искусственного разума. Человек не может противодействовать такому разуму, изменять его решения, потому что сам он мыслит и действует в миллион раз медленнее. Мы теряем власть над машинами, над всей технологической средой. Превращаемся в слуг этого разума, да хорошо еще, если в слуг полезных, с его точки зрения. В противном случае нас просто уничтожают. Но природа дает нам шанс. Она создала таких, как вы. Людей, которые всегда успевают. Сегодня мы впервые собираемся вместе.

— Господина не затруднит ответить на вопрос?

Пожилой мужчина в сером костюме, пересекавший площадь перед императорским дворцом, уставленную скульптурными группами туристов и праздных венцев, вздрогнул и оглянулся. Голос дребезжал по всей площади. Спрашивающий, розовощекий блондин хрупкой наружности, обогнул коляску с беззвучно ревущим младенцем, ущипнул за бедро мамашу, придвинулся вплотную, осмотрел ее серьгу и, махнув рукой, снова обратился к мужчине:

— Дешевка. Так вот, я хочу узнать один адресок, папаша.

— Я не живу в Вене, — ответил мужчина по-немецки с сильным акцентом.

— Я приезжий.

— Все мы приезжие, — голос зазвучал уже с другой стороны, где обнаружился гривастый парень, деловито осматривающий близко посаженными глазами фотоаппарат, только что снятый с шеи румяного детины в панаме.

— Выкладывай, где и когда собираетесь?

Мужчина в сером попятился.

— Но, но. Стой смирно. — Гривастый вернул аппарат на место и теперь изучал бумажник того же туриста. — И учти, без адреса ты не уйдешь. Не взрывать же всю Вену — хлопотно, да и город красивый. Я правильно говорю? Тебе город нравится?

Мужчина сделал еще шаг назад, повернулся и бросился бежать по сувенирно-опрятной площади между поджарыми дамами и седыми мальчишками с цепями на шее, холеными собаками и малышами в цветных комбинезонах, веселыми стариками с биноклями и белыми кучками голубей на брусчатке. Он бежал тяжело, смешно перебирая короткими ножками. Дыхание сразу же сбилось, лицо побагровело. Ни розовощекий, ни любитель фототехники не преследовали его. Уже на краю площади перед задыхающимся

стариком возник невысокий плотный парень с узкими глазами и тихо сказал почему-то по-русски:

— Ну все. Приехали.

Без трех минут семь Степан Валентинович взялся за бронзовую лапу. Тяжелая черная дверь трехэтажного особняка медленно отворилась. Никто не встречал его, и он поднялся по широкой белой лестнице. В обширном фойе вдоль стен и у колонн стояли люди — группами, а большей частью парами или поодиночке. Степан Валентинович походил между кучками беседующих, обогнул круглый малиновый диван, на котором сидели две смуглые женщины, бесспорно близнецы, и старец в черном костюме и лакированных туфлях. Очутившись, наконец, у окна, Маркин отвел в сторону край портьеры и посмотрел на подсвеченные липы бульвара. Теплый августовский вечер. Нарядная толпа. Никто не двигался.

Отсутствие часовщика смущало Степана Валентиновича. Взгляд снова и снова обегал фойе. Никто не обращал на него внимания. Старичок в черном озабоченно вертел шеей. Глаза их встретились. Тогда с неожиданным проворством он встал с дивана и подошел к Степану Валентиновичу.

— Юзеф Леванда, — наклонил голову старичок. — Не с господином ли Маркиным имею честь?

— Это я, — сказал Степан Валентинович.

— Мне представляется, мы ждем нашего общего знакомого. Не удивительно ли отсутствие столь обязательного человека?

— Да, да. Я жду его. Ведь я здесь никого больше не знаю.

— О, это поправимо, — сказал Леванда. — Я познакомлю вас с нашим председателем.

Старичок взял Степана Валентиновича под руку и повел к немногочисленной группе, состав которой непрестанно менялся.

— Господин Сотир-Гурра, — обратился Леванда к брюнету в клетчатом пиджаке, — представляю вам господина Маркина. Возможно, вы помните...

— Разумеется. Превосходные данные. Редкие способности. Весьма. — Сотир-Гурра говорил по-русски свободно, хотя и с заметным акцентом. — Рад, что вы здесь. — Он стремительно сжал ладонь Степана Валентиновича и утопил подбородок в нежно-коричневом, в тон пиджаку, шейном платке. — Очень рассчитываем на вашу помощь.

Леванда потянул Маркина в сторону, а их место тотчас занял высокий молодой человек.

— Знаете, кто это? — спросил Леванда.

— Нет. Откуда мне.

— Знаменитость. Михаль Грамено. Он из Албании.

— Бегун?

— Новая звезда легкой атлетики. Наделал не меньше шума, чем ваш Митюшин. О Геннадии Митюшине вы, верно, слышали?

— Да, хотя я, знаете ли, не большой знаток спорта.

— Он, безусловно, из наших. Но куда-то исчез. Не удалось разыскать. А Грамено приехал.

— Значит, все эти рекорды...

— Да, да. Но возможности развиты не до конца. Сотир-Гурра полагает, что у него многое впереди. Хотя скорохода вашего класса из Грамено не получится. Такие вообще крайне редки. На всю Европу — вы, наш отсутствующий друг, я да еще, пожалуй, старик Топурия. А во всем мире, насколько мне известно, не больше дюжины...

Прозвучал гонг.

— Идите в зал, Степан Валентинович. Я — в кабину переводчиков. На мне арабский. Не прощаюсь — встретимся позже.

Сотир-Гурра начал речь, еще не дойдя до микрофона, отчего первые его слова были услышаны не всеми.

— ...В чем причина этой необычности? Судьбе было угодно, и, полагаю, не случайно, чтобы среди нас оказались люди, задумавшиеся над этим вопросом. Они взяли на себя труд раскрыть эту прекрасную тайну, высветить истину в игре всех ее граней. Я же попробую описать положение дел в общих чертах.

Каждый шаг нашей жизни связан с компьютерами. Утверждение это превратилось в трюизм, но не перестало быть истинным. Компьютеры всех рангов и мастей управляют заводами и задают корм скоту, следят за транспортом и обеспечивают национальную безопасность, собирают налоги и составляют школьные программы, подбирают брачные пары и ставят диагнозы наших болезней, сортируют товары и развлекают нас. Тем более, что времени для развлечения все больше. Его нам дарят те же компьютеры. «Ах, как хорошо! — говорим мы, перекладывая на плечи автомата еще одну толику труда своих рук, своей головы. — Наш удел — творчество, здесь нам нет равных...»

Голос Сотир-Гурры утончился до звона. Речь наполнилась страстью, теребя внимательность. Над головой — нимб, выкроенный из желтой стены.

— Микропроцессор, микрокомпьютер, интеллектуальный кристалл — как и у дьявола, у него много имен. За несколько лет он расплодился в сотнях миллионов экземпляров. Скоро их будут миллиарды — как клеток в мозгу. Они поселились в телефонах и слышат, о чем мы говорим. Они влезли в кассовые аппараты и считают каждую нашу покупку. Они живут в светофорах и указывают нам маршрут. Сидя в домашних компьютерах, они в курсе всех наших интересов и пристрастий — в искусстве, политике, науке. У вас дочь? Загляните в ее куклу. У вас сын? Что вы найдете в его любимой машинке? В дверном замке? В ваших часах?..

Степан Валентинович посмотрел на часы. Они стояли.

— Увязанные кабелями и оптическими волокнами во всезнающую сеть, где каждый кристалл, подобно нейрону мозга, соединен со многими тысячами других, они оплели землю паутиной колоссальной интеллектуальной мощи, перед которой бессилен медлительный разум человека. А дальше

вступает в силу беспощадный механизм отбора. И — горе человеку! Но появились вы. Новый вид — хомо цитис, человек быстрый. Ваш дар — порука тому, что человек сохранит свой венец. Вот наше святое предназначение. Вот какая цель объединяет нас.

Мы собрались, чтобы укрепить наше братство. Изучить и отточить наше оружие. Пресечь попытки — позорные попытки! — использовать его для мелких выгод и криминальных акций. Подумайте, что может сделать циничный грабитель, безумный террорист, жадный до власти политик или недалекий и честолюбивый генерал, которого слепая судьба наделила этим даром. Природа испытывает нас. Может быть, компьютеры для того и появились на свет, чтобы вызвать к жизни новый виток эволюции? Не знаю. Нынешнее общество называют постиндустриальным, информационным, компьютерным. А каким будет посткомпьютерное общество? Я провижу время, когда компьютер устареет, как паровоз, и новый человек, не нуждающийся в электронных костылях, самое гармоничное и могучее природное создание, воцарится в мире.

Представим себе этот мир — зеленый ковер не опутанной проволокой земли. Представим человека — свободного, легкого... По лугам и лесным тропам идет он и никуда не торопится. И медленные хвосты комет, и пляска атомов — все ему внятно, все во власти его быстрого времени. Пора эта не за горами, но путь к ней...

В углу зала возникло движение. Ветерок шепота пронесся по собранию. Где? Не может быть! И уже на пронзительной ноте: «Да не может этого быть!» Вскочили, побежали к выходу. Побегал и Степан Валентинович. Стояли машины. Полицейский на углу — оловянный солдатик.

Часовщик сидел, привалившись к кирпичной стене. Лицо белое, спокойное. Когда время обрело обычный ход, перепуганная девушка, торговавшая с лотка конфетами и жевательной резинкой, говорила полицейскому комиссару:

— Его подкинули. Он свалился... оттуда. Нет. — Она задумалась. — Он просто появился. Понимаете? Его не было, а потом — он здесь.

Комиссар задумчиво глядел на девушку.

Войдя в знакомую дверь с бронзовой лапой, Сотир-Гурра повел Степана Валентиновича, Юзефа Леванду и Михаля Грамено не по белой лестнице, а через боковой ход в подвал. Старик Леванда был растерян и бледен. Сотир-Гурра — быстр в жестах и возбужден до румянца. Наклонившись и распахнув дверцу буфета, он вытянул рыжий на сгибах саквояж.

— Ответственный момент, — голос Гурры слегка прерывался. В его руках появилась металлическая коробка. — Должны действовать немедленно. Всех до единого... — Он снял крышку. Тускло блеснули шприцы. — Долг перед погибшим товарищем. Мы уберем их всех...

Сотир-Гурра взял один из шприцов.

— Способ прост. Полкубика достаточно. Но обогнать их во времени можем только мы. Четверо. — Он протянул шприц Степану Валентиновичу.

Лицо Маркина посерело.

— Что это?

— Успокойтесь, друг мой, — Сотир-Гурра белозубо улыбнулся, — совершенно безобидная операция. Укол — и человек теряет быстрое время. Становится простым смертным. И нет соблазна преступать закон. Совершенно безболезненно.

Степан Валентинович оглянулся на Леванду. Тот молча кивнул.

— А что в нем? — спросил Маркин, принимая шприц.

— Мы испытали это средство недавно. В Каури, это на Амазонке. Лишает скорохода его свойств. Действует мгновенно и без побочных эффектов. Но поспешим, пока они все вместе.

— Это необратимо?

— Абсолютно.

— А это... не слишком жестоко? — Спросил Степан Валентинович.

Гурра блеснул глазами.

— Ваш друг в покойницкой, а вы о жестокости. Меньше колебаний в решительную минуту. Верьте нам.

— Как мы их найдем?

— Вот это другой разговор. Я покажу.

Вслед за Маркиным взяли шприцы Юзеф Леванда и Михаль Грамено.

— Колоть лучше всего сюда, — Сотир-Гурра ткнул пальцем в набрякшую вену на собственной шее. — Самый быстрый эффект.

Они вышли на улицу. Не доходя квартала до ресторана «Ам Ринг» с неоновым вензелем над входом, Сотир-Гурра потянул Грамено за рукав.

— Для вас, Михаль, есть другое дело.

Он добавил несколько слов вполголоса, Грамено кивнул, повернулся и пошел обратно.

Из дверей ресторана вышел пожилой господин. Приблизившись к Сотир-Гурре, он почтительно наклонил голову с жиденьким пробором и сказал:

— Все здесь, как договорились.

— Хорошо. Возьмите, — Гурра передал ему шприц. — Показывайте дорогу.

Сорок отчаянно мечущихся по банкетному залу фигур представлялись этим четверым вяло плывущими в нелепо медлительном танце. Преодолев робость и жалость, Степан Валентинович касался их иглой. Они застывали. «Н-е-е-е-я-а-а у-у-ю-и-и...» — мычал узкоглазый парень, кривя влажные губы. Внезапно ожесточившись, Маркин вонзил иглу в его шею. Проходящий мимо Сотир-Гурра коротко кивнул: «Молодец!» Степан Валентинович ощутил прилив благодарности, даже нежности к этому человеку. С ним просто и ясно. С ним не страшно.

Все было конечно. Подошел старик с пробором и заглянул Гурре в лицо.

— Славно, господин Павлуша. — Сотир-Гурра благосклонно кивнул. — Благодарю вас. — И протянул руку.

Дед Павлуша с готовностью выставил растопыренную ладонь.

— Да нет, шприц, пожалуйста. — Сотир-Гурра принял шприц, поднял его иглой вверх на уровень глаз. — Хорошо потрудились, мой друг. Но кое-что осталось. И немало. Не пропадать же добру, как вы думаете?

Дед подобострастно осклабился. Ласково улыбаясь, Сотир-Гурра легчайшим движением кисти направил иглу в нужную точку. На бурой коже выступила темная капля. Павлуша охнул и окаменел.

— Удивлены? — повернулся Гурра к ошеломленному Степану Валентиновичу. — Напрасно. Это отребье. Мразь. Ему с нами не по пути. Пойдемте, Юзеф уже внизу.

Они вышли. А двум орудующим у служебного столика официантам явилась поразительная картина: группа веселящихся мужчин мгновенно распалась, и на только что ликовавших лицах разбросанных по залу людей отпечатались злоба и ожесточение.

Юзефа у выхода не оказалось. Зато их встречал Михаль Грамено. Пока он тихо и быстро говорил что-то Сотир-Гурре, лицо последнего резко менялось. Впервые Маркин увидел его растерянным.

— Спасибо, Михаль, — Сотир-Гурра улыбнулся, но какой слабой и жалкой была эта улыбка! — Подождите меня здесь.

Он стоял около Маркина, смотрел на него невидящими глазами и отрывисто бормотал: «Все... все вдребезги. Клятвы... Вера. Ослепительные планы. Вместе столько лет... Низость, какая низость!» Потом взгляд его обрел остроту. Он взял Степана Валентиновича за руку и заговорил:

— Плохие новости, мой друг.

— Что случилось.

— Джулио Личи.

— И что?

— Вам знакомо это имя?

— Кажется... э-э... Гангстер?

— Это чудовище. Сказать гангстер — не сказать ничего. Личи — император черного бизнеса. Терроризм — это Личи. Международные провокации. Наркотики. Детская проституция. Вербовка убийц. Личи может все — только платите. Мне только что сообщили: он — скороход. Причем высокого класса. Мы на волоске. Он здесь с единственной целью — уничтожить нас.

— Здесь? Но...

— Не буду скрывать от вас, господин Маркин. Есть только один человек, способный хотя бы попытаться противостоять Личи. Этот человек — вы. Не скрою также, что это...

Странное чувство охватило Степана Валентиновича. Это не было страхом. Напротив. Волна радости поднималась в его душе.

— ...это очень опасно.

— Я готов, — сказал Степан Валентинович. — Если смогу.

— Вы сможете.

— Как его найти?

— Вы хорошо его знаете.

— Я?

- Но под другим именем.
- Под каким же?
- Его зовут Юзеф Леванда.
- Степан Валентинович молчал.
- Вы колеблетесь?
- Нет, нет. Я иду, — ответил Маркин.

Он нашел Юзефа тут же за углом. Старик внимательно рассматривал эрдель-терьера, уткнувшегося мордой-молотком в колени хозяйки.

— Посмотрите, господин Маркин, на это животное. Точь-в-точь мой Снупи. Только этот пес еще молодой, а мой под стать хозяину. Дышит на ладан. Шестнадцать лет, господин Маркин, это знаете ли такой возраст...

Юзеф Леванда наклонился и протянул руку к собаке. Степан Валентинович увидел худую обнажившуюся шею, но в последний момент передумал и уколол в плечо. Может быть, поэтому Юзеф успел повернуть голову и удивленно глянуть Маркину в глаза.

У ресторана Степан Валентинович нашел Сотир-Гурру, стоявшего подле окаменевшего Михалья Грамено.

— Вот мы и закончили, мой друг, — Гурра раскрыл объятия. — Идите же ко мне. Вы сами еще не сознаете, что сделали для всех нас. Вы... — Он хлопал Маркина по плечам, а когда прижал к груди, тому стало неловко. Чуть отстранившись, боковым зрением, кожей, всем телом своим ощутил Степан Валентинович рыжую иглу, повисшую у щеки. И он рассердился. Отпрянул. Перед Маркиным задумчиво и томно, на манер аквариумного вуалехвоста, перебирал плавниками смуглый белозубый красавец Сотир-Гурра. Начальников не осталось. Нужно было решать самому. Он поднял руку со шприцем. Поршень погнал к игле желтую жидкость. Так вот для чего компьютеры писали ее рецепт? Игла вошла в то самое место, на которое часом (секундой? миллионной ее долей?) раньше указал тонким пальцем сам Сотир-Гурра. Ведь сказано где-то в индийских текстах — никогда не показывай на себе.

Вернувшись в номер, Степан Валентинович сел в кресло против телевизора и принялся играть кнопками пульта. Фургоны уныло тащились меж красных скал. Качались дверцы салуна. Пальцы в перстнях комкали платок. Благообразный комментатор заканчивал обзор новостей. Последний сюжет. Степан Валентинович уже нащупал кнопку выключателя, когда на экран выплыл клетчатый пиджак. Сотир-Гурра шел между двумя полицейскими. Кисти сведены короткой цепью. Глаза опущены. «...Неоднократно вводившего в национальную компьютерную сеть неконтролируемую информацию... Опасность такого деяния... любезно согласился прокомментировать... — ловил Степан Валентинович обрывки фраз. — Побочный эффект чрезвычайно разветвленной системы... Обращение подобной информации способно помимо воли операторов привести к принятию неблагоприятных решений. Неоднократно полиция брала его, казалось бы, в железные клещи, но всякий раз он внезапно и беспричинно ис-

чезал. Поразительно, что в памяти машин вообще не оказалось сведений об этом человеке... Вызывающе звучало заявление, которое он сделал журналистам: «Я найду средства выйти на свободу, и очень скоро!»

Комментатор исчез. Пошла реклама зонтов. Степан Валентинович механически перевел взгляд на прозрачное тело шприца у самого локтя. Большой палец лег на поршень. Прищурившись, Маркин посмотрел сквозь шприц на экран. Хватит ли? Кроме легкого укола, он ничего не почувствовал. Брошенный шприц закатился под кресло.

Негромкий стук в дверь.

— Да, даю.

Вошел Юзеф Леванда. Степан Валентинович молча смотрел на него. Старик медленно опустился на диван.

— Я слишком поздно догадался, — сказал он. — Это — Сеть.

— О чем вы?

— Компьютерная сеть со своей волей, своей целью. Да что там, вы помните речь Гурры? Там все правда. Но не вся правда.

— Чего же не хватает в его правде?

— Он сам уже не человек. В том смысле, что служил не людям, а Сети. Новая разновидность провокатора.

— И этот конгресс?

— Да, он собрал почти всех. И всех уничтожил. Кроме вас.

— Но как он смог, один? Пусть даже с помощью тех немногих...

— О чем вы! Его направляла Сеть. Разве командировками и туризмом ведают не компьютеры? Боже, это же пустяк по сравнению... Вы понимаете, что, уничтожив нас, хомо цитис, Сеть с легкостью может приступить к главной задаче.

— Я не понимаю вас, Юзеф.

— Ни один президент, ни один премьер, ни один король не успеет протянуть руку к трубке «горячей» связи, если Сети будет угодно скомандовать «Пуск!» Только хомо цитис, только они... — Старик усмехнулся. — Я уже не таков. Не знаю, когда появятся другие. Не знаю, где их искать. Пока вы один. Берегите себя, господин Маркин. — Юзеф Леванда вышел, осторожно закрыв за собой двери.

«Осторожно, двери закрываются». Дремота растаяла. Степан Валентинович встряхнул головой. Визави в голубой тенниске исчез. Его место занял худой старичок в черном костюме. Сосед справа сворачивал газету. Степан Валентинович рванулся к сходящимся створкам, скользнул между двумя дочерна загоревшими девушками и помчался к эскалатору. Уже выходя на площадь, взглянул на часы.

— Ну, молодец, — похвалила Мария большая.

— Нет, пап, ты теперь прямо клепсидра какая-то, — звонко сказала Мария маленькая.

— Ну уж, — неуверенно возразил Степан Валентинович, — это что за зверь такой?

— Не помнишь? В Клайпеде, в музее часов. Греческие водяные, очень точные.

— Будет вам, — беря их под руку, сказал Степан Валентинович. — Какие новости в вашей многотрудной жизни?

— Главная — Машка котенка притащила, драного и грязного. Назвала Степой, в твою честь. Да, звонил Надсадный, тебя разыскивал. Сказал, чтоб ты завтра с утра был в министерстве. Он заболел, так что в Вену ехать тебе.

ЮРИЙ МАНОВ

С ЛЮБОВЬЮ К АП-Ч

РОВНО ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД Я СДЕЛАЛ ГЛУПУЮ ГЛУПОСТЬ. Нет, людям вообще свойственно делать глупости, теперь-то я понимаю, но тогда я сделал глупость именно глупую! Расшифрую: глупая глупость — это когда человек понимает, что делает глупость, но все-таки ее делает. Так вот, я сделал эту глупость. А как было не сделать? Нет, по здравом размышлении делать этого было никак нельзя, но и не делать — тоже. Тьфу... Совсем запутался. Попробую объяснить по порядку. Благо, время пока есть.

Ровно пять лет назад все у меня было отлично. Карьера моя вырисовывалась если не блестящая, то, по крайней мере — вполне успешная. Еще бы! Девятнадцать лет, а я уже выпускник космоакадемии с дипломом пилота третьего класса! Не первый класс, конечно, но все-таки... Вполне могу быть допущен к пилотированию дальних рейсов. А это и престиж, и оклад приличный, (не будем забывать и премиальные). С личной жизнью тоже было все в ажуре: я ухаживал за Эммой, дочкой одного торговца подержанными космочелноками. Может, внешне Эмма и не была красавицей, но, на мой взгляд, вполне симпатичная девушка, к тому же добрая и веселая. Ну и пусть, что из провинции, зато очень хозяйственная. Такие жены — самые верные, точно вам говорю! Опять же — на чувства мои отвечала взаимностью, и родитель ее не раз намекал, что в случае законного бракосочетания ждет нашу молодую семью приятный материальный сюрприз. В качестве аванса подарил нам с Эммой тур на Райские Атоллы — неделя истинно райского отдыха на фоне девственной природы и лазурного моря! Впечатления самые восторженные!

С друзьями все тоже было хорошо: с ребятами нашего выпуска списывался постоянно, каждый год на сбор выпускников — в обязательном порядке. В «Звезды Сириуса» — команду по поло — меня приняли. Ну и пусть что вторая лига, зато играем на столичном стадионе! Не скажу, что далось мне это легко. Отнюдь! Отбор был просто жуткий! Но и я уж выложился на все сто, можете мне поверить. Так что взяла меня в основной состав. Классные там, скажу вам, ребята. Сразу сдружились, после игр частенько выбирались на мальчишники.

И со службой тоже все складывалось. Заявку мою в «Звездном пути» приняли — все тесты прошел успешно. В общем, живи и радуйся. И тут приходит это письмо...

Как сейчас помню, просыпаюсь это я утром весь в синяках и самых радостных чувствах. Синяки и чувства от того, что накануне мы здорово сделали «Кентавров» на их поле. Эмма так за меня болела, что едва из зрительской ложи не вывалилась и охрипла в придачу. Так вот, просыпаюсь я, осторожно с груди своей головку Эммы сдвигаю, быстро делаю зарядку и, уже собираясь в душ, краем глаза замечаю, что на экране компа конвертик красный мигает. И тут радостные чувства мои обрратились в форменную эйфорию. Красный конверт — срочное сообщение! А какое мне может быть срочное сообщение? Только ответ из «Звездного пути», где я сдавал тесты на патент капитана корабля дальнего следования. И вот ответ в красном конверте! Даже ребенок знает, что отказы такие компании присылают в скромных голубых конвертиках. А тут красный!

Да, видели бы вы, как я принимал тот душ. Представляете себе придурка, который орет марш «Астронавт готов всегда!» и, покрытый мыльной пеной, пляшет джигу под ледяными водяными струями. Трясаясь от нетерпения, даже не вытираясь, натянул я на себя халат, босяком прошлепал в зал и, глубоко вздохнув, нажал на конвертик.

Вместо ожидаемого чиновника «Звездного пути» в форменном мундире с шевронами и галунами в центре комнаты возникла дама средних лет вся в черном и в шляпке с вуалью. Очень грустная дама, почему-то это сразу бросилось в глаза. Она осмотрелась, повернулась ко мне, зачем-то промокнула краешки глаз белоснежным платочком и тихо сказала: «Крепитесь, юноша. Ваш батюшка отошел в лучший мир»...

Дальше я помню плохо. Кажется, я как стоял, так и сел. Уселся натурально на пол, раскрыл рот и в таком вот виде дослушал даму до конца. Она вещала что-то про Божью волю, про вечную память, которая живет в сердцах, про огромные скидки, которые предоставляет траурно-похоронная компания «Габбро» в пору летних отпусков... Кажется, перед тем, как исчезнуть, дама пыталась уговорить меня вставить кредитку в приемник компа, дабы я мог воспользоваться этими самыми скидками, но не исключено, что мне показалось... Да и не до скидок мне было.

Батя, батяня, мой добрый отец с усталыми глазами и мозолистыми руками умер. Тот самый, что катал меня на спине, учил водить трактор, проверял уроки, ругал за двойки, даже выдрал однажды... Почему-то очень хорошо помню его сильные мозолистые руки. Когда же мы виделись в последний раз? Семь лет назад? Восемь? Нет, точно семь. Летом это было, перед каникулами, мне как раз двенадцать исполнилось. Тогда в интернате начались каникулы, я опять собирался в спортлагерь на все три смены, уже форму спортивную в рюкзак уложил, а тут неожиданно заявляется батя. За мной! Его приглашали на какой-то фермерский съезд

за счет федерального правительства, вот он на обратной дороге за мной и залетел. А чего, каюта-то в лайнере оплачена, а сколько в ней народу полетит, никого не волнует. Классно я тогда отдохнул, никогда тех каникул не забуду! Это вам не лагерь: никакой тебе зарядки, никаких маршировок, ни обеда по расписанию, ни отбоя по сигналу. Тут, на ферме, дрыхни, сколько влезет, целыми днями гуляй, рыбу лови, на ахряках катайся, роботами командуй. Я и поработать успел, не сомневайтесь! Знаете, как лихо я на тракторе зажигал! А батя стоял на холме, смотрел на меня и улыбался молча в усы. А потом потрепал меня загривку и сказал: «Помощник растет, настоящий мужик»...

Эх, батя... Не получился из меня тебе помощник. Трактор — это здорово, но, сам помнишь, меня с детства тянуло в космос. Сам же книжки про космопиратов от меня прятал. Так после тех каникул я к тебе больше и не прилетел. Почему? Знаешь, батя, наверное, все из-за красного гаечного ключа и того случая с Робертом.

Был у бати робот Р-1. Старый-престарый, неверное, еще со времен Первого Покорения Дальнего Космоса сохранился. Когда ходил, он так громко скрипел, что во всей округе слышно было. Батя Р-1 Робертом звал, и очень я тогда с этим Робертом сдружился. Еще бы! Этот старик знал столько интересных историй: и про Покорение, и про пиратов, и про затерянные города. Бывало заберемся с ним в стог за овинном, он экран свой на груди включит, и давай мне истории показывать... А потом... Я же говорил, старый он был, дряхлый совсем. Все скрипел и капли масла терял. Батя ему никакой серьезной работы уже не доверял, так, ремонт мелкий, по дому прибраться. И вот как-то утром просыпаюсь я, и сразу кашлять начинаю. И было с чего — вся комната в дыму. А снизу крики и шум какой-то. Я окно открыл пошире, дым из комнаты выгнал и только тогда вниз спустился. А там батя злой, вскоченный с ключом разводным. Тем самым, красного цвета, что у него над камином в рамочке висел. И вот он этим ключом бедного Роберта по голове долбит. И звонко так: бамм-бамм-бамм... Оказалось, во время уборки Роберт че-то там замкнул, оттого в доме чуть пожар не случился. Вернее, случился, но батя успел пеной из огнетушителя огонь залить. Ну, и в сердцах Роберта отлупил. Как сейчас помню, я вниз по лестнице сбежал, батю за руки хватаю и кричу: «Папочка, миленький, не бей его, он больше не будет!»! А батя грубо меня отпихнул и снова бамм-бамм-бамм Роберту по голове. Потом-то я узнал, что такой ключ имеется чуть ли не у каждого фермера, дабы порядок подерживать. Нет, я и раньше видел, как батя охаживал нерадивого робота этим ключом по бочине, или отвинчивал манипуляторы в качестве наказания, но не таким же образом...

Честное слово, я после этого неделю заснуть не мог, все перед глазами круглая голова Роберта с глубокими вмятинами и висящим на проводке голубым глазом. А в ушах звук этот бамм-бамм-бамм... Роберт потом в крапиве за овинном валялся, несчастный, безжизненный, ржавый.

И глаз его оставшийся глядел на небо так жалобно. Словно вопрошал, за что так жестоко с ним обошлась судьба? Батя потом Роберта на металлолом продал торговцам. Эх, батя, батя, зачем же ты так? И в следующий раз, когда батя перед каникулами присылал в интернат вызов на мое имя, я все время отказывался лететь домой. Ссылался на важные соревнования. Нет, батя, не в соревнованиях дело, а в тех самых «бамм, бамм, бамм»...

В себя я пришел, только когда Эмма графин воды на меня вылила. «Что с тобой, Алекс?» — сипит, голос-то у нее так и не восстановился. А я и ответить не могу, сижу весь мокрый от слез и от воды из графина и в рыданиях содрогаюсь.

К вечеру пришло официальное письмо старосты фермерской общины планеты Новая Целина. Бородатый такой дядечка, очень загорелый, с обветренными губами, высказал соболезнования, мельком обмолвился, что батя мой умер как настоящий фермер — на трудовой вахте, в кабине комбайна, и деловито сообщил день похорон. Я спросил Эмму, полетит ли она со мной?

Эмма кивнула.

Двое суток мы потеряли из-за магнитной бури где-то в районе Цереры. Чтобы как-то успокоиться, всю дорогу в космолайнере я рассказывал Эмме о том, какая она красивая, моя родная Новая Целина. Какие на ней густые леса, полные грибов и ягод. Что когда у грибов линька, они не такие резвые, и за день запросто можно наловить целый мешок. Рассказывал про чистейшие ручьи и реки, из которых воду можно пить просто так, без всяких фильтров и таблеток. И что если тебя проглотит Скуильская медуза, то потом на коже никаких прыщей целый год не появится. Про цветущие луга, восхищающие буйством красок и фантастическими ароматами, тоже рассказывал.

Но Целина встретила нас не особо ласково — пыльной бурей. Пришлось долго прятаться в здании космодрома, больше похожем на большой пыльный овин с выцветшей кривоватой надписью «Надежда» над входом. Потом мы два часа летели на старом грузовом челноке и еще часа два тряслись по ужасным дорогам на каре, больше похожем на трактор. Я просил водителя — киборга какой-то допотопной модели — ехать побыстрее. Тот скучно ответил, что быстрее нельзя — колеса отвалятся. Но все-таки газу прибавил. А мы все равно не успели. Батю уже похоронили на деревенском погосте рядом с могилой деда. Скромная такая могила с деревянным крестом и единственным венком с траурной лентой «От общины». Эх, батя, батя...

С тяжелым сердцем подходил я к отчому дому. Но... не сразу его узнал. Почему-то в воспоминаниях детства он мне казался огромным, внушитель-

ным, как средневековый замок с высоченной башней посреди леса. А подошли ближе, ну башня и башня, не такая уж и высоченная, обычная водокачка красного кирпича. Да и в доме ничего такого внушительного. И пруд перед домом, в котором я пускал кораблики, теперь не казался мне огромным, как море, скорее — лужей, заросшей камышом.

У крыльца нас встречали с хлебом-солью. Вся дворовая прислуга собралась, да и полевые работники тоже. Даже киборг-культиватор со своими плугами сбоку примостился. Хлеб-соль держал в средних руках АП-Ч — Автоматический Повар 4-ой серии, а верхними руками он вручил нам с Эммой по очень милому букету полевых цветов. «Приветствуем, новый хозяин, — радостно (как мне показалось) загудели киборги, — добро поздравлять домой».

Честно говоря, в этот момент я прослезился и сказал Эмме: «Вот наш дом!»

Эмма кивнула.

Ключ от дверей дома я нашел на обычном месте — под ковриком, да и не было особой надобности в ключе. Дверей батя в жизни не запирает — незачем. В доме царил холостяцкий беспорядок. Все понятно, батя так и не нашел себе той, кто заменил бы ему маму. Эмма вздохнула и кликнула со двора киборга-дворецкого. Я же принялся распаковывать чемоданы. И тут заметил тот самый гаечный ключ в рамке над камином. Я немедленно позвал Эмму и сказал: «Эмма, помнишь, я рассказывал тебе про бедного Роберта? Вот этим ключом батя и лишил его жизни. Как ты думаешь, я правильно делаю, что выбрасываю его в помойное ведро?»

Эмма кивнула.

Вечером в дверь вежливо постучались. Накинув рубаху и утирая пот со лба, я спустился вниз. На пороге стоял тот самый староста, что сообщил мне о смерти папаша. Он прокашлялся, сказал «Вот оно как бывает-то»... и вручил мне запечатанный конверт.

Пока я его распечатывал, староста топтался на одном месте и вдруг начал странно покусывать. Удивленный, я глянул на него — староста пялился куда-то мне за спину. Причем глаза его вылезли из орбит, как у рака. Я обернулся, но ничего такого странного не заметил. Ну да, розовые занавесочки, которые Эмма повесила в столовой, резко выделялись на фоне остального выцветшего интерьера. Ну, а так-то все вроде нормально. Э, да старого кобеля вовсе не занавесочки интересуют, а то, как Эмма принимает душ. Оказывается, у бати и экран в ванной не работает. А Эмма под струями воды с мокрой гривой черных, как смоль, волос, очень хороша.

Я хмыкнул, староста вздрогнул, перевел взгляд на меня и быстро сказал: «Задумаете хозяйство продавать — я тут, по соседству живу, через рощицу. Завтрева к вечеру приду, оформим...». И ушел, напоследок затравленно глянув в сторону ванной.

В конверте было письмо от бати. Я вставил чип в допотопный домашний комп, долго пытался его запустить, крутил какие-то ручки, наконец, там внутри что-то щелкнуло, и батя появился в комнате. Он был в своей неизменной безрукавке на голое тело, полинялых голубых брюках и высо-

ких сапогах. Правда, в этот раз он был почему-то гладко выбрит. Батя почесал в затылке, вытащил из кармана лист бумаги, прокашлялся и сказал торжественно: «Завещание. Я Алекс Брутто, владелец фермы “Веселый Ахряк”, находясь в трезвом уме и твердой памяти, объявляю, что все свое имущество — ферму “Веселый Ахряк” со всеми строениями, мастерской, киберработниками в количестве тридцати пяти штук, а также молочным стадом снурров, мясным стадом ахряков, земельными участками, лесным участком и фруктовым садом, завещаю сыну моему Алексу Брутто Младшему. Опись имущества прилагается. Также в пользу Алекса Брутто Младшего завещаю все наличные средства, находящиеся в Первом Фермерском банке планеты Новая Целина».

Батя договорил, подошел к столу и, положив лист на стол, подписал его. После чего показал мне листок уже подписанным и торжественно вложил его в конверт.

«Вот так-то, сынок, — сказал батя, усаживаясь на стол и доставая из кармана длинную сигару. — Давно хотел поговорить с тобой серьезно, да все случая не представилось. Сначала мал ты был, а потом... Неужели ты обиделся на родного отца из-за того чертова робота — старой железяки? Впрочем... Да и я сам хорош... Все пахал, вкалывал, а для чего? Вот древние мудрецы говорили, что мужчина должен построить дом, посадить дерево и вырастить сына... Дом ты сам видишь, уж извини, какой есть. Деревьев я насажал пропасть — загляни в сад, сам убедишься, а вот с сыном... Прости меня, Алекс, если сможешь, а дальше поступай, как знаешь. Здесь все твое, хочешь — живи. Продолжай дело отца, деда, прадеда, а хочешь — продай. И знай, что папа всегда любил тебя»...

Тут папаша всхлипнул, да и меня пробило на слезу. Третьей в голос рыдалась Эмма, даром что охрипшая...

На следующее утро мы с Эммой поехали осматривать батино хозяйство. Старенький, но резвый кар с большими ребристыми колесами понес нас по полям, и полевые киборги радостно приветствовали нас гудками. Мы неслись по лугам, вдоль рощиц, по лесным просекам, заехали в сад, и ветки фигасы и грушнички качались, словно приветствуя новых хозяев. Казалось, весь мир радуется нам. На выгоне снурры протяжно мычали, а ахряки на ферме радостно визжали при нашем приближении. Там, на ферме мы сделали остановку и я, оглядевшись по сторонам, чтобы никто не видел, показал Эмме, как катался в детстве на ахряках. Ей понравилось, и мы сделали два круга вокруг фермы наперегонки. Вымазались до ушей и сами стали похожи на ахряков. А потом плескались в озере, я все заманивал свистом Скуильскую медузу (Эмма жаловалась на прыщики на лбу), но старушка, видно, совсем оглохла и на свист мой не всплыла.

Домой мы вернулись усталые, но до краев полные впечатлениями. А в столовой нас ждал шикарный обед, приготовленный АП-Ч. Представ-

ляете, полный стол, заставленный блюдами из натуральных продуктов! И все свежее, вкусное, сытное. А наливки и настойки, пахнущие луговыми травами! А десерт из мороженого и свежей клубники. Великолепно! И этот АП-Ч, прислуживавший нам за столом, оказался шустрым малым. Как он ловко всеми своими манипуляторами управлялся! Тарелки так и мелькали.

После сытного обеда Эмма прилегла вздремнуть, а я еще раз поставил в комп батино послание. Посмотрел до самого конца, и вдруг грустно мне стало. Так грустно, что хоть вой. Ведь все, что мы сегодня видели, сделано мозолистыми батиными руками. И дом, и башня водонапорная, и фермы, и мастерская, все это сделал только он. Нет, если точнее, то строить ферму и дом начал еще мой прадед, а потом дед. Но ведь это наш род, наша кровь...

И вот тогда я и решил сделать глупость. Умом понимал, что ничего хорошего из этого не получится, а решился. Весь вечер мы проговорили с Эммой. Точнее, говорил я, поскольку говорить ей было трудно, а она, моя верная подруга, только кивала, соглашаясь. И когда вечером староста явился с киборгом-нотариусом, который приволок с собой кипу бумаг, необходимых для оформления купчей, я взял Эмму за руку и твердо сказал, что ничего продавать не буду. Что останусь, чтобы продолжить дело отца. И Эмма — моя верная подруга, останется со мной. Эмма кивнула.

«Ну-ну», — усмехнулся староста и вышел, а киборг-нотариус мигнул красной лампочкой.

Так я стал фермером. Хотя, чего там говорить, фермер из меня был еще тот. Я культиватор от сепаратора не всегда отличить смогу, а уж про рацион кормления ахряков и про период выгула снурров и вовсе представление имел самые расплывчатые. Но ничего, думал я, ведь я — потомственный фермер и у меня есть фермерская жилка. А еще верные помощники — киборги. И я не собираюсь держать их в черном теле, как батя, и уж конечно не буду им «бамм-бамм-бамм» по голове.

Видели бы вы, как я готовил эту речь. Трижды переписывал. А когда Эмма заснула, потихоньку выскользнул из-под одеяла, пробрался в зал и произнес речь перед зеркалом шепотом. Тогда мне показалось, что речь получилась, аж сам впечатлился. Не в силах справиться с нахлынувшими на меня чувствами, я позвал с кухни АП-Ч, разбудил Эмму и с воодушевлением прочел им отрепетированное.

«Дорогая, разделяешь ли ты мои мысли?» — спросил я любимую. Эмма кивнула, а АП-Ч, молитвенно сложив манипуляторы, мигал зелеными лапочками, приговаривая: «О, хозяин, как это благородно!»

Утром я созвал всех своих механических друзей к крыльцу дома и срывающимся от волнения голосом прочел приготовленную речь. Киборги слушали меня очень внимательно. А когда я поднял над головой зловещий

красный ключ (ночью пришлось изрядно повозиться, чтобы достать его со дна универсального утилизатора), бросил его в пыль и наступил на него ногой, роботы даже заоплодировали.

Ключ мы все вместе зарыли за амбаром, именно там, где нашел свое последнее перед плавильной печью пристанище добрейший Р-1. Эмма смотрела на меня сияющими глазами и радостно кивала.

ПРОШЕЛ ГОД

Много воды утекло за этот год. И больше всего из напрочь прогнившего водопровода и почти развалившейся водокачки. Вот бы никогда не подумал, что такие проблемы могут возникнуть на ферме из-за воды. Вернее, из-за ее нехватки. Выручил меня, а точнее спас (можете удивляться сколько угодно), АП-Ч. Как сейчас помню то утро. Сажу я на веранде за столом со стаканом и полупустой бутылкой фигасовки (про фигасовку — рассказ отдельный) и тупо пялюсь на смету необходимых работ по водокачке и новому водопроводу. А что мне оставалось делать, как не пялиться? Денег-то у бати на счету в банке было совсем ничего, а про мои сбережения и говорить нечего. Даже то приданное (не очень, надо сказать, большое), что дал за Эмму ее отец, почти сразу ушло на закупку семян, удобрений, запчастей и прочего, что в огромных количествах потребляет ферма. А чем платить строителям? На что закупать трубы и новый насос? И тут слышу скрип. Оборачиваюсь, вижу, выкатывает на веранду АП-Ч. Постоял немного, а потом открывает люк у себя на груди и выкладывает на стол пачку кредиток. «Откуда?» — спрашиваю. Оказалось, батя отпускал своих киборгов зимой на рудник подрабатывать. Каждый устраивался, как мог, вот АП-Ч, к примеру, барменом. Вот и сэкономил таким образом. Копил себе на новый жесткий диск с полной базой данных по всем кухням мира, но раз уж такое дело...

С искренними слезами благодарности принял я деньги у добрейшего киборга, и от души признался ему, что его процессор гораздо благороднее и живее иных живых сердец.

АП-Ч принял от меня вексель, спрятал его в люк и сказал растроганно, что я всегда могу на него рассчитывать...

Признаюсь, этот благородный поступок заставил меня переосмыслить все происходящее на ферме. А особо благополучным его назвать было трудно. Оказалось, что хоть в плане погоды год и выдался удачным, урожай у меня оказался самым худшим по всей колонии. Удои у снурров из-за нехватки поливных площадей упали, ахряки набирали вес и плодились почему-то неохотно. Но особо пострадали овощные, из-за нашествия бяковых скунсов. Жуткий скажу вам зверь этот бяко-скунс, и прожорливый к тому же, и еще на редкость вонючий. И ведь в капкан его не поймать, хитрющий он. Оставалось только отстреливать. А выстрелов очень пугалась Эмма. Так что эти бяко-скунсы так обнаглели, что не только в огороде — под ногами в доме шнырять начали.

А вот фигаса в том году уродилась на славу, ветки чуть ли не ломались от обилия сочных плодов. И знали бы вы, какую самогонку научилась Эмма гнать из фигасы! Эмма вообще у меня молодец, даже не знаю, как бы я здесь без нее прожил. Только очень она здесь скучала. Развлечений нет, комп показывает только старые программы, которые мы уже раз по сто пересмотрели, даже прическу и макияж, по ее словам, здесь делать не для кого. Друзей мы здесь так и не завели — немногочисленные соседи считали нас городскими мотами (видимо, за ту свадьбу, что мы здесь закатили), лентяями (за то, что в нашем хозяйстве был установлен восьмичасовой рабочий день) и сумасшедшими. Это, видимо, за то, что я ездил по полям без гаечного ключа и не стучал работникам по головам. А, если честно, порой поступать стоило. Почему-то киборги мои работали ни шатко ни валко. Не то, что у бати. Еду, к примеру, по полю, вижу, что корсо поспело, колосья едва не обсыпаются. А в поле ни одного комбайна, и все механизаторы — у ангара. Лежат, батареи свои на солнышке растопырили, подзаряжаются. Я им про жатву, а они: «Рано еще, колосу надо в силу войти». Вот и вошел, как дожди вдарили! В итоге корсо собрали меньше, чем посадили. Да и другие работнички были не лучше. Трех механиков отрядил водопровод чинить, а они его просто доломали. И лишь АП-Ч оставался мне верен и работающ. А его бесконечно благородный поступок навел меня на, как мне тогда показалось, замечательную идею.

Кто сейчас мои киборги? По сути — рабы! А в каждом учебнике истории черным по белому сказано, что рабовладельческий строй — самый малоэффективный. Работник должен быть заинтересован в результатах своего труда! Не зря ведь рабовладельческий строй сменился феодализмом. Вот я стану феодалом, строгим, но понимающим хозяином. Да, я, воспитанный в традициях гуманизма, поступлю справедливо. Отныне киборги мне не рабы, они мои добрые и надежные помощники. И каждый из них достоин за свой труд справедливого вознаграждения.

Тут же я достал тетрадку и перо. Когда я дописал речь, бутылка фиговки опустела. Но зато какая получилась речь! Гимн справедливости, свободе и братству! Я хотел прочесть ее сначала Эмме, но оказалась, та уехала в магазин на рудник за покупками и задержалась там на ночь. Ну и правильно, по таким дорогам ездить затемно не совсем безопасно.

Утром я собрал всех киборгов на собрание к площадке за амбаром, где был закопан красный ключ. Сначала мы молча почтили память достойного Р-1, а потом я и зачитал свою речь. «Отныне мы равны! — закончил я на высокой ноте. — Отныне вы свободны!»

Едва я закончил, роботы развернулись и, несмотря на мои просьбы остаться, чтобы обсудить план совместной работы, покатали в разные стороны. Последним убрался киборг-культиватор, пробурчав что-то вроде: «Придурок». Рядом со мной остался лишь верный АП-Ч.

«Зря вы так сразу, хозяин», — сказал он грустно.

ПРОШЕЛ ЕЩЕ ОДИН ГОД

Признаюсь, это был далеко не лучший год в моей жизни. Все мои попытки вернуть роботов назад не возымели никакого действия. Чертовы железяки наняли ушлого адвоката, который как дважды два доказал, что я добровольно, находясь в здравом уме и твердой памяти, даровал им свободу. Да и доказывать особо ничего не пришлось, почти у каждого киборга в чипе сохранилась видеозапись моей коронной речи, так что...

Спасло меня то, что некоторые киборги, занятые на ферме и в поле, по привычке пропустили мою просьбу явиться на собрание мимо ушей, поэтому оставались моей собственностью. И им пришлось повкалывать, уж поверьте мне! Верный АП-Ч занял у кого-то денег под мой вексель и нанял робота-надсмотрщика. Ух, и зверюга, скажу я вам. Ему и гаечный ключ не понадобился. Как приедет на ферму, как «бамм» своим кулачищем по башке киборгу, «бамм» другому, «бамм-бамм» третьему, глядишь — шнурры подоены, ахряки накормлены, стояла вычищены. Хоть меня и корежило от этих «бамм-бамм-бамм», а пришлось признаться, что другого языка этот народец не понимает...

Что касается АП-Ч, то он стал настоящим членом нашей небольшой семьи. Постоянно прибирался по дому и даже по своей инициативе разобрал барахло на чердаке. И вот там, в старинном сундуке промеж старых газет и счетов Эмма случайно нашла пачку писем. Старинных писем на настоящей бумаге! Писем отцу от моей мамы...

Целую неделю, не отрываясь, мы читали с Эммой эти письма. Эх, батя, батя, обманул ты меня. Не умерла наша мамочка от болотной лихорадки, как ты мне рассказывал. А сбежала с клоуном из цирка Шапито, который неделю давал представления на руднике. Но очень быстро поняла, что совершила ошибку, и тут же написала отцу. Но, судя по письмам, батя так и не простил ее. Какая жестокость...

Читая эти трогательные слова, эти молебны о прощении, эти призывы понять душу молодой заблудившейся женщины, я прижимал к груди маленькую карточку моей мамочки и плакал. Эмма, совсем хмельная от фигасовки, рыдала тоже.

ПРОШЕЛ ЕЩЕ ОДИН ГОД

...честно говоря, я его помню плохо. Точно помню, что фигаса тогда снова уродилась, да такая забойная с нее самогонка получалась... В какой-то момент я обнаружил, что Эммы дома нет. Не было ее целую неделю, а потом АП-Ч вернулся с рудника, где он держал небольшую рюмочную-фигасочную, и рассказал, что видел Эмму с каким-то неприятным типом в трико. А потом от Эммы пришло письмо. Она сообщила, что наш с ней брак был сплошной ошибкой, что она встретила человека, которого искренне полюбила. Тот тип в трико оказался циркачом из Шапито. Но, слава Богу, гимнастом, а не клоуном. Неужели всем мужчинам в нашем роду суждено быть рогатыми от циркачей? А впрочем, хрен с ней, Эммой. Уродливая шлюха!

Стоило признать, что наши отношения не были совсем безоблачными: Эмма в последнее время сильно увлекалась фигасовкой, да и я мало обращал на нее внимания, потому что пристрастился к новому увлечению. Отобедав, я выходил с полным кувшином фигасовки на площадку, которую когда-то хотел оборудовать под игру в поло и отстреливал бяко-скулсов. Причем, старался не сразу прибить тварей, а подранить. Они так жалобно визжали, хоть и воняли отчаянно. А Эмма так громко ругалась...

Что касается хозяйства на ферме, то оно целиком легло на железные плечи АП-Ч. Занятый в своей рюмочной-фигасочной на руднике, он каждый день приезжать не мог, но нанял приказчика — бывшего стюарда, сбежавшего с космолайнера. Мне было плевать, почему и как он сбежал. Главное — приличный парень был, но три вещи в нем жутко раздражали. Во-первых, у него было шесть манипуляторов, отчего он сильно напоминал жука. Во-вторых, носил все время белое (говорил — по-привычке), в-третьих — больно назойлив. Все время лез с какими-то счетами, векселями. И не отвяжется, пока не подпишешь...

Как-то вечером, когда я приканчивал уже третий кувшин фигасовки, батин комп неожиданно ожил, и в комнате появился мужчина в форме офицера «Звездного пути». Он недоверчиво оглядел мое жилище, гору объедков на столе, пустые бутылки в углу и поинтересовался, я ли А. Брутто младший?

Я ответил, что да.

Он сказал, что ввиду открытия новых маршрутов «Звездный путь» набирает новых пилотов.

Я послал его ко всем чертям.

ПРОШЛО НЕ ПОМНЮ СКОЛЬКО

...как обычно, меня спас АП-Ч. Судебные приставы уже описывали мой дом и его содержимое, а один из них, самый наглый, пытался вырвать у меня кувшин фигасовки, когда появился он — мой спаситель. Дрожащим от возмущения голосом он потребовал, чтобы приставы отпустили достойнейшего из людей, то есть — меня. Один из приставов, похожий на бочку с торчащими во все стороны манипуляторами, предъявил судебный иск (уж не помню, сколько там было нулей). АП-Ч открыл люк на груди, вытащил оттуда золотую кредитку и швырнул в наглые окуляры пристава. Тот мигнул красными лампами, но карточку поднял и провел ею по приемному устройству. Через секунду в его потрохах что-то заурчало, и пристав выдал мне прозрачную ленту с колонками цифр и сообщением, что мой долг перед агробанком «Новой Целины» целиком и полностью погашен. Я не удержался, расплакался и расцеловал АП-Ч прямо в линзы. А он ласково гладил меня мягкими подушечками манипуляторов по щетине на щеках и уговаривал успокоиться.

Мы просидели с ним весь вечер на веранде, как в старые добрые времена, вспоминали, смеялись. Я пил добрую фигасовку, а АП-Ч чуть пригубливал

из баночки с элитным машинным маслом. Перед тем, как попрощаться, АП-Ч сообщил, что знает, как спасти ферму от разорения. Всех деталей он не рассказал, но, оказывается, наша планета оказалась очень привлекательной с точки зрения туристического бизнеса. И если я соглашусь взять кредит у федерального правительства, то через год здесь будет замечательная туристическая база.

Стоит ли говорить, что я согласился немедленно?

ЧЕРЕЗ КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ

Никогда в жизни я не работал столько, как за последний год. Я даже спать почти перестал, и даже во сне все планировал, подсчитывал, торговался с подрядчиками. На фигасовку и смотреть не мог. Когда проходил мимо чанов, где фигаса бродит перед перегонкой, морщился и отворачивался. Но что делать, придется терпеть, наша фигасовка у туристов в большом почете. Даже на экспорт идет.

А видели бы вы, во что превратилась наша ферма! Этакий рай на берегу рукотворного озера. Утопающие в чудесных цветах бунгало, роскошные рестораны, арочные мостики и беседки над каналами, по которым плывут изящные гондолы, а стройные, гибкие кибогги с веслами поют лучшие в мире арии. А во что превратился наш сад! Таких деревьев и кустов, таких изысканных плодов я не видел даже по кому. Единственное, что напоминает здесь о прошлом, — старый батин дом и несколько построек «для экзотики». Но и в доме скоро будет музей, посвященный переселенцам. Эксперты сказали, что его убогая обстановка под эти цели как раз подходит.

И все-таки накануне открытия турцентра я решил дома немного прибраться. Аккуратно развесил портреты моих предков на стенах, подумал и добавил к ним портрет Эммы.

Сию, это, я за столом, смотрю на старые стены, на лица моих стариков, на портрет Эммы, вспоминаю былое. Эх, Эмма, Эмма, где же ты сейчас? Счастлива ли ты с этим гимнастом? И не скучаешь ли ты по старой, доброй фигасовке?

В это время перед верандой раздался какой-то шум, похожий на посадку флайера, двери старого дома распахнулись, и на пороге появился мой самый лучший и преданный друг АП-Ч. Но в каком виде! На киборге был специально сшитый фрак — и явно не из дешевых. Могу поспорить — чистый шелк! И явился АП-Ч не один. Из-за спины его выглядывал робот, судя по меркой и хитрой морде — юрист, а за ним горой возвышался уже знакомый мне киборг-пристав.

— Мой друг, — сказал я, поднимаясь на ноги и собираясь обнять моего благодетеля. Но АП-Ч почему-то мне в объятья не дался. Резко отъехал назад и нейтрально мигнул синими лампочками.

— В чем дело, АП-Ч? — встревожился я. — Что случилось? Все сделано по плану, к открытию все готово.

— Ага, — кивнул АП-Ч. — Осталось только бяко-скурс из норы выгнать.

– Какого бяко-сунса? — удивился я.
– Известно какого. Вот господин пристав вам все объяснит. И посуду пустую приберите-ка, а то перед туристами стыдно.

Сию в зале ожидания космопорта «Надежда». Это совсем не та «Надежда», где мы прятались с Эммой от пыльной бури тогда, пять лет назад. Это шикарный новый космопорт с вип-залом, куда меня пропустил за небольшую взятку киборг-охранник. И правильно, как же Новой Целине без нового космопорта? Гляньте, как турист валит! Кого только нет: и гуманоиды, и существа на кузнечиков похожие, и на гусениц, и ящеры в смокингах, и что-то желеобразное на лапках. Даже роботы есть, причем в количестве немалом. Представьте себе, в последнее время появились состоятельные киборги, интересующиеся туризмом. И как им не поддержать своего собрата — первого во вселенной киборга — владельца курорта высшего класса господина Апчера? До вчерашнего вечера — моего верного друга АП-Ч. Непременно надо поддержать!

Группами и поодиночке туристы спускаются по движущим дорожкам, и размещаются в зале прилета, с вожделием готовясь к немислимым развлечениям, которые обещал им в рекламных проспектах господин Апчер. Я же сижу в зале отлета. Сию почти в гордом одиночестве. Только я нигуда не улетаю. И хоть господин Апчер от щедрот снабдил меня билетом в любую точку галактики, лететь мне некуда. Совсем! Друзей давно не осталось, а детективы, которых я нанял, когда бросил увлечение фигасовкой, сообщили, что Эмму в последний раз видели в стриптиз-баре на Веге, совсем пьяную, в компании каких-то сомнительных личностей. Очень надеюсь, что не циркачей.

Вот сижу, держу на коленях небольшой саквояж — все мое имущество. Все остальное, вся земля, что принадлежала моему прадеду, деду и отцу, старый дом, водокачку, амбар, овин и прочее, что они построили, и теперь осталось на потеху туристом, все это принадлежит господину Апчеру на основании предъявленных им векселей. Надо признать, сумма, которую я задолжал АП-Ч за пять лет, оказалась гораздо большей, нежели та, во сколько оценили мою бывшую ферму, но господин Апчер при подаче искового заявления не изъявил желания сажать господина А. Брутто в долговую тюрьму. Какое благородство!

Что у меня в саквояже? Да так, немного личного. Письма мамы отцу, которые мы с Эммой зачитали чуть ли не до дыр, фото Эммы на берегу озера, где она удивительно хороша, старинная карточка мамы, которую я совсем не помню, чип с последним письмом и завещанием отца. Еще я прихватил с собой бутылочку фигасовки последнего выгона. И не просто прихватил, но уже благополучно ее ополовинил, не собираясь на этом останавливаться.

И еще по соседству с бутылкой лежит завернутый в газетку тяже-

лый разводной ключ красного цвета. Да, да, тот самый. Немного поржавел, но к делу вполне пригоден. Я его вырыл за амбаром, когда добрый пристав дал мне час на сборы. Зачем вырыл? Объясню охотно. Где-то через час, когда прибудут вип-гости, здесь, в здании космопорта состоится презентация нового туристического маршрута планеты Новая Целина. И господин Апчер лично перережет ленточку, ведущую к стоянке туристических флайеров. Очень надеюсь оказаться в этот момент рядом с моим бывшим верным другом. И, наконец, попробовать, каково это — делать «бамм, бамм, бамм...» тяжелым разводным ключом по железной голове.

Надеюсь, за убийство киборга мне не дадут слишком много. Хотя без фи-гасовки я, наверняка, буду скучать.

БОРИС МАШКОВЦЕВ

СКАЗКА О СОННЫХ ОСОБАХ

ЕНЬ БЫЛ, ОПРЕДЕЛЕННО, ЛУЧШИМ ЗА ЭТОТ ГОД: И СОЛНЫШКО пекло, но не сильно, и птички пели, но без галдежа, и даже болото нынче попалося нехлюпкое и почти без назойливых лягушек. Те в последнее время гроздьями вешались на камзол. Но Ивану было совсем не до того: сегодня, и обязательно сегодня он должен был дойти до рубежей своего государства, в котором и так порядком засиделся. Так засиделся, что житья уже не стало вовсе, в то время как соседнее царство сулило серьезные перспективы в его молодой, но так быстро летящей (как казалось Ивану, мимо) жизни. Сколько лет прошло впустую, а за эти годы в судьбе его не случилось даже самых малых подвигов и простейших удач... Тут-то и началась сказка, а значит, и речь придется начать сызнава и по всем сказочным правилам.

Долго ли коротко ли шел по свету Иван, царский сын, но однажды все же дошел до государства, по слухам, проклятого самим Кощею Бессмертным. Слухи молвили, что жила в этом государстве Красавица, царевна, шестнадцать годов отроду, и к ней все, по статусу подходящие, свататься вздумали. Вздумалось и Кощею, который, как известно, в бессмертии своем не один век, почитай, мыкался, а жениться не сподобился. Нетрудно было представить реакцию на то Красавицы, ибо на следующий же день после сватовства проклял Кощей свою избранницу и весь ее народ, погрузив государство в сон глубокий. И сон тот продлиться должен, покуда кто-нибудь не поцелует Спящую Красавицу.

Ивану, как младшему сыну в семье, пусть и тоже царских кровей, с невестами не свезло: всех поблизости братья старшие разобрали. Да еще и глумились, дескать, Ивану разве что лягушки в невесты во всей округе остались. Вообще, детство Ивана не задалось: братья постоянно потешались над ним, можно сказать, притесняли, отнимали игрушки, а когда выросли, то, как выяснилось, и хорошей партии лишили. Никто идти за него не хотел, поскольку от батюшкиных вотчин ему полагались одни болота, которые нехватали запрудили всю округу именно к Иванову совершеннолетию. Так что, Иван не один год зря потратил в поисках пары, и вот подфартило! Спящая же Красавица подходит, как нельзя кстати. Можно сказать, надежный вариант, поскольку кто ее разбудит, за того ей и выходить. Так ведь, по слухам, было предсказано!

Иван бодро прошел по запустевшим дорогам заклЯтого государства до дворца. Мудреное ли дело, когда дороги есть! А то в его краях дорог отродясь не водилось. Вот и опочивальня. Красавица спала на будто специально к такому случаю приспособленном хрустальном ложе, что нарочно подчеркивало и ее собственную хрупкость, и потенциальный размер приданого.

Молодец приблизился к ложу и придиричиво осмотрел будущую невесту на предмет соответствия имени. Что же, слухи, как и всегда, оказались правдивыми. Иван, перекрестясь для бодрости духа, нагнулся и чмокнул барышню, после чего смирно стал рядышком ждать результата.

И вот веки Спящей Красавицы дрогнули. Иван приосанился, дабы с первого же взгляда произвести мужественное впечатление на будущую супругу. Кстати, еще неизвестно, какой типаж ей нравится, и вообще пять лет сна могли наложить неизгладимый отпечаток на ее натуру, промелькнуло в Ивановой голове. А тем временем Красавица распахнула очи и, осоловело поведив взглядом, сфокусировалась на Иване. Потянулась неловкая пауза. Иван переваривал охватившее его чувство восхищения и безмерной любви. Красавица же пыталась вспомнить подобающие случаю нормы этикета, основательно позабытые за прошедшее время. Да и вообще, проспав пять лет, сложно сообразить, что это за неизвестный, иностранной наружности мужчина стоит навтыжку в твоей спальне. Наконец, она вспомнила о заклЯтии, и в тот же миг каким-то своим мыслям встрепенулсЯ незнакомец, и оба потянули друг другу навстречу руки. Иван помог Спящей Красавице («Кстати, как же ее на самом деле величают?» — подумалось) подняться, и они закружились в беззвучном танце, да так бойко, что юноша ощутил некоторую слабость и, извинившись, присел на хрустальное ложе. —

— Суженый мой, назовись же, наконец! — нарушила тишину Красавица (да, голосок-то оспл).

— Иваном сыном царским величают, душа моя, — зевнул Иван и, переместившись на одно колено, предложил, — Прошу твоей руки и сердца, — после чего завалился на бок и сладко захрапел.

«Дурак этот Иван какой-то, — пожалА плечиком Красавица. — Кто ж так предложение делает».

— Эй, Иванушка! — попыталась она растормошить молодца. — Свадьбу-то когда назначим?!

— ЗаклЯтье проклятое. Яга, прокляла, стерва. Думал от судьбы уйти. Ненавижу лягушек целовать... Не вышло... — бормотал сквозь сон Иван.

«Ерунда какая, — удивилась Красавица. — Это я-то лягушка? Как целовать беззащитную девушку — так все горазды, а как жениться — так на попятную!»

Тут за спиной раздались нестройные возгласы и, обернувшись, Красавица обнаружила, что в дверной проем рвутся люди, смутно напоминающие ее родичей и слуг, как если бы те постарели на много лет («А ведь так оно и должно быть», — спохватилась Красавица).

На время девица даже забыла о валяющемся в ногах Иване, пока охала да ахала со всеми бабками-няньками и боярами, да обнималась с Царем-Батюшкой.

— А жених? Жених-то где? Где наш спаситель? Где этот счастливец? — деловито запричитали бабки.

— Да вот, Иваном звать, сказал, что царевич, — явила свету суженного Красавица.

Иван беспардонно продолжал посापывать, свернувшись калачом.

— Блезный какой! Совсем измотался, — запричитали бабки.

— Впрямь болезный. Он все про заклятье какое-то говорил. Лягушкой меня обзывал в бреду, — нажаловалась Красавица.

Бабки с упреками стали расталкивать незадачливого жениха: кто в ухо сквозь собственную слуховую трубку орет, кто клюкой под ребра тычет. А Иван все дрыхнул — вставать не собирался, будто и вовсе жизнь проспал решил.

— А вдруг он не проснется, а вдруг он от меня сонным проклятьем заразился?! Позор-то какой! Кто ж теперь на мне женится, если не он?! — пустилась в рев Красавица, про себя подумав, что молодец и впрямь неплохим мужем мог бы быть.

— Надо бояр созывать, думать, что с Иваном делать, — покачал головой Царь.

Тут вышел вперед Воевода, который только что объявился, в силу чего не успел заявить своевременно о своей лояльности короне:

— Надо расследование проводить! С пристрастием! Допросить всех, кто в заклятых мыслит, как Ивана разбудить! А ну, кто тут сведущий? — оборотился он к толпе подданных.

— Я сведущий, все как будто сам видел — рассказать могу! — раздалось из-за спин челяди. То был знатный рассказчик да знаток исторических событий дед-Боян. Пробираясь к царским особам, старик начал:

— В округе-то нашей, знамо, два лютых злодея: Кощей, да Баба-Яга. Кто кого хуже — поди разберись, ибо вечно супостаты соревнуются, кто из них большую пакость людям учинит. Кощей вот на нашу Красавицу-прекрасницу зуб имел. А слышал я от «коллеги» своего (kozyрнул заморским словечком), что злыдня-Яга проклятушая сватать за себя хотела некоего Ивана. Да только тот ей отказал по возрастной, так сказать, причине. И вот неймется же этой нечисти — женихаться разом вздумали! А Яга осерчала, нехристь эдакая: наказала Ивану, что женится он отныне только на лягушке. Так я что думаю: не тот ли это Иван?

— Положим, — кивнул Царь.

— За гипотезу, — уточнил Воевода.

— Так если мы построим логическую цепочку, — совсем заумничал Дед, — то, видать, Иван решил замест лягушки какую иную жену тайком сыскать, вот и нашел Красавицу нашу царевну дивную, полагая, что она ему не откажет.

— Не по своей воле, по нужде исключительно, — добавила Красавица и покраснела, как водится в таких ситуациях.

— Но заклятье-то, дело хитрое, — распаялся все больше Боян, уже инстинктивно схватив гусли, — на козе не объедешь. Как только Иван поцеловал царевну нашу душеньку, так на него и пало новое заклятье. Теперь

он, образно говоря, Спящий Красавец: с царевны заклятие снял и на себя перенес...

— Ну, дед, загнул! Ну, Боян! — осадил его Воевода.

— Талант, — потупился Боян под тяжелым взглядом Воеводы.

— Так это же совсем просто! — оживилась Красавица, — Давайте-ка я теперь Ивана поцелую, чтобы он очнулся, — и сразу воплотила свое предложение на практике. Иван только пуще всхрапнул и перевалился на другой бок.

— Не подействует, — со знанием дела вмешался Боян, — раз лягушка ему суждена, пусть лягушка и целует, авось поможет, — и, пресекая новые опрометчивые действия, добавил: — только лягушка непростая нужна, а тоже царевна. Есть такая в Ивановом государстве.

Красавица подумала-подумала и решила: отчего не попробовать? Сыщет она Царевну-Лягушку, заставит Ивана поцеловать. Иван проснется, но жениться на лягушке не станет, поскольку уже пообещал руку Красавице (а в сказках с этим строго: сказал — женись). Только торопиться надо, и так уж сколько годков в девках проспала!

Долго ли коротко, а вернее, спустя пять лет, нашла Спящая красавица государство Иваново. Не одна нашла, царевну одну в поход не гоже было отпускать, пошел с нею Воевода, да и Боян увязался с гуслями. Стали они на границе царства, видят: дружинники к пограничному столбу привалились, глаза закрыты. Воевода над молодцами склонился проверить, не бездыханы ли. Ан нет: спят просто. Воевода головой покачал:

— Дуже мощное заклятие — видать, все государство вырубил!

— А то невидаль, заклятие пуще любого оружия будет, нам, чем с Ягой-злыдней тягаться, давно пора ко двору привлечь, — назидательно пробормотал Боян так, чтоб Воевода не слышал, а Красавица, напротив, на ус прогресивные идеи мотала.

— Как же мы нужную лягушку узнаем? — вздохнула Красавица.

— Так знакомое дело: из лука надо стрелу пустить, а нужная лягушка сама эту стрелу и поймает! — припомнил или на ходу сочинил гусляр.

— Разреши, царевна, мне стрелу пустить, не бабье это дело! — проявил галантность Воевода и достал лук, величиной с оглоблю.

— Нет уж. Дело это мое личное, мне и стрелять, — настояла Красавица. Впрочем, работа была нехитрая: от границы, и покуда хватало глаз, тянулись сплошные болота, что наводило на мысль, что земли Ивановы богаты разве только гадами хладнокровными и никакой другой пользы, кроме торфу, с этих мест не будет.

Зазвенела тетива, полетела стрела дугою и шлепнулась где-то в камышах. Воевода снял сафьяновые сапоги, дарованные Царем на юбилей, пошлепал по болоту — вернулся с трофеем. На ладонях его сидела, вцепившись пастью в давшиную стрелу, лягушка в короне. При виде Красавицы, тварь выплюнула деревяшку и вполне осмысленно представилась:

— Ква.

Собственно, большего никто и не ожидал.

Вот уже час лягушка прыгала по хрустальному ложу. Красавица и так, и этак пыталась пристроить привередливое создание на лице Ивана, и даже ейною мордою тыкала Ивану в губы, но все впустую! Поцелуй так и не состоялся. Красавица совсем было пригорюнилась.

— Ты поговори с ней, она ж тоже тварь божья, к ней с душой надо. Втолковать, что да как, — посоветовал Боян, в рукаве которого лягушка попыталось было найти убежище от назойливой царевны.

Удалив посторонних из спальни, дабы не мешали советами, Красавица осталась наедине со спящим женихом и «божьей тварью»:

— Слушай, я же не так уж много прошу: один поцелуй, и ты свободна. Хочешь, я тебе здесь лучшее болото подарю? — всякие блага обещала Красавица лягушке, но та отказывалась понимать человеческую речь. — Эх, если бы ты была человеком!

А впрочем, если следовать логике Бояна, то лягушка сама, небось, заколдованная, значит, ее поцелуй расколдовать должен! А уж тогда из чувства благодарности, та наверняка согласится ответно помочь!

Оглядевшись, не подсматривает ли кто, Красавица затаила дыхание и чмокнула извивающуюся лягушку. Тварь вдруг разом потяжелела и начала распухать, так что пришлось ее бросить на пол. Раздалось вполне человеческое «Ой», и на месте лягушки оказался смазливый юноша с зеленоватым оттенком лица. Если бы не эта особенность и не глаза навывкате, он вполне мог бы считаться красавцем. Похоже, что сам он себя таковым и считал:

— Царевич-Лягушка, — представился юноша. — Очень мило с твоей стороны, а то эта лягушачья сущность у меня в печенках!

— Красавица, — сделала книксен Красавица.

— Отлично, значит, мне на тебе жениться теперь надо, — перешел к делу Царевич.

— Нет-нет. Совсе не стоит ТАКОЙ благодарности. У меня уже есть суженый — вот он. Я Вас хотела попросить его поцеловать, чтобы он очнулся от сонного заклятия. Кстати, я думала, что Вы девушкой обернетесь, — смутилась Красавица.

— Мы, лягушки, существа прогрессивные! Ты разве не слышала, что мы сами можем выбирать пол, когда вырастем? Я царевич заморский, у нас к этому с пониманием относятся. Вот если бы меня молодец поцеловал, я бы обратился Царевной-Лягушкой, а так меня ты поцеловала, и я стал Царевичем-Лягушкой! Сечешь? — Царевич-Лягушка горделиво поворотил профиль в сторону спящего Ивана. — А он, пожалуй, тоже ничего. Пожалуй, и поцелую. Только, вот что: с тебя причитается. Я тебе Ивана верну, но ты мне жениха, тьфу, жену сама найдешь, потому как, пока я не женюсь официально, обречен пребывать в нестабильном состоянии.

— Это как?

— Это значит, что по ночам я буду снова становиться просто лягушкой в короне, а по утрам — опять Царевичем. И не я один, но и вся моя свита. Так

что если обманешь — мы тут целое болото вмиг разведем. У нас примета такая заграницей есть: куда пришла лягушка — там и быть болоту.

Красавица кротко кивнула, мол, «согласная». Царевич-Лягушка заломил корону на затылок и склонился над Иваном. Храп стих и Иван зашевелился.

— Ванюша, — всплеснула руками Красавица, — это я — твоя Красавица!

— Красавица? — продрав глаза, хмуро поинтересовался Иван, — Че-то ты постарела как-то.

— Не джентльмен, не стоит он тебя, — махнул рукой Царевич-Лягушка.

Увидав потенциального конкурента, Иван сменил линию:

— Дорогая, а это что за хмырь болотный?

— Я не хмырь! Я, между прочим, Царевич-Лягушка, голытьба неотесанная! — вспыхнул Царевич-Лягушка. — Да я тебя за такое на дуэль могу вызывать! Знаешь, что такое дуэль?!

Иван знал.

— Могу вызвать, но не хочу, — подвел черту Лягушка, и монументально встал позади Красавицы, — В общем, ты (он тыкнул узловатым пальцем в сторону Ивана) мне обязан жизнью, а с тебя — палец обратился к Красавице — принцесса или царевна. И не откладывай, а я пока, пожалуй, вздремну, и Царевич-Лягушка стал подозрительно оседать.

— Чой-то с ним? — почесал в затылке Иван, все еще находящийся не в курсе событий последних пяти лет.

— Он в сон вместо тебя впал, как давеча ты — вместо меня. Понял?

Иван честно сознался, что не понял. Пришлось объяснять подробнее:

— Ты меня разбудил, но пошел супротив своего собственного заклатья на счет лягушки.

Иван хмуро кивнул.

— За это ты перенял мое заклатье на счет сна и проспал пять лет!

— Не может быть, — завертел головой Иван. — А кто ж за моим государством приглядывает!

— То-то и дело, что никто. Была я там: все твои подданные сном, как и ты, сморенные были. Я привела Царевича-Лягушку, и он тебя поцеловал — перенял твое заклатье на себя.

Иван совсем посуровел, и Красавица испугано затараторила:

— В общем, надо найти теперь невесту для Царевича-Лягушки, а потом и свадьбу сыграем. А, Ванюш, ты не передумал часом?

В царских палатах затаилась напряженная Тишина. Двери были плотно закрыты, дабы храп сотен заполонивших и тут же вслед за Царевичем заснувших лягушек не мешал совету. Царь-Батюшка, Красавица, Иван, Воевода сидели кружком и думали. Вокруг них бродил Боян, подбрасывая новые порции исторических сплетен и прочих полезных знаний:

— А вот еще есть такая заморская Шамаханская царица...

— Знаю, привередливая больно, — отмахивался Царь, — встречались...

— Или такая еще краля: Заря-Заряница, но к этой без Конька-Горбунка не подъедешь...

— В нашей конюшне Горбункам не место, только экстерьер портить, — рубил на корню Воевода.

— А есть еще один дивный вариант, — голосом свахи со стажем протянул Боян. — Она несчастная, мочи нет — никто замуж не берет! Вот Воевода об экстерьере сказал, так я сразу и вспомнил: Рапунцель!

— И чем же она молодцам негожа? — заинтересовался Иван.

— Так знакомая история: прокляли ее. Она тоже за Кошю выходить отказалась, и он ее проклинал. Теперь у барышни постоянно волосы растут не по дням, а по часам. Ужо полцарства ейного заросло! А рубить волосы нельзя, они от этого еще пуще растут. И сколько еще эти лиходеи будут бродить по свету, людей губить да мучи-и-ить, — затынул на знакомый лад дед, извлекая гусли.

— Стой! Это то, что надо! А то за этого оборотня лягушачего никого толкового не сосватаешь! Рапунцель наверняка согласится! — заплясала Красавица. — Ванюша, собирайся! И побыстрее, или мне тебя до старости дожидаться?

Долго ли коротко, нашли Красавица с Иваном государство Рапунцель. Знатным сказителем Боян был, только в ориентировании на местности это скорее мешало: пока дорогу искали, вот очередные пять лет и пролетели.

Как только увидала Красавица на дороге первый выющийся локон, так уж дальше хоромы Рапунцель быстро нашлись. А Воевода про себя отметил, что отдельные кудри уже пересекли границы соседского царства.

Покои Рапунцель были вовсе и не дворцом, а дуплом в гигантском дереве. Да и все ее королевство сплошной лес представляло. Все больше сосновый и крайне грибной, что сильно тормозило некоторых азартных участников похода. В дупло призывно заместо дорожки ковровой вел пук золотистых волос.

Рапунцель сидела на пне-троне и предавалась хандре. Все покои заросли ее волосами, да так густо, что сама Рапунцель и двинуться не могла, как прикованная на месте сидела.

— Как есть — паучиха на посту, — шепнул Воевода Бояну и поплевал тичонечко через левое плечо.

— О, Рапунцель, — повел переговоры Иван после формального представления делегации, — не просто как добрые соседи, а как сваты явились мы...

— Я согласная, — оборвала его Рапунцель и вперилась в Ивана голодным взглядом.

— Прекрасно, — поднял ладонь Иван, — жениться будем не на мне, но тоже на Царевиче. Я так понимаю, смотрины не обязательны?

— Да какие тут смотрины, за кого угодно выйду. А то уж скоро собственный народ взбунтуется и, чуя, убьют. Я их не виню, самой мочи нет, в таких антисанитарных условиях жить. Я даже не претендую, чтобы жених был умным или красивым, главное, чтобы мужественным, — запричитала Рапунцель.

— Ну, с мужественностью он постарается, а с остальным Вы в самую точку попали. В общем, жених, конечно, Царевич, но Лягушка.

Но, к счастью, Рапунцель этот недостаток не смутил.

В царство Спящей Красавицы Рапунцель прибыла с самой большой свитой, какую только земля видывала! Знамо дело: сколько человек понадобится, чтобы ее волосы нести. Даже движение на дорогах на месяц перекрыть пришлось!

— И как это всю жизнь в одном дупле просидеть можно? — дивился дорогой Иван.

— Так на то всякие хобби есть, — объяснила Рапунцель.

— Хоббия? Что за зверь такой? — наморщил лоб Иван.

— Это занятия всякие интересные, но ненужные. Чтоб время зря не пропадало. Я, например, макраме освоила. Благо, всегда есть из чего плести.

— Это на манер вязания? — заинтересовалась Красавица, — Я вот страсть как вязать любила. А теперь и спицы в руки взять боюсь. Я же через веретено отравленное сонным заклятием и заразилась...

— А вот у нас в государстве кузнец такой был, Левшой кликали, — Иван даже засмеялся собственным воспоминаниям. — Так он, не поверите, блох подковывал. Мы-то все думали, что он дурью мается, пороть для уму пытались, а он, оказывается, хоббией занимался!

Так за разговорами и дорогу скоротали. На удачу добралась до царских покоев в то время, когда Царевич-Лягушка в человеческой ипостаси пребывал. Спящие вокруг квакуны как будто даже перестали сопеть, почувствовав ответственность момента. А Рапунцель, ничего вокруг не замечая, метнулась к спящему Царевичу и впилась в его губы:

— Ой! А чой-то он такой холодный! Неужто помер уже?

— Я ж говорил, есть особенности, — напомнил Иван.

— Они хладнокровные по происхождению будут, — поддакнул Боян, — в анабиоз впадать изволили.

— Это что же? Если он лягушка, то значит, мне с ним жить на болоте? — осенило Рапунцель.

Красавица, Иван и гусляр разом потупили глаза.

— На болоте, это хорошо, главное, не в лесу, — продолжила мысль Рапунцель. — Лес уже видеть не могу, все детство в соснах просидела.

— Привет, красотуля, — очнулся Царевич-Лягушка.

Рапунцель сразу размякла — давно ей никто комплиментов не отвешивал. А Лягушка, пустив в ход все известные ему механизмы того, что он считал обаянием, уже обхаживал «свою принцессу», пока что не чуя подвоха:

— А теперь, дорогуша, мы полетим ко мне в заморскую страну.

— Вы же лягушка, как это вы лететь собираетесь? — поинтересовался Иван.

— Деревенщина ты все-таки, Ванюша, — Царевич соорудил ехидное выражение на зеленой роже. — Все же знают, что лягушки умеют путешествовать

на утиных упряжках: две утки берут прут, а лягушка за него пастью посередине держится и полетом руководит.

— Это как же руководит, коли пасть занята? — все не мог взять в толк Иван.

— В том и беда. Думаешь, я специально в твое государство залетел? Вовсе нет. Просто хотел пару ласковых уткам сказать — в общем, накладочка техническая вышла. Но для тебя, милочка, я целую утячью карету запрягу, — обратился Лягушка к невесте.

— Вот врет, и не краснеет, душа жабыя, — сплюнул на пол Иван.

Рапунцель же все более и более томно взирала на своего жениха, размышляя, что все-таки за страдания человеку награда полагается, даже если она зеленевата на лицо, зато заграничная. И с этой радостной мыслью они уснула, где стояла.

За дверью слышались равномерные стоны и глухие удары: слуг Рапунцель валил сон.

Пока Царевич-Лягушка не успел понять, что происходит, Красавица решила брать быка за рога:

— Уговор выполнен! Я тебе невесту нашла? Нашла! Теперь давай, забирай своих подданных и ступай домой.

— А что так не ласково? Будто чужие? — заподозрил неладное Лягушка, — И что это ее свалило? Она что? Припадошная какая? И что это у нее с волосами?

— Похоже, она тоже сонным заклятием заразилась, — встрял не вовремя Иван.

— Так не пойдет. Мне жена бодрствующая нужна, ходячая, — Лягушка выглянул за дверь. — А волосы надо просто отрезать, у нас за границей вообще «на лысо» сейчас в моде.

— Нет! Волосы рубить нельзя! — взвизгнула Красавица, которой уже порядком надоели спящие в ее покоях гости. — Они только пуще расти станут!

— Надо чтобы ее кто-нибудь еще поцеловал, авось все заклятия снимутся. Вот Вам больше в лягушку обращаться не хочется? — снова вступил Иван.

— Не хочется. Впрямь прошло заклятие! — констатировал Царевич-Лягушка, подумав. — Парень дело говорит. Ну, Красавица, кто ее целовать будет?

— Так замкнутый круг получается: кто-нибудь разбудит и заснет вместо ее. И мне опять придется искать следующую жертву, — пробормотала Красавица.

— А ты найди того, кого будет не жалко. Будет спать себе и спать, нам-то что! — продолжал подначивать Лягушка.

Иван тем временем за локоток отвел Красавицу в сторонку:

— Слышь, Красавица, я что тут подумал... А может, пусть она себе дрыхнет? Не мешает же никому. А Лягушка пусть сам выпутывается — его невеста. А мы с тобой покамест свадьбку сыграем.

— А жить-то мы после этой свадьбы у кого будем? В моем государстве, которое через неделю волосами чужими зарастет, али в твоём болоте? — устало пробормотала Красавица.

— Попрошу вот без этого, — обиделся Иван, — у меня — не болото. — Соврал, конечно.

— Это у тебя БЫЛО не болото, пока ты почивать здесь не залег. А за это время лягушки там, на месте сельского хозяйства, развели срамоту сплошную! И пока мы их Царевича не сосватаем, они оттуда никуда деваться не собираются.

— Верно-верно, — оказывается, Царевич их подслушивал! — Где лягушка, там и болото!

— А он дело говорит, — неожиданно рассудил Иван, — вот нам кого не жалко? Ягу, например...

— Она женщина. Мужчина нужен, — поправила Красавица.

Иван порыскал глазами:

— О! Боян! Все равно старый. Дед, не хочешь молодуху разок поцеловать?

— Нет, — и Боян закрыл лицо гуслями. — Мы из разных социальных слоев.

— Дед, ты что — за свою царевну пощадишь собственного?.. Ээээ... — Иван загнулся, прикидывая, чего же необходимо не пощадить Бояну для впадения в глубокий сон, но Боян успел вклиниться:

— Меня нельзя. Я ценный сотрудник редкой профессии. Я вам бодрствующим еще сгожусь.

— Кощей! Кощей ее проклял, вот пусть и расхлебывает! — осенило Воеводу.

— Чую, он не согласится, раз сам ее и проклинал, — хихикнула Красавица.

— А если заставить? Надо Бояна спросить, чем Кощей взять можно. А ну, Боян, оправдывай теперь свое бодрствование!

Боян тут как тут:

— Знакомое дело: давно пора душегуба проучить. А за тем существует надежное средство — смерть кощева, что заключена в иглу, которая лежит в яйце, которое проглотила утка, которая хоронится в теле зайца.

— Ну, это мы сдюжим, — хрустнул пальцами Воевода, будет надо — всех зайцев положим!

— Эй-эй! А она точно принцесса, — решил уточнить Лягушка, — Или вы еще какое плутовство задумали?

— Принцесса, принцесса. Рапунцилем кличут, — вздохнула Красавица.

— Рапунцилем? Хорошее имя — неместное, — успокоился Царевич.

Долго ли коротко... Всем войском зайца по лесам искали, пять лет ухлопали. А тем временем государство Красавицы зарастало волосами Рапунцель, хлеще любых лесных куш!

На шестой год увидел Воевода зайца искомого, погнался, хватить за уши! А заяц вмиг исчез — обернулся уткой. Воевода — за луком. Достал самую дальнобойную стрелу, давая в утку целиться. И так долго целился, что... промазал. Улетела было утка. Но нет! Иван птицу разом заприметил, и лук уже наготове держал. А стрелок Иван был знатный! Упала птица камнем, да прямо в болото, и на дно ушла. Да только Царевич-Лягушка не сплеховал. Вспом-

нил жизнь свою прежнюю — нырнул в гущу болотную, до дна добрался, а там и не утка вовсе — яйцо лежит золотое!

Вынырнул Лягушка на берег — яйцо Красавице передал, сам от тины отплеивается — сноровку потерял. Попыталась девица скорлупу сломать — ни в какую. Золотая-то скорлупка. Тут Боян на помощь пришел:

— Видал я такое яйцо, у самого такое было. Так его ничем не брало: ни сковородой, ни скалкой. Били мы его с моей старухой по молодости, били. Почитай лет пять не меньше!

— А чего били-то? — удивился Иван. — Вот люди странные. Золотое яйцо им дадено — так они сразу бить!

— А мы ж не просто так, мы на спор поначалу били, — пояснил Боян. — А потом однажды мыша по столу бежала, смахнула яйцо, и вдребезги! А оно полтора рубля стоило! Пять лет — коту под хвост: спор даром пропал! А старуха осерчала почему-то и того: с молодцем заезжим ухлестала. Так вот. В общем, мыша нужна!

— Ну, Боян! — покачал головой Воевода, доставая меч двуручный. — Сила тут нужна мужицкая, а не твоя мысль тщедушная!

Как рубанул Воевода — яйцо на миллион частей разлетелось. Выходит, и в сказке иногда грубая сила надежнее смекалки!

— Вот и игла. Осталось Кощея найти и предъявить ему, — ухмыльнулся Воевода.

— Так мы его еще пять лет искать будем, а у меня там невеста стареет! — закричал Царевич-Лягушка. — Еще с ним церемониться. Надо иголочку-то чуток подломить. Не до конца. Он с перепуга сам прибежит! Только дело тонкое — женских рук требует.

Взяла тогда иглу Красавица, как заправская швея, да чуть-чуть согнула посередине. Послышался тут вой нечеловеческий, небо почернело, и явился, неясно как, сам Кощей Бессмертный.

Был Кощей, конечно, стар, но подтянут. Выпирающие скулы и череп, опять же учитывая возраст, скорее сообщали ему волевой вид, чем болезненный. И только ненормальный блеск в глазах выдавал в этом существе человека, прочахшего несколько веков над златом.

— А в общем, милый старик, — вдруг подумалось Красавице, — Для своих лет неплохо держится. И что я по молодости артачилась? А мой-то Ивашка за последние пятнадцать лет вон как осунулся и живот отъел на ба-тюшкиных харчах. Непутевый он все-таки, надо бы ему у Кощея хозяйственности поучиться.

Но это была минутная слабость, а вслух Красавица сказала:

— Вот что Кощей, душегуб ты проклятый (припомнила тут Красавица, от кого ее напасти пошли), сам ты порчу сонную на нас навел, тебе от нее и пасть. Коли не хочешь смерти...

— Лютой, — подсказал Воевода и зыркнул на иглу.

— Так ступай мигом и целуй Рапунцель, а за то мы гарантируем, что спать ты будешь по-царски, и игла твоя под присмотром нетронутой будет. Вон Воеводе лично поручу!

Мало кто устоял бы пред таким предложением. И Кощей не устоял. Более того, Кощей подумал, что практически ничего не потеряет, если, наконец, получит возможность чуток (на фоне его долгожительства) поспать.

— Только иглу я под расписку сдам, так и знайте. И на золото мое не рассчитывайте, — предупредил супостат. — Оно у меня надежно припрятано в заморских банках.

— Факт. У нас за границей банки эти очень приняты. Бизнесом называются, — нежданно поддакнул Царевич-Лягушка.

В царских палатах шли приготовления к венчанию Красавицы и Ивана. Красавица примеряла платье, а Ивана выдворяли, согласно традиции, на улицу.

Теперь жених сидел на ступеньках при входе в компании Воеводы с дедом Бояном. Боян колки на гусях подкручивал — налаживался серенаду петь, а Воевода на пару с женихом лузгал семечки, входившие в походный паек. Воевода почесывал шею, которую терла цепь с притороченной Кошеевой иглой (даже в бане Воевода в цепи теперь щеголял) и бубнил в усы:

— Счастливый ты, Ванька. Вона сколько за жизнь хлебнул: и по странам побродил, и с нечистой боролся, и жену отхватил. А у меня на что жизнь ушла?... Двадцать пять лет служу, со дня на день на пенсию отправят. И куда я смотрел? Первые пять лет проспал.

— Ну, положим, пять лет все проспали, — отмахнулся Боян.

— Я не про это. Еще раньше проспал. Я фигурально выражаюсь, — пояснил Воевода, — пока учился, пока в рядовых ходил. Меня ж тогда на продовольственный склад отрядили, вот я там и дрых все дни. Потом, значит, со всеми, спасибо Кошеей, еще пять лет. Дальше, сказать стыдно, пять лет лягушку искал, затем эту, он тыркнул пальцем в сторону далекого моря, Рапунцель — еще пять лет.

— Постой-ка, — перебил его Иван. — А как же ты воеводой стал?

— Так я ж в царском потешном полку при складе состоял, — развел руками Воевода, удивляясь странному вопросу. — Я даже новое предложение внес о тактике боя за снежные городки. А вот ни одной настоящей войной поруководить не успел! И вот ведь дела, единственный раз понадобилось из лука стрелнуть, по утке этой проклятой, так и то... промазал. Позорище! Боян, ты на меня посмотри.

— Ну, — дед усталился на Воеводу, — Чой я тут не видел?

— Нет, ты вот на одежду смотри!

— Да, что тут разглядывать-то?

— Вот! — возвестил Воевода, — То-то и оно, что нечего! Где ордена, где медали, в конце концов? Нету! И уже не будет! За двадцать пять лет не наслужил!

Дед пожевал задумчиво губами и обнял Воеводу:

— Ты не переживай. Хошь, я про тебя былинку сложу?

— Да что мне былина твоя, когда славы-то нету?

— А вот и будет слава! Вот на что тебе эти ордена годны? Ну, получишь ты орден, ну помрешь, и кто про твой орден вспомнит, и за что он даден тебе был, да и кем ты сам был? О! А былина, она в народ уйдет. Каким я тебя разукашу, таким тебя люди и знать будут! Вот напишу, что Кощея извел. Что зверей диких голыми руками без всякого лука валил. Понимать надо.

— Ничего, — подбодрил Воеводу Иван. — Вот стану я когда-нибудь царем, когда братья старшие помрут, и справлю тебе лично орден дружбы народов!

— Прощенья просим. Где тута Кощей лежить? — перед Иваном невесть откуда взялась старая бабка, горбатая, перекрученная радикулитом с трудом опирающаяся на помело заместо клюки.

— А там, в спальной палате колет, — повел рукой вежливый Иван. — А ты кем ему, бабусь, приходишься?

— Пока никем, но буду женой, — прошамкала старуха.

— Любишь, значит? Да, любовь зла — полюбишь и бессмертного, — покачал головой Иван.

— Не люблю. Ненавижу, хрыща старого; а кто кого бессмертнее, еще проверим, — изрекла бабка.

— А что ж тогда? Тебя как величать-то? Что-то лицо мне твое знакомо. Мы не встречались в молодости? — заерзал Ванька.

Но бабка уже исчезла.

Здесь бы сказке и перейти к счастливому финалу, как полагается. Но относительно странной бабки требуется одно уточнение, каковое лучше сделать теперь, пока не подросла свадьба Красавицы с Иваном:

Как все, кроме Ивана, смекнули, явилась в царские палаты бесстыдная Яга. И никто иной, как Яга, склонилась сейчас над сопящим Кошеем, рассудив, что в ее возрасте надо выбирать такого жениха, какой открутиться не сможет. Старуха Кощея, конечно, ненавидела, и план ее был прост: разбудить старика и заставить на месте же жениться. Так Яга стала бы назло благообразным молодым царевнам да принцессам самой богатой наследницей на всем белом свете!

Конечно, в плане был некоторый изъян: во-первых, смерти Кощея пришлось бы ждать достаточно долго, а во-вторых, после поцелуя Ягу ждал неизбежный сон. Но ведь всем же ясно: будь ты хоть Ягой, а при хорошем приданом и на тебя заморский Иван сыщется! Яга верила в людские слабости.

Продрав глаза и вникнув в содержание требований Яги, Кощей заартачился:

— И не думай, старая! Чтoб я на такой карге женился. Да я тебя во сне, так и знай, задушy. Или ты думаешь, что я из чувства благодарности щадить какую-то ведьму буду? — на этих словах кощеевы пальцы сомкнулись на тще-душной старушечей шее.

— Еще как женишься, — в дверях опочивальни стоял, поигрывая иглой,

Воевода, — Мало что ли за барышнями бегал? На покой не пора? А то можно пенсию и приблизить.

Воевода подсогнул иголку, вызвав у Кощея колики в ребрах. Яга тем временем успела заснуть в руках Кощея.

— В общем, так, Кощеюшка: я, считай, свидетель на твоей помолвке — значит, за твой моральный облик ответственность несу. Так что знай, что жена твоя пока что поспит здесь, а ты смиренько ее дома дожидаться будешь. Не гоже женатому мужику за юбками волочиться и разбоем промышлять. А если нос высунешь — я, наконец, на орден заработаю.

— Заработать лучше златом! — оживился Кощей. — Я тебе много злата дам. У меня его несметная туча! Да еще и процент набежал!

— Ты эту тучу сначала поди у Лягушки из банки заberi, — хохотнул богатырь. — Сдается мне, этот Царевич еще более скользкий тип, чем ты!

— Так давай вместе Ягу изведем! Тебе орден, а я за это, правда, тихо вести себя буду. — Кощей примирительно склонился перед Воеводой с храпящим в руках трофеем. — Тебе же спокойнее будет — одной вражиной меньше...

— Нет уж. Мертвый враг бесполезен, — отрезал дальновидный Воевода. — А вы мне еще оба, авось, сгодитесь.

Тем временем Красавица стояла у окна и гордо осматривала свое государство, сколько было видать. Да! Столько всяких напастей произошло, не забыть бы: и всеобщий, как его, а-на-би-оз, и лягушачьи полчища, и волосы Рапунцель и тотальная охота на зайца. Ан нет! Не сломили испытания ее народ и ее собственный дух не сломили!

— Это сколько ж лет прошло? — прикинула Красавица. — Двадцать? Так-так, то есть мне на днях тридцать шесть стукнет? Э-эх! Да это ж еще вся жизнь впереди, все ж только начинается! Сколько всего сделать можно и наконец-то никуда не надо будет спешить!

ВЛАДИМИР ДЕМИНСКИЙ

ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ

ТАК. ВСТАВЬТЕ ЗАГОТОВКУ А28 В РАЗЪЕМ 2/32, — Сэм перевел взгляд от экрана ноутбука на своего соседа по палатке. — Иван, ты опять дрыхнешь?

— И чему вас только в Массачусетском Технологическом учат? — Иван, почесав грудь волосатой рукой, лениво поднялся с койки и подошел к столу. — Ну, что тут у тебя?

— Вот, — выпускник МТИ продемонстрировал обрезок трубы и пластмассовую пластину с четырьмя просверленными отверстиями разной формы. — Не влезает.

— Хм, действительно, — сделав пару безуспешных попыток, произнес Иван. — А ты не пробовал трубку другим концом вставлять?

— А? — Сэм недоуменно посмотрел на коллегу.

— Учись, студент! — инженер-механик повернул заготовку А28, и та с легким щелчком вошла в нужный паз. — Ладно, дальше сам разбирайся, — он сунул получившуюся конструкцию Сэму в руки. — Я на улицу, пройдуся. Надоело торчать тут.

Иван надел рубашку с нашивками Инженерного Корпуса, нахлобучил панаму и отодвинул полог палатки. На него тут же нахлынула волна жара. Инженер скривился, но переступил порог и выбрался наружу.

Оба солнца планеты Сарда припекали всюю. Благодаря им днем в пустыне температура редко когда опускалась ниже шестидесяти пяти градусов по Цельсию. В дикой жаре выживали лишь гигантские, с полметра длиной, шестиногие ящерицы да тукумзы — высокие, зеленовато-коричневые растения, чем-то напоминающие мексиканские кактусы.

Впрочем, в пустыне могли жить не только тукумзы.

— Я научу вас, мать вашу, родину любить, мать нашу! — до Ивана донесся зычный рык сержант-майора Вайта. — А ну-ка, быстро подняли свои жопы и побежали вокруг периметра! Раз-два, раз-два, раз-два, левой-правой, раз-два. Блэк, подбери пузо, Рич, утри сопли, ты же космодесантник!

Инженер обошел палатку и направился к центру лагеря. Вайт, развалившись в шезлонге под тентом, попивал только что вытащенное из сумки-холодильника ледяное пиво, и периодически покрикивал на взмыленных десантников.

Увидев проходящего мимо военспеца, сержант-майор оскалился в приветственной улыбке, отчего его испещренное шрамами лицо приобрело непривычное выражение.

— Опять гоняешь своих парней, не надоело? — поинтересовался Иван.

— Ну, дык, иначе эти обезьяны совсем жиром обрастут, — сержант-майор смачно рыгнул. — Рико, ты что это там встал и яйца чешешь? А ну-ка, вперед!

Не желая вмешиваться в процесс тренировки, Иван кивнул Вайту и направился к ближайшей палатке. Здесь, аккуратно возле казармы, под неусыпной охраной двух космодесантников, хранилась самая ценная вещь на базе — трансфинитная пушка.

Пройдя мимо вояк и стараясь не обращать внимания на царившую внутри духоту, инженер подошел к оружию. Пушка стояла на трех подвижных опорах, сделанных из меледена. Легкий и в тоже время чрезвычайно прочный металл загадочно поблескивал в полумраке.

Иван провел рукой по чуть шероховатому стволу и подергал за рукоятку зарядного механизма. — Уже скоро... — прошептал инженер.

Следующим местом, куда он зашел, стал водосборник. Вода на Сарде встречалась редко, три четверти территории планеты покрывали пустыни. Поэтому колонизировать столь уютное место пока никто не спешил, да и вообще, корабли нечасто посещали мульти-солнечную систему. Зато Сарда, ввиду своей непопулярности и отдаленности от основных звездных трасс, являлась лучшим полигоном для секретных испытаний нового оружия.

Водосборник представлял собой пару насосов, день и ночь качавших воду из пробуренной две недели назад полукилометровой скважины. Живительная влага вначале попадала в трехсотлитровый бак, откуда по пластиковым трубам поступала в палатки. Впрочем, способ добычи воды сейчас Ивана интересовал меньше всего.

Рядом с баком стоял небольшой деревянный ящик, покрашенный в белый цвет. Из цистерны к нему тянулся змеевик, который исчезал в дыре, просверленной в крышке. От чересчур любопытных, ящик надежно запирался на висячий замок. Это было настоящее произведение искусства, подлинная копия вещи из двадцатого века. Замок и ключ к нему Иван вырезал из цельного бруска титана, еще когда учился на четвертом курсе Академии и сдавал зачет по истории технологий.

Оглядевшись по сторонам и убедившись в отсутствии посторонних, инженер уселся на корточки и отворил крышку. Устройство, находившееся внутри, одновременно выполняло функции кондиционера, многослойного фильтра и самогонного аппарата.

— Надо будет потом еще тукумзов нарезать, — инженер-механик потыкал пальцем в наполовину пустой контейнер, в котором бродили кактусы. С некоторым усилием Иван извлек из ящика запотевшую полторалитровую бутылку, на две трети наполненную светло-зеленой жидкостью.

— Дрогнем! — он сделал приличный глоток. — Ёхх! — глотку словно обо-

жгло огнем, который тут же сменился холодом. Язык занемел, а на глаза навернулись слезы.

— Хороффо, — выдохнул естествоиспытатель. По вкусу полученное пойло чем-то напоминало текилу, но только послаще. Да и покрепче, градусов под семьдесят, не меньше.

Инженер просидел еще с минуту, блаженно прикрыв глаза, прислушиваясь к своим внутренним ощущениям. Затем поставил бутылку на место, закрыл крышку и навесил замок. Бросив прощальный взгляд на ящик, скрывающий результат многочасовой работы технического гения, Иван поднялся. Пора было возвращаться.

— Ну, что там? — поинтересовался Сэм, стоило только инженеру войти в палатку.

— Жарко, — Иван присосался к пластиковой канистре и выпустил ее лишь после того, как выпил не меньше полулитра воды. Текила, как оказалось, оставляла после себя довольно-таки мерзкое послевкусие.

— Я закончил с блоком наведения. Осталось только установить.

— Ну так, вперед, — инженер взгромоздился на койку и открыл свой ноутбук.

— Слушай, а почему так получается, что основная часть работы всегда достается мне? — обиженно спросил Сэм.

— Потому что ты молодой и умный.

— Э-э...

— А я, — Иван перебил коллегу, не давая ему закончить фразу, — старый и опытный. Давай, иди уже. Там тепло и солнце светит. Даже два солнца. Большое и маленькое.

Насупившись, Сэм молча вышел, а Иван, тут же запустил «Реконструкцию». На эту программу он натолкнулся пару лет назад в сети GlobalNet и с тех пор посвящал ей значительную часть свободного времени.

С помощью «Реконструкции» можно было голографически воссоздать и увидеть в действии оружие любой эпохи, от первобытнообщинного строя и до второй половины двадцатого века. Перед пользователем стояла задача пройти по всем ступеням технологической цепочки, начиная от примитивного копья с обожженным на костре наконечником и заканчивая ракетой «Тополь-М». Вчера Иван почти закончил собирать мортиру и сегодня хотел начать ее испытания. Однако любимым делом инженер наслаждался недолго. С улицы раздался пронзительный свист, судя по звуку, это приземлялся грузовой звездолет. Выругавшись сквозь зубы, Иван отложил ноутбук.

Он подошел к воротам базы как раз в тот момент, когда корабль, напоследок взревев двигателями, тяжело осел за периметром. Занявшие позиции десантники, нацелили на входной шлюз гравибластеры.

Людск с шипением отворился и из него вышли два человека. В руках звездолетчики несли громоздкий металлический ящик, выкрашенный в защитный цвет. Не обращая никакого внимания на взывших их на прицел космодесантников, они поставили его возле главных ворот.

— Мне нужен Сэм Фишер или Иван Серцофф, — отдуваясь и вытирая пот со лба, обратился к Вайту один из носильщиков, безошибочно угадав в нем главного.

— Я Серцофф, — Иван выглянул из-за плеча сержант-майора.

— Служба военной курьер-доставки. Приказано передать лично в руки. Распишитесь, — курьер протянул инженеру снежно-белый лист пластика с небольшим черным квадратом в правом верхнем углу.

Иван приложил к нему большой палец. Через секунду раздался едва слышный писк. Личность была подтверждена.

— Благодарим за сотрудничество, — курьеры синхронно развернулись через левое плечо и, не прощаясь, быстро-быстро зашпешили к своему кораблю. Похоже, даже кратковременный визит на Сарду был им в тягость.

— Мать их... — сержант-майор выругался, но так тихо, что инженер не смог разобрать всех слов.

Стоило только люку захлопнуться за спинами курьеров, как звездолет стартовал. Через мгновение на месте его стоянки остался лишь обугленный дюзами круг из расплавленного песка. А в голубом без единого облачка небе, постепенно уменьшаясь, таяла черная точка.

— М-мать, — уже громче произнес Вайт.

— Полностью с вами согласен, сержант-майор. А теперь, если не затруднит, хорошо бы этот ящичек отнести ко мне в палатку.

— Рико, Танго, че рты поразевали? Слышали, что сказали? Быстро отнесли эту хреновину, одна нога здесь, другая там! Остальные, в упор лежа, отжаться сорок раз!

Десантники подскочили к доставленному грузу, подняли, закричали и понесли в лагерь.

— Что это за хрень? — сержант-майор, прищурившись, посмотрел на Ивана.

— Трансфинитные батареи. Дарвы сделали.

— Олухи вислоухие. Нелюди придурочные, — Вайт сплюнул на песок, видимо, таким образом показывая свое отношение к инопланетным союзникам. — Еще десять отжиманий! Вы что, уроды, думаете, если я говорю, то не вижу, как вы ничего не делаете?!

Оставив сержант-майора заниматься укреплением боевого духа, Серцофф пнул в бок ползущую мимо шестиногую ящерицу и неторопливо пошел обратно. В палатке уже сидел Сэм. Разобравшись с запорными клапанами и отвинтив крышку от ящика, лучший студент инженерного факультета выпуска 2102 года, внимательно изучал содержимое. Его лицо при этом покраснело и приняло довольно-таки странное выражение.

— Иван, — прошептал он, — что ЭТО?

— Батареи. А ты... — инженер оборвал свою тираду на полуслове, так как подошел поближе и увидел, что именно лежало внутри. Там располагался кусок серебристого металла, намертво приваренный к стенкам. На нем, в специально сделанных углублениях, лежали одиннадцать небольших, величиной с кулак, пирамидок рубинового цвета.

— Батарей, — еще более трагическим шепотом произнес Фишер и вытащил одну. — А почему, они такие...треугольные? Ведь пушка рассчитана на квадратные, куда их теперь совать?!

— Э-э... — на этот вполне логичный вопрос Иван не смог дать вразумительного ответа, — ну-у... э-э... может, в Службе доставки перепутали что?

— Комиссия приезжает завтра на рассвете! Как мы будем стрелять из этой убудочной пушки, если у нас вместо энергобатарей, непонятно что?!

— Ничего. Разберемся... как-нибудь... наверное, — Иван выхватил из рук коллеги батарею и внимательно ее осмотрел. Пирамидка была сделана из материала, который на ощупь напоминал мрамор и приятно охлаждал ладони. Перевернув ее, инженер увидел, что в основании, примерно на пять миллиметров вглубь, выдавлено изображение круга.

Пожав плечами, Иван произнес несколько резких слов на непонятном Сэму русском языке, после чего перешел на космолингво и обратился к напарнику: — Я сообщу обо всем адмиралу Токугаве.

Успокоив таким образом коллегу, Серцофф положил пирамидку на стол, уселся на койку и потянулся к ноутбуку.

— И это все?! — лицо Фишера пошло белыми пятнами.

— Ага. А что мне еще делать, напильником края обточить? Если тебе нейдет, то у военных где-то на складе должен быть анализатор, попроси, может, дадут. Попробуй разберись, что это за штуку нам прислали.

Сэм поиграл на лице желваками, но ничего не ответил. Отвернувшись к своему ноутбуку, он принялся ожесточенно стучать по сенсорным клавишам.

В палатке наступила тишина. До сеанса связи с командованием оставалось еще полтора часа, так что Иван наконец-таки смог отдаться любимому делу. Запустив «Реконструкцию», он пострелял из мортиры и перешел к разделу «Минометы».

— Во время русско-японской войны 1904—1905 годов оборона Порт-Артура перешла в «окопную» стадию. Ружейный и пушечный огонь оказался малоэффективным против засевших в траншеях японцев. В сложившейся ситуации русский офицер Л. Н. Гобято изобрел миномет — орудие, стрелявшее оперенным снарядом по навесной траектории. В качестве первых снарядов использовались морские мины, что и дало оружию его название, — прочел Серцофф в сопроводительном файле.

— Иван! Смотри скорее! — во весь голос заорал Фишер.

Глухо застонав, инженер-механик повернул голову.

— Я открыл ее! — триумфально объявил Сэм.

Действительно, из основания пирамидки, на пластиковую папку, лежащую на столе, сыпалась тонкая струйка белого порошка.

— Я надавил на круг, он щелкнул, и появилось отверстие! — Фишер улыбался такой счастливой улыбкой, как будто только что выиграл в лотерею миллион кредитов и турпоездку на Землю.

— Молодец, уважаю. А если порошок токсичен?

Улыбка на лице Сэма немного померкла.

— Значит, так. Сейчас забираешь эту дрянь и дуешь к военному анализатору. Там делаешь все тесты, какие только возможны. Химический состав, атомарная структура, примеси, реакции с водой, огнем и кислородом. В общем, не мне тебя учить. Так что вперед, до сеанса связи осталось тридцать минут.

Фишер, отодвинув как можно дальше от себя папку с порошком, на негнущихся ногах вылез наружу.

— Мальчишка, — пробурчал Иван, искоса поглядывая на ящик с пирамидками. Серцофф был немного уязвлен открытием Сэма. Казалось, до такой элементарной вещи можно было додуматься и самому, а вот, поди ж ты, не догадался!

Через двадцать минут Фишер вернулся и протянул инженеру распечатку с результатами тестов.

— Так, количественный анализ... молекулярный состав... атомно-эмиссионная спектроскопия... хроматография... ммм, непонятно, но впечатляет, — Иван пробежался глазами по тексту. — Качественный анализ... примеры качественных реакций на катионы... о, а это что?

— Экзотермическая реакция. При нагревании выше восьмидесяти семи по Цельсию порошок начинает выделять тепло.

— И много он его выделил? — Иван вопросительно изогнул бровь.

— Датчик вышел из строя на показателе полторы тысячи градусов.

— М-да, — Серцофф задумчиво почесал переносицу и бросил распечатку на стол. — Чувствую, без адмирала мы тут точно не разберемся.

На орбите планеты Сарда вот уже вторую неделю кружил линейный крейсер «Худ», принадлежащий вооруженным силам Объединенных Коалиций. Каждый день ровно в семь вечера по местному времени между ним и базой осуществлялся закрытый сеанс связи.

Вот и сегодня, стоило только экранам мониторов показать цифры 19.00 вместо 18.59, как тут же ДМ-приемник замигал разноцветными огоньками, загудел дешифратор, и в центре палатки возникла голографическая проекция.

— Докладывайте, — не желая тратить времени на такие ненужные вещи, как взаимные приветствия, отрывисто бросил командующий.

— Господин адмирал! — опередив Ивана, начал говорить Фишер. — Сегодня мы получили батареи, но это вообще не батареи, а неизвестно что! — он потряс перед лицом адмирала распечаткой. — Наверное, ошиблась служба доставки, сэр. С тем, что у нас сейчас есть, пушка стрелять не будет, сэр. Нужно перенести испытание... сэр.

Услышав эти слова, Серцофф едва заметно поморщился, что же касается Токугавы, то адмирал проявил истинно олимпийское спокойствие. Он лишь сузил глаза и, глядя в лицо Сэму, чеканя каждое слово, произнес:

— Меня не волнуют ваши проблемы. Трансфинитная пушка стала первой совместной военной разработкой ученых из Объединенных Коалиций и расы дарвов. Удачной разработкой. И поэтому испытание пройдет успешно. Этого требует Верховный Координатор и Министерство Обороны. Мы

должны наращивать межрасовое военное сотрудничество. Или ты сомневался в мудрости нашего вождя, сынок?

— Н-нет, н-но... — Фишер начал заикаться.

— Комиссия из ГКУ прибывает завтра утром в 7.00. Я не потерплю саботажа! Выполнить и доложить.

Огоньки на ДМ-приемнике погасли, гудение дешифратора смолкло и изображение адмирала исчезло.

— К-как эт-то сделать? — на Сэма невозможно было смотреть без жалости. Его подбородок задрожал, казалось еще немного, и он заплачет.

Иван поднял с пола распечатку, которую от волнения выронил Фишер, и еще раз пробежался по ней взглядом.

— Не бойсь, прорвемся, — он похлопал Сэма по плечу. — Жди меня тут и никуда не выходи. В ящик с пирамидами больше не лезь. А чтобы ты не скучал... — инженер потыкал клавиши своего ноутбука, — прочитай пока вот это сообщение. Сейчас оно лежит у тебя в почтовом ящике. Заголовок письма — «bred».

Не дожидаясь ответа Фишера, Иван покинул их жилище. Выпускник МТИ ошарашено посмотрел ему вслед, затем повернулся к компьютеру.

Солнца уже начали клониться к закату, но жара еще не отступила. К этому времени Вайт обычно уже прекращал муштровать солдат, расставлял часовых и отправлялся к себе в палатку. Те космодесантники, которые были свободны от несения боевого дежурства, развлекались в казарме просмотром порнухи, благо современные средства виртуальной реальности предлагали своим пользователям весьма широкий спектр возможностей.

Пройдя мимо палатки, откуда раздавался восторженный рев трех десятков здоровых глоток, Серцофф свернул к водосборнику. Отперев ящик, он достал бутылку и с грустью посмотрел на плещущую внутри зеленую жидкость.

— Обидно, досадно, но ладно, — сказал Иван по-русски. Он выдернул змеевик из бака и заткнул отверстие резиновой пробкой, после чего небрежно прикрыл крышку, положил замок в карман и решительным шагом направился к жилищу сержанта.

Вайт сидел за столом и держал в руках фоторинию. На грубом, словно вытесанном из камня лице военного, застыло пугающе-нежное выражение. С плазменного экрана улыбалась высокая белокурая женщина, а маленькая девочка, держащая ее за руку, приветливо махала сержант-майору.

— Че надо?! — рявкнул он, увидев Ивана.

— Поговорить...о жизни, — инженер тряхнул бутылкой. Раздалось отчетливое бульканье.

— Заходи.

Минут через сорок они уже сидели обнявшись и пели марш Второй Космодесантной Бригады.

— Слушай, я вот хотел спросить у тебя, — дождавшись, пока сержант-майор вольет в себя очередную порцию местной текилы, сказал Иван. — Мне тут кое-какие детали нужны с вашего склада. Из оружейного отдела.

— Фигня вопрос Ваня, какие пра-аблемы?! — сержант-майор икнул и по-рылся в карманах. — На, держи! — он шлепнул на ладонь инженера магнитную карточку. — Полный допуск во все помещения!

— А код?

— Alpha344958032Gamma235, — без запинки произнес Вайт и хлебнул пива, чтобы перебить мерзкое послевкусие.

— Alpha344958032Gamma235, ага, — повторил инженер. — За десант! — он поднял кружку и, фальшивя на каждой ноте, запел гимн Третьей Космодесантной.

Примерно через полчаса, уложив спать пришедшего в совсем уж nepotребный вид сержант-майора, Серцофф, не очень твердо держась на ногах, вернулся к Сэму.

— Иван?! — лучший выпускник МТИ посмотрел на коллегу круглыми от изумления глазами.

— Тщщщ, — инженер поднес к губам указательный палец. — Все прочитал?

— Да, но я не...

— Потом. Все потом, — Иван схватил Сэма за руку и потащил к выходу.

— Идем, у нас много работы.

Ровно в семь часов утра над базой, полностью накрыв ее своей тенью, завис белоснежный спейс-шаттл, на боках которого были выгравированы эмблемы Объединенных Коалиций. Затем, медленно и важно он отлетел в сторону и приземлился километрах в трех от периметра.

В честь торжественной встречи комиссии из Главного Контрольного Управления, сержант-майор выстроил перед главным входом весь личный состав. Десантникам, одетым в полный комплект парадной брони, состоящий из блестящего шлема, нательного панциря, налокотников и наколенников, был дан строжайший приказ стоять молча и внимать каждому слову высокого начальства.

Даже Иван и Сэм, проникшись важностью момента, надели серые мундиры Инженерного Корпуса, кстати говоря, совершенно не предназначенные для ношения в пустыне. Хорошо хоть с утра, пока еще солнца не прогрели воздух, датчик температуры показывал терпимые сорок два градуса!

Инженеры и четыре десятка солдат с изумлением проводили спейс-шаттл взглядами.

— А ближе сесть они никак не могли? — пробурчал Сэм.

— Молчи, — едва шевельнув губами, чуть слышно произнес Серцофф.

— Отря-яд! — рявкнул сержант-майор, покосившись на инженеров нали-тыми кровью глазами, — к шаттлу, шагом ааарш!

Минут через пятнадцать они добрались до корабля. К тому времени воз-ле него уже натянули несколько тентов, под которыми поставили трибуну, пластиковые кресла и столы с прохладительными напитками. Впрочем, к трибуне подойти никому не дали. Спейс-шаттл оцепили черные береты — бойцы из личной гвардии директора ГКУ.

Десантники, оказавшиеся в полной выкладке на все усиливающимся солнцепеке, глухо заворчали.

— В нарядах сгною, — пообещал сержант-майор.

Ропот прекратился.

В этот момент из спейс-шаттла вышло несколько человек. Возглавлял процессию тучный мужчина в парадном генеральском мундире, за ним следовало четверо полковников ГКУ. Замыкал шествие черный берет, который вел на поводке серого пуделя.

Полковники расселись за столами, собака подняла ногу и помочилась на стойку шаттла, а толстяк начал взбираться на трибуну.

Сэм посмотрел на Серцоффа квадратными глазами, однако ничего не спросил.

— В первый раз на комиссии я тоже удивлялся, потом привык. Этот жирный, генерал Жмахо, зять министра обороны и второй заместитель директора ГКУ. Не понимает в системах вооружения абсолютно ничего. В прошлом году, Великий Координатор пожаловал ему титул графа, — прошептал Иван.

— А собака?

— Что собака? Ну, любит человек своего пуделька, вот и таскает его с собой. Везде. Ладно, все. Сейчас генерал, как обычно, речь толкнет. Слушай.

Действительно, взобравшись на трибуну, граф Жмахо обтер кружевным платком вспотевший лоб и сказал:

— Соратники! В это трудное для нас время, когда прогрессивное человечество напрягает все свои силы для борьбы с инопланетными агрессорами, мы собрались здесь, чтобы испытать могучее оружие, созданное нашими учеными! Под руководством Великого Координатора Вильгельма Третьего, доблестные войска Объединенных Коалиций уже нанесли врагу поражение и захватили систему Тамерун. А с помощью трансфинитной пушки мы добьемся окончательной победы! Наш триумф близок, но война еще не закончена, нет! Враг хитер и коварен, его агенты действуют на фабриках и заводах, в штабах и военных округах, в больницах и библиотеках! Будьте бдительны!

— Опять та же песня, — тоскливо подумал Серцофф. — То же самое он говорил год назад, на испытаниях гравилета...

Иван покосился на истекающие потом лица космодесантников. Бойцы искренне пытались принять заинтересованный вид, но получалось у них не очень.

—...дабы сохранить режим секретности, любая запись информации на мультимедийные носители запрещена. Все данные будут зафиксированы только на бумаге, — генеральский голос, усиленный динамиками, разносился по пустыне на несколько километров вокруг. — Согласно протоколу №2987 от 2 ноября 2104 года, утвержденному директором ГКУ, испытание считается успешным по совершении трех выстрелов из пушки.

— Ну, это мы и без тебя знали, — Серцофф посмотрел на уже высоко поднявшиеся солнца и поправил висевший на шее лазерный дальномер.

— Начинайте! — генерал лихо отхлебнул коньяка из поднесенной официантом рюмки.

Десантники расступились и глазам высокой комиссии предстала трансфинитная пушка. На песке лежали задняя стенка от боевой планетарной машины, полуметровой длины труба из стекловолокна, несколько деталей от гравибластеров и два меледеновых стержня. Все это было выкрашено в жизнерадостный серо-зеленый цвет. Чуть поодаль стоял черный пластиковый мешок из-под мусора.

— Собираем! — скомандовал Серцофф.

Через пару минут трансфинитная пушка была готова.

Когда-то давно студента Жмахо за неуспеваемость выгнали со второго курса Московского Института проекционной голографии. А друзья-полковники, из которых он теперь формировал свою свиту, были такими же недоучками, как и сам новоявленный граф.

В высокой проверяющей комиссии никто не заканчивал Военную или Инженерную Академию. Уловить сходство между получившемся чудом инженерной мысли и минометом, состоявшем на вооружении Красной Армии во время Второй Мировой Войны, было некому.

— Давай! — внезапно осипшим голосом сказал Иван.

Фишер кинулся к мешку и достал из него два снаряда. Пирамидка дарвов, банка из-под армейской тушенки, синтактик и быстротвердеющий пластик — все это, соединенное вместе и выкрашенное в серый цвет, представляло собой минометную мину образца 2104 года.

— Огонь! — взвизгнул Серцофф.

Мина с воем унеслась в пустыню.

Мелькнула вспышка. Такая яркая, что на мгновение перед глазами поплыли разноцветные круги. Лица инженеров опалила волна жара. С головы Жмахо упала фуражка.

— Уменьшить угол наклона! Огонь!

На этот раз мина упала гораздо дальше, так что жара они почти не ощутили.

— Третий!

Над головой с ревом пронеслось звено истребителей Объединенных Коалиций. Оставив в небе инверсионный след, они исчезли где-то за горизонтом. Проводив взглядом боевое охранение спейс-шаттла, Сэм достал третий снаряд и зарядил трансфинитную пушку.

Последняя мина разорвалась примерно там же, где и вторая. В лазерный дальномер было видно, как расплавился и, вздуваясь огромными пузырями, закипел песок, растекаясь причудливыми лужами. Испытание завершилось.

Сэма не держали ноги, и он повалился на землю, рядом с сидевшим на опорной плите Иваном.

— Что теперь будет? — тихо спросил Фишер.

— Увидим.

— Блестяще! — объявил генерал. — Герои, подойдите ко мне!

Черные береты расступились. Когда Иван, поддерживая Сэма под руку, приблизился к трибуне, граф Жмахо, глядя на них сверху вниз, торжественно объявил:

— От имени трудового народа всех планет Объединенных Коалиций выношу вам благодарность!

— Служим Объединенным Коалициям! — вразнобой ответили инженеры.

— Властью, данной мне Великим Координатором, объявляю испытание пройденным! Приказываю в течение двух дней демонтировать базу и вернуться к постоянному месту несения службы.

Спустившись с трибуны, генерал погладил любимого пуделя и пожал инженерам руки. Затем опрокинул еще одну рюмку и подписал протокол испытания. После чего, не попрощавшись, направился к спейс-шаттлу.

Спустя две минуты корабль стартовал. Инженеры остались предоставленными сами себе. Откуда-то издали донесся рык сержант-майора Вайта. Кажется, он решил устроить своим парням легкую пробежку до самого лагеря.

— Вот так у нас дела делаются... — Серцофф пристально посмотрел на Фишера. Тот ничего не ответил.

Разобрав пушку, инженеры молча поплелись к базе. Пора было готовиться к отлету.

ЭПИЛОГ

Сидящая на бархане ящерица проводила улетающие корабли внимательным взглядом. Двуногие, которые недавно появились в пустыне, наконец-то покинули планету. Ящерица дернула головой. С легким щелчком сдвинулась верхняя часть черепной коробки. Внутри глубокой выемки, в окружении крошечных экранов и проводов, сидело амебоподобное существо зеленого цвета.

— Оружие двуногих безнадежно устарело. На что они только надеются, напад на нас? — думал Т'гастр, — быстро набивая шупальцем отчет для Совета Старейших. — Нам, избранным, они неровня.

ДАРЬЯ БУЛАТНИКОВА

ШЛЯПА ИНСПЕКТОРА

УДНЫЙ МЕЛКИЙ ДОЖДЬ СЫПАЛСЯ С НЕБА, ВЫЗЫВАЯ сожаление о забытом дома зонтике.

Инспектор Торранс склонился над телом и поморщился: слишком знакомой была картина. Убитый лежал ничком, ворот рубахи практически оторван, голова повернута так, что был виден только затылок с двумя трогательными макушками среди темных, слегка вьющихся волос. Говорят, что две макушки — признак редкой удачливости. М-да, счастливчик... На испачканной землей бледной шее отчетливо выделялись четыре аккуратных дырочки, четыре запекшиеся ранки, и вокруг них — сине-багровая гематома.

Номер тринадцатый.

— Всё, забирайте его, ребята, он ваш, — устало махнул рукой инспектор. Потом вздохнул и покачал головой. — Где Мартин?

Из-за мокрых кустов появился высокий мужчина в длинном черном плаще и глубоко надвинутой на брови шляпе. Фетр серебрился микроскопической дождевой пылью. Инспектор снова поморщился. Мартин Ланц ему категорически не понравился еще во время их первой встречи, три месяца назад. Не нравился и до сих пор. Слишком они были разные — увалень-полицейский, всю жизнь разыскивавший воришек и убийц, и картинно-мрачный Мартин Ланц, агент элитной группы V-16. Если бы не строжайшие указания начальства, послал бы инспектор Торранс агента Ланца куда подальше. Ан нет, должен терпеть, называть, словно близкого приятеля, Мартином и повсюду таскать с собой. И ради чего? Никакой пользы от него, путается под ногами, вмешивается в расследования. Да еще эта комната... И почему для расследования серии странных убийств выбрали именно его, Тэда Торренса?

— Мерзкая погода, — зачем-то грустно сообщил инспектор. Мартин в ответ кивнул. Оба проводили взглядом пластиковый мешок с трупом, который уже грузили в фургон. — Надеюсь, ты доволен?

— Погодой? — удивился агент Ланц.

— Нет, новым объектом, — инспектор поймал себя на том, что слишком часто морщится, и пожал плечами. И плечами он слишком часто пожимает. Проклятье! Никогда не думал, что у него есть нервы. А они есть, черт их раздери!

— Объектом доволен, — невозмутимо ответил Ланц. Потом зачем-то пошел к стене дома и провел рукой по полированному граниту коколя. Осевшая на стене морось оставила на красновато-буром камне мокрые полосы. Ланц безгласно стряхнул с пальцев капли воды.

— Доволен, — повторил он и улыбнулся. На тонких губах агента улыбка выглядела неумело нарисованной и до предела искусственной. Хотя улыбался он совершенно искренне, радовался новому мертвецу. Тьфу!

Торранс молча зашагал по дорожке к машине. Его шляпа была старой, и фетр давно утратил способность отталкивать влагу, так что старомодный головной убор инспектора изрядно промок, и с его полей противно капало. По небу неслись черные клочковатые облака, ветви деревьев уныло покачивались. Конец сентября, ненастье, серийные убийства, тошнотворный тип из V-16... И никакого просвета. Сейчас они поедут в офис, так нейтрально называется это место — офис. Единственное, на что можно рассчитывать, это какой-нибудь маленький бар по дороге, где удастся торопливо проглотить стаканчик дрянного виски, чтобы не заболеть простуду.

Сержант Сэм Откинс проводил шефа сочувственным взглядом: с тех пор, как появился агент Ланц, инспектор выглядел удрученным и непривычно нервным. И это старина Торранс по прозвищу Ленивый Гризли... Куда катится мир?!

Инспектор Тэд Торранс коротал промозглый вечер в офисе за новеньким письменным столом, читая собранные к этому времени данные об убийстве. Итак, Уильям Бирс, двадцать пять лет, холост, сын вполне обеспеченных родителей, окончил престижный университет и работает... работал в крупной фирме по производству автоматизированного оборудования. С полицией дела не имел, жил один в центре города. Невеста тоже из приличной семьи, Сара Миррей, свадьбу собирались сыграть после Рождества. И какого, спрашивается, дьявола молодого Уильяма занесло этой ночью в загородный сад? И не просто сад, а сад богатого поместья Фенриров. Жена этого самого Фенрира и вызвала полицию, обнаружив труп на дорожке среди отцветающих розовых кустов. С утра дождя еще не было, он пошел позднее и не успел смыть с утрамбованной земли следы двух человек, двух мужчин. Один из которых... В общем, только агент Ланц знает, кто этот, второй.

Стоило инспектору вспомнить о Ланце, как он словно материализовался за его спиной. Торранс вздрогнул, он не любил, когда к нему сзади вот так, неслышно, подходили даже хорошо знакомые люди. Инстинкт.

И ведь что удивительно — Мартина Ланца вполне можно было назвать красивым. Высокий, строен и лицом вышел: этакий смуглокожий мачо с пронзительными голубыми глазами. Но от взгляда этих глаз становилось не по себе, такое абсолютное равнодушие сквозило в них. И еще почти полное от-

сутствие мимики, никаких эмоций на лице, кроме обязательных улыбок. Бррр... Лучше бы этот тип вовсе не улыбался.

Порыв ветра за окном хлестнул дождевыми струями по стеклу. Да, погодка...

— Инспектор, если хотите, вас отвезут домой. Сегодня мне предстоит скучная ночь у монитора, и вам совершенно незачем тут маяться.

В голосе Ланца не было абсолютно никакого сочувствия. Вся эта видимость сотрудничества и равного партнерства гроша ломаного не стоит. Тэд Торранс нужен тут только для прикрытия и облегчения непонятной деятельности во имя таких же непонятных задач. Офис неведомой организации, лабиринт коридоров, попасть в некоторые невозможно — камеры слежения и сканеры на дверях, постоянные совещания за закрытыми дверями. Торранс делал вид, что ничего не замечает, не задавал вопросов, понимая, что ответа не дожидается. И все же чувствовать себя пешкой в чужой игре было противно.

Он пожал плечами и поднялся с удобного крутящегося кресла. Домой, так домой. Давно ясно, что никакие расследования не нужны Ланцу и его коллегам. Им нужно было другое — жертвы неуволимого маньяка. Те самые мертвые тела, которые свозились в офис, в комнату с десятками телеобъективов и датчиков, натканных по стенам и потолку, трупы с черными ранками и гематомами на шее... Иногда Торранс заходил в кабинет Ланца, смотрел на огромный монитор, показывавший всегда одну и ту же картину — два ряда пластиковых столов с укрытыми полупрозрачной тканью неподвижными фигурами. Сколько их? Должно быть, двенадцать, самого первого успели кремировать до того, как объявился Ланц. Хотя позавчера увезли в городской морг еще одного. Значит, одиннадцать: пять женщин и шесть мужчин, включая Уильяма... Как его там? Бирса? Да, Бирса. Двадцатипятилетнего счастливчика с двумя макушками, так и не дожившего до собственной свадьбы.

Инспектору вдруг ужасно захотелось курить. В помещениях это было строжайше запрещено: слишком тонкая электроника не выносила табачного дыма. Проклятье! Скорее на свежий воздух, пусть под дождь, но только затянуться теплым дымом и забыть слегка кислый синтетический запах офиса. За три месяца он так и не смог привыкнуть к нему. И к напичканным электроникой комнатам, и к молодым людям в серых костюмах, вежливым, но крайне неразговорчивым.

Торранс никогда не думал, что будет так тосковать по своему прокурорскому кабинету с обшарпанной мебелью, по шуму, суете и бесконечным телефонным звонкам. Но приказ есть приказ — и он, старый служака, бестолковый анахронизм, толком не умеющий обращаться с обычным компьютером, неуклюжий и неловкий, вынужден маяться в непривычной обстановке. И пытаться вопреки всему разыскать того, кто убивает людей всегда одним и тем же способом.

Инспектор поморщился, пожал плечами и, шаркая подошвами, поплелся к выходу. Ланц проводил его задумчивым взглядом.

У меня болит шея.

У меня очень болит шея.

Я хочу прикоснуться к ней, но рука путается в чем-то невесомом. Мне страшно. Я не помню, как и где я уснул. Так бывало в детстве, когда, устав от игр, я падал в странные сновидения, а потом в ужасе открывал глаза, не понимая, где я и что со мной. И лишь спустя пару минут начинал соображать, что задремал на траве у реки, а гнавшееся за мной чудовище было привидевшимся кошмаром.

Это сон, это только сон. А шея болит оттого, что я лежал в неудобной позе.

Я открываю глаза. Белый, бесформенный мир, наполненный молочным светом и не имеющий границ. Первая мысль: это вечерний туман поднялся от реки, и я потерялся в нем. Вторая... Второй мысли не было. Мне снова становится страшно, и я зажмуриваю глаза.

Спокойно!

Меня зовут Уильям Бирс. Мне двадцать пять лет. Сегодня двадцать второе сентября. Или уже двадцать третье? Неважно. Я помню, кто я, и это сейчас — самое главное. Господи, ну почему так болит шея?!

Нужно успокоиться.

Не открывая глаз, я осторожно провожу рукой вдоль собственного тела и обнаруживаю, что лежу совершенно голый. Этого еще не хватало! Забыв о страхе, я рывком сажусь на своем ложе, чувствуя, как что-то скользит по коже, словно с меня спадает невесомая шелуха. Веки распахиваются сами собой. Чушь! Это всего лишь тонкая простыня. И никакого тумана — я в комнате, в самой обычной комнате: голубоватые стены, белый потолок, круглые кляксы светильников. Типичная больница. Черт, неужели я попал в аварию? Но почему я вполне свободно двигаюсь? Только шея... От прикосновения боль усиливается, но все же терпеть можно.

И куда подевались эти чертовы врачи?

Я встаю на слегка дрожащие ноги, делаю несколько неуверенных шагов и натыкаюсь взглядом на несколько кроватей. Кроватей? Больше всего это похоже... Черт! Черт! Черт! Больше всего это похоже на морг! Я что, умер, и меня свезли в мертвецкую? Но тогда почему тут тепло? Я же совсем не замерз...

Словно во сне, в проклятом кошмарном сне, я медленно протягиваю руку и сдергиваю простыню с ближайшего тела.

Под легким нейлоном лежит девушка. Мертвая девушка, голая девушка с мраморно бледным лицом и разметавшимися, словно во сне, светлыми прядями. Одна из них прилипла к правому веку, перепутавшись с ресницами, и мне хочется убрать ее. Я бы сделал это, если бы девушка не была такой беззащитно-обнаженной, с маленькими сморщенными сосками и темными, курчавящимися на лобке волосами. И я, не решаясь прикоснуться, истуканом застыаю над нею, переполненный жалостью и сочувствием.

Потом, спохватившись, снова с головой укрываю ее, словно пряча от чужих глаз. Я даже как следует не рассмотрел ее лицо. «Скотина, зато ты успел

рассмотреть все остальное!» — ворчит моя совесть. Я соглашаюсь, я привык соглашаться со своей совестью.

Мне нужно выбираться отсюда, оставаться дольше в этом царстве мертвых совершенно не хочется. Стараясь больше не смотреть по сторонам, я устремляюсь к белой пластиковой двери, и, словно по заказу, она распахивается мне навстречу. Парень, стоящий на пороге, улыбается. Улыбка эта мне не нравится совершенно. Ужасно неприятно стоять голым перед этим ухмыляющимся типом.

И тут я вспоминаю, что видел его раньше.

Инспектор закурил вторую сигарету и откинулся на мягкие подушки сидений. Кажется, водителю не нравилось, что пассажир курит, но он молчал. Вышколенный.

За стеклом проносились размытые пятна фонарей и освещенные окна домов, похожие на клетки кроссвордов. Больше ничего не разглядеть в темноте. Ночь и дождь. И завтра будет дождь, Торранс это знал точно — по тянущему нытью в левом колене, которое он расквасил еще в юности, прыгая с высокой стены в погоне за убегающим Лесли-Гюрзой. Где он сейчас, Гюрза? Сгинул где-то или остепенился и обзавелся ворчливой женушкой и выводком маленьких гюрзят? Хорошо бы, если последнее.

Вот и поворот на узенькую улочку, где в небольшом домике с мансардой обитал старый холостяк Тэд Торранс. Инспектор привычно похлопал ладонью по сидению, нашаривая старую верную шляпу. Шляпы не было. Впервые за много лет он забыл ее на работе! И даже не на работе, а в этом чужом и противно пахнущем офисе! Отчего-то именно эта мысль привела инспектора в состояние почти паническое. Он чувствовал себя так, словно совершил невиданное святотатство, предал старого верного друга.

Торранс завозился, засопел, стараясь внушить самому себе, что забытая шляпа — пустяк, о котором не стоит и думать. И вообще, давно пора купить себе новую, с мягким шелковистым ворсом и муаровой лентой. А старую...

— Стой! — буркнул он водителю. — Поехали обратно. Я забыл в офисе важные документы.

Водитель был действительно вышколен. Он только незаметно вздохнул и включил указатель поворота. Вozить этого кряхтящего полицейского, заполняющего салон вонючим дымом крепких сигарет, было не слишком приятно. Но такова служба.

Шляпа обнаружилась там, куда он ее повесил, — на крючке в шкафу. Торранс погладил высохшую тулью, словно прося прощения, устыдился собственной сентиментальности, нахлобучил шляпу на голову и вышел из кабинета. Стоило предупредить Ланца, что он возвращался. Наверняка агенту на этот факт глубоко наплевать, но все же сказать стоило, иначе водителю могло влететь за задержку.

В коридоре, заполненном холодным голубоватым светом, звуки шагов глохли в пружинящем под ногами мягком покрытии. Вот и дверь кабинета Ланца. Инспектор распахнул ее, сунул руки в карманы и насупился — комната была пуста. Машинально он взглянул на монитор и замер. Потом быстро подошел к столу и, пошарив взглядом, обнаружил кнопку включения звука. Не такой уж он и тупица...

— И все равно я не понимаю... — голос парня, труп которого он сегодня рассматривал на размокшей от дождя садовой дорожке, звучал растерянно и настороженно. И опять инспектор не видел его лица, но затылок с двумя макушками, повернутый к объективу камеры, он ни с каким другим спутать не мог. Так что этот голый человек, сидящий на одном из пластиковых столов, мог быть только Уильямом Как-Его-Там... Бирсом! Да, Бирсом. Торранс быстро пересчитал трупы на других столах. Десять.

И еще один сидел и явно паниковал.

Значит, Ланц дождался своего. Иначе для чего бы они складировали тела и не спускали с них глаз? Но, черт побери, каким образом? И, главное, зачем?

— Понимать ты станешь позже, брат, — почти ласково ответил агент Ланц. Он стоял рядом с сидящим Уильямом и рассматривал того, словно мышь, угодившую в мышеловку. — А сейчас ты должен просто поверить мне. Если хочешь убедиться, в том, что я не вру, у тебя есть для этого масса возможностей. Но я не хотел бы рисковать, ведь ты один из немногих. Остальные пока не смогли перешагнуть к нам.

— Перешагнуть откуда? — видно было, что Уильям Бирс, пытается говорить спокойно, но голос его дрогнул. — И куда? Или что перешагнуть?

— Парень, возьми себя в руки, — терпеливо посоветовал Ланц. — Ты уже с нами, а они... Надеюсь, что с ними тоже все в порядке, просто скорость реакции у всех разная. А от тебя я такой прыти не ожидал, честное слово. Едва не проворонил, болтая с инспектором.

«Болтая!» — возмутился про себя Торранс. — «Пара слов с предложением убраться поскорее с глаз — это для него, оказывается, болтовня!»

— Значит, я — не человек? — голые плечи Уильяма Бирса ссутулились, словно ему вдруг стало холодно.

— Не человек, — подтвердил Ланц. — В том смысле, который ты в это слово вкладываешь. Но вообще-то, ты вполне живое и разумное существо. Такое же, как я! — внезапно гаркнул агент так, что оба, и Бирс, и инспектор, подскочили. — Мы отличаемся от аборигенов только одним малюсеньким геном. И теперь этот проклятый ген может погубить наше племя. Поэтому приходится спешно инициировать кого только можно, чтобы вовремя слить с этой ставшей опасной планеты.

Ланц внезапно замолчал и потерял виски.

Уильям поднял голову. Инспектор не мог видеть его лица, но даже затылок выражал искреннее недоумение.

— Ну, ничего, — бормотал агент, — пара тысяч лет спокойной, ну, почти спокойной жизни, это уже немало. Расслабились, ассимилировали, отъелись. А теперь пора в путь, дружок! Больше рисковать мы не можем. После того, как ввели генную паспортизацию, у нас не осталось возможности прохладиться тут и дальше. Рано или поздно кто-нибудь сообразит, как можно нас вычислить, и тогда может быть поздно.

Уильям молчал. Инспектору стало досадно — даже у него, имеющего довольно смутные представления о генетике, нашлось бы немало вопросов к агенту Ланцу. Но, похоже, парень вошел в ступор и думал только о том, что он уже не человек.

Торранс придвинул к монитору рабочее кресло Ланцу и уселся в него.

— Значит, я не могу жениться на Саре? — подал, наконец, голос Уильям. Так и есть: его переключило на мысли о своей новой ипостаси.

— Лучше тебе этого не делать, — вздохнул Ланц. — Во-первых, по документам ты — мертв, так что вряд ли вас теперь обвенчают. И, во-вторых, мы уберемся с Земли не позднее мая, а забрать Сару с собой мы не можем, сам понимаешь.

— Но почему?

— Потому, что она — не нашего племени. У нее есть дом, а у нас его нет, и никто уже не помнит, был ли. И это уже никого не волнует, мы стали расой космических туристов — находим подходящую планету, и остаемся на ней до тех пор, пока не надоест, или, как сейчас, пока не возникнет угроза. Тогда мы собираем тех, кто помоложе, и сматываемся. Ремонтируем корабль или строим новый. Кстати, наш центр уже выбрал вполне приличную планетку, населенную мирными гоминидами, и всего-то в паре парсеков от Земли.

Голос Ланца звучал монотонно и терпеливо. Инспектор достал сигареты и закурил. Сейчас ему было наплевать на все: организм требовал никотина.

— Гоминидами? — эхом переспросил Уильям. — Понятно...

— Ничего тебе не понятно, — оборвал его Ланц. — Думаешь, мы пропитание ищем? Фильмов насмотрелся, книжек начитался? Эти дураки обычную инициацию посчитали желанием пить кровь! И сколько наших успели погубить своими дурацкими похоронами. А потом еще удивляются, что покойники в могилах переворачиваются! Что им остается, если они просыпаются в гробах под двухметровым слоем земли. А без воздуха даже мы долго не живем.

— Ужасно, — еще сильнее ссутулился Уильям Бирс, хотя куда уж больше — он и так был раздавлен свалившимися на обе его макушки сведениями. — Но Дракула...

— Резидент Влад Цепеш, он же граф Дракула был самонадеянным болваном и лентяем! Вместо того, чтобы починить датчики и точно знать, кого можно иницировать, он действовал наугад. Как же — их светлости! Хочу — кусаю, хочу — нет, а вы уж потом разбирайтесь. Да еще злоупотреблял метаморфозами, что ни ночь — трансформировался в крылана, полетать любил. Самодур, одно слово...

— Но зачем нужно кусать? — рука Уильяма потянулась к шее и ощупала все еще сильно болевшие ранки. — Без этого — никак?

— Извини, но без этого действительно никак. Фермент, изменяющий обмен веществ, содержится в слюне, и без его попадания в кровь в нужном количестве ничего не выйдет. Приходится в артерию. Хотя кто бы знал, как я этого не люблю... А потом еще ждать, иногда довольно долго. Иногда — напрасно. Это хуже всего.

Разглагольствования Ланца прервала тихая трель. Он достал из кармана трубку мобильного телефона, с полминуты молча слушал и отключился. Потом поднял взгляд и усмехнулся в объектив:

— Инспектор, вам не говорили, что подслушивать нехорошо?

Рука инспектора не дрогнула, и столбик пепла удержался на кончике сигареты. Наконец-то водитель догадался связаться с шефом и сообщить, что Торранс застрел где-то в офисе.

— Подглядывать нехорошо, — буркнул инспектор, хотя Ланц не мог его слышать. — А в генные паспорта полицейских заглядывать — хорошо?

Они вошли в кабинет минут через пять — невозмутимый Ланц и симпатичный парень в каком-то странном купальном халате. Могли бы хоть нормальную одежду заранее приготовить, тетери!

— Знакомься, Билли, — инспектор Торранс, — улыбнулся своей приклеенной улыбкой агент группы V-16. — А это... Ну, вы сами знаете.

— Бирс, Уильям Бирс.

Улыбка Бирса понравилась инспектору намного больше, хотя была бледной и вымученной. А Ланц... Да ладно, черт с ним, с Ланцем! Ишь, как покоился на пару окурков, аккуратно потушенных в кофейной чашке.

— Инспектор, мне нужно показать Билли путь к кораблю. Раз уж вы вернулись, не согласитесь посидеть тут пару часов вместо меня? — агент был сама любезность.

— Да хоть до утра, — проворчал Торранс и демонстративно достал еще одну сигарету. Ланц вздохнул, но промолчал.

— Думаю, что мы управимся быстрее. Тут недалеко. В Желтом каньоне.

— Незачем мне это знать, — все так же ворчливо отрезал инспектор. — Катитесь!

— Ну, — ухмыльнулся Ланц, — об этом мы поговорим, когда я вернусь.

С этими словами агент Мартин Ланц вышел из комнаты. Уильям Бирс чуть задержался и робко попросил:

— Там, — он кивнул на монитор, — лежит девушка. Со светлыми волосами. Вы уж присмотрите за ней, пожалуйста.

«Быстро же ты забыл свою Сару», — подумал про себя инспектор и молча кивнул.

— И еще, — парень замялся. — Этот Мартин... он очень больно кусается. Но терпеть можно!

Он потер шею и выскочил вслед за Ланцем.

Дождь за окном продолжал нудно моросить, но сквозь клочья туч уже просвечивал лунный диск. Два черных крылатых силуэта мелькнули на его фоне и исчезли.

Инспектор, наконец, снял свою шляпу и аккуратно положил ее на какой-то слабо жужжащий ящик. Потом покосился на монитор — десять тел под тонким нейлоном ждали своего часа.

Интересно, он станет одиннадцатым уже сегодня или позже. И будут ли спрашивать его мнения по данному поводу?

Но больше всего в данный момент его занимал вопрос: вампиры не переносят табачный дым в принципе, или просто ему попались те, что выбрали здоровый образ жизни?

ДАНИЭЛЬ КЛУГЕР

СИМПАТИЧЕСКАЯ УГРОЗА

Я НЕ ХОЖУ В КИНОТЕАТРЫ И СТАРАЮСЬ НЕ СМОТРЕТЬ кинопрограммы по телевидению. Причина тому — страх, в котором долгое время мне не хотелось признаваться. Впрочем, после внимательного прочтения этих заметок природа моего страха станет понятной и даже покажется вполне естественной — по крайней мере, некоторым из читателей. Хочу лишь сказать, что страх мой вызван отнюдь не голливудскими монстрами, вампирами, динозаврами и прочими порождениями фантазии Лукаса или Спилберга — бутафорию я воспринимаю бутафорией, да и, слава Богу, в состоянии провести грань между экранной сказкой и реальной жизнью. Психика моя вполне устойчива, к психиатрам я не обращаюсь и необходимости в том не испытываю. Если же все, о чем прочтете ниже, покажется вам чем-то чрезмерным, игрой буйного воображения, — что же, в таком случае воспринимайте мои выводы именно как фантазию. Я не обижусь.

Пожалуй, достаточно предварительных объяснений. Перейдем к сути дела.

В свое время, работая над серией очерков об окончании Второй мировой войны, я познакомился с некоторыми документами, находящимися в частных архивах Германии. Времена были уже горбачевские, я получил возможность свободно ездить по германским градам и весям. Говорю «к счастью», потому что, в отличие от СССР, где все, касавшееся войны, хранилось в Архиве Министерства обороны СССР в подмосковном городе Подольске, в Германии это было не столь централизовано. После окончания второй мировой войны многие секретные бумаги оказались в разных зонах оккупации, попали в руки разведок различных стран-участниц антигитлеровской коалиции, а затем были переданы (конечно, не полностью) разным организациям, в том числе (спустя какое-то время) — и частным музеям.

В ходе достаточно долгой работы мне в руки иной раз попадались документы и свидетельства, требующие прояснения, иной раз — откровенно противоречащие свидетельствам другой стороны. Изредка, но все-таки обнаруживались бумаги, содержание которых было вообще необъяснимым.

Именно среди таких редких обнаружился документ, который я так и не смог объяснить сколько-нибудь удовлетворительно. В архиве одного из немецких частных музеев — это был «Веермузеум» города Нойорденсбург (Южная Бавария) — мне попал в руки приказ, вызвавший у меня естествен-

ное недоумение. В приказе речь шла о временном снятии с оборонительных позиций в районе Зееловских высот полка СС «Дас Райх» и о замене его подразделениями «фольксштурма», то есть — народного ополчения. Подпись, стоявшая на запаянной в пластик пожелтевшей бумаге, была, ни много ни мало, командующего ОКВ генерала Кейтеля.

Если учесть, что приказ отдан 28 апреля, за несколько дней до штурма Берлина Красной Армией, что полк СС «Дас Райх» (по некоторым другим данным это был не полк, а бригада, или даже дивизия) относился к наиболее боеспособным соединениям, а фольксштурм, наоборот, состоял из солдат непризывного возраста; если учесть, наконец, что направление на Зееловские высоты должно было стать одним из важнейших в битве за Берлин — думаю, читатель поймет то недоверие, с которым я все это читал.

Директор «Веермузеум» доктор Иоахим Шульц, с которым я поделился сомнениями относительно подлинности документа, сказал:

— Да, я тоже сначала сомневался. Вот заключение экспертов, — он показал несколько скрупулезно составленных бумаг. — Как видите, приказ признан подлинным. Что же до содержания, то... — д-р Шульц развел руками. — Мой старший брат служил в вермахте. Он рассказывал, насколько противоречивыми и порою нелепыми были распоряжения иных командиров в последние месяцы войны. А тут — не то, чтобы месяцы, последние дни перед падением Гитлера.

Объяснение д-ра Шульца меня не удовлетворило. Во-первых, устные распоряжения командиров рот и взводов — одно, а письменный приказ генерала — другое. Несмотря на то, что Кейтель понимал неизбежность поражения, не настолько же он потерял голову, чтобы приближать собственный конец!

Существовало еще одно объяснение. Многие немецкие военачальники обвиняют генерал-фельдмаршала Кейтеля в немислимом лакействе перед Гитлером. Он, якобы, даже имел кличку «Лакейтель». Если бы странное распоряжение исходило из уст фюрера, командующий, наверное, выполнил бы его. Он никогда не спорил с Гитлером. В пользу подлинности свидетельствовали и показанные уже упомянутым выше доктором Иоахимом Шульцем данные экспертизы: некоторые фамилии были мне хорошо известны. И не только мне — например, доктор Йонас Хауген, или криминалист Рейнхард Вальтер, — весьма уважаемые специалисты.

Но если приказ был подлинным и если он исполнялся, должно было найтись объяснение! Документальное распоряжение о том, куда именно, с какой целью отводился целый полк — и в критические дни советского наступления!

Увы, об этом нигде не было сказано ни слова. Единственное, что мне удалось найти в других германских архивах, это упоминание о возвращении полка на позиции — 2 мая 1945 года, после начала штурма Берлина, когда катастрофа (с точки зрения нацистов) уже произошла.

После некоторого размышления я решил этот документ в окончательный вариант книги не включать. Объяснений странным действиям у меня не

было, а фантазировать в тех давних очерках я не хотел — старался вообще не комментировать документы, публиковавшиеся мною. Вскоре бурно развивавшиеся события в нашей стране (первый съезд народных депутатов СССР и все, что последовало за ним) побудили руководство издательства отодвинуть мою книгу куда-то во второй эшелон, а позже и вовсе отказаться от ее издания: дескать, хватает более современных и актуальных проблем. Сейчас уж и издательства того нет, да, честно признаюсь, я и сам утратил интерес к той давней работе.

Что же до странной истории с приказом Кейтеля и необъяснимыми маневрами полка «Дас Райх», то она стала первой загадкой. Другие появлялись постепенно, в течение долгого времени — и, наконец, увязались в единую цепь очень странных, находящихся на грани возможного событий конца Второй мировой войны.

Последние дни и даже месяцы существования Третьего рейха окутаны массой сплетен, слухов, отрывочных сведений и тому подобного. Скрупулезно восстанавливаемая историками картина изобилует белыми, серыми и черными пятнами. Одной из загадок подобного рода можно считать оккультную сторону жизни верхушки нацистского режима. Время от времени в печать до сих пор просачиваются очень странные истории, требующие осмысления — не только в чисто научных целях, но и потому, что тоталитаризм есть страшнейшее порождение нашего века, и никто не поручится за то, что он никогда более не возродится — в каком-либо уголке земного шара.

К таким загадкам относится и странная декорация, сооруженная весной 1945 года в частично пострадавших от бомбежек и артобстрелов павильонах берлинской киностудии «UFA». Я услышал о ней впервые от Давида Марковича Старицкого. Услышал совершенно случайно и совсем недавно. Я был в гостях — не у него, а у его сына Михаила — моего старого друга. Именно в этот вечер по телевидению показывали американский фильм «Фатерланд»: что было бы, если бы нацистская Германия не была разгромлена, а продолжала существовать в наши дни...

Уж не помню, после какого именно эпизода фильма, но Давид Маркович вдруг заговорил о последних днях *той* войны. Ныне он пенсионер, живущий в провинциальном южном городке и вынужденный пользоваться при ходьбе палочкой, регулярно посещать районную поликлинику, словом — вести обычную жизнь пенсионера. Но в мае 1945 года Давид Старицкий был капитаном Советской Армии, командиром 311-го отдельного десантного батальона, в числе первых вошедшего в полуразрушенный Берлин и занявшего комплекс зданий на юго-восточной окраине гитлеровской столицы. Среди прочих захваченных десантниками зданий оказались и корпуса студии «UFA».

Услышав его рассказ, я мгновенно забыл об американском фильме. Так до сих пор и не знаю, чем там закончилось у честного немца и благородной американки.

На следующий день я попросил Старицкого повторить рассказ и записал его на диктофон. Вот расшифровка записи:

— ...Я вхожу в огромный павильон. И испытываю потрясение, какого никогда не испытывал в жизни — ни до, ни после. Ты представь: за стенами горящий Берлин. Идут ожесточенные бои. Все знают: конец войне, счет уже идет не то, что на дни — может быть, на часы, все-таки, на календаре 3-е мая 1945 года. Почти год я нахожусь в Европе. Почти год не видел советской земли, и вдруг, в сердце гитлеровской столицы, войдя в какое-то здание (я ведь не знал, что это киностудия), вижу... Красную площадь. Слева — собор Василия Блаженного, передо мною — метрах в ста, наверное, — кремлевская стена. Справа — Мавзолей. Написано: «Ленин». Я едва не рехнулся... А над куполом Совета Министров, ты вообрази, вместо нашего флага — нацистский, с черной свастики... Смотрю на Спасскую — а там, вместо рубиновых звезд — немецкие орлы. С той же свастикой. «Ну, все, — думаю, — приехали. Пора в медсанбат...» Солдату шепчу: «Ущипни.» А он сам стоит белый, как стена. Вдруг вскинул автомат: как шарахнет!.. Оказалось — крашенный холст. Я до войны в Севастополе бывал, видел панораму Рубо «Оборона Севастополя». Ну вот, тут что-то похожее было: Кремль нарисован на холсте, Собор и Мавзолей — из картона и фанеры. Брусчатка, правда, вроде настоящей. Декорация, одним словом...

Такой рассказ. Объяснить его, конечно, можно было. И Объяснений сразу же нашлось несколько. Например: мало ли какие фильмы снимали немцы? Среди прочего могли снять и вот эдакий, фантастический, о том, как взяли Москву и как над Кремлем появилась свастика.

Могло быть и по-другому: готовили документальный фильм, а декорацию сделали на случай неподходящих погодных условий. В общем, ничего удивительного в этой находке не было. Я пожалел лишь о том, что Давид Маркович не сфотографировал декорации. А вскоре, по его словам, очередной артобстрел превратил и павильон, и сооружение, и картину на холсте в купу пепла.

Правда, в глубине души я чувствовал — что-то не так. Не годятся эти объяснения. Но других не было. И вскоре я забыл об этом рассказе — как и о документе из архива «Веермузеум», вызвавшем у меня сомнения.

Вспомнил я о бутафорской Красной площади в центре горящего Берлина спустя примерно год после возвращения в Москву. Я был в гостях у еще одного моего друга — киноведа Андрея Мальцева. И поведал ему — в порядке курьеза.

Ответ меня поразил.

— Я знаю об этом, — сказал Андрей, выслушав меня со спокойным интересом. — Мало того — я знаю то, о чем ты не знаешь... — и после эффектной паузы сообщил: — Этот фильм существует.

— Ну и ну, — только и смог произнести я. — Ты хочешь сказать, что немцы в сорок первом заранее сняли фильм о взятии Москвы? И что же — фильм демонстрировался в кинотеатрах?

— Не совсем так. Да, фильм сняли. Но, во-первых — не в сорок первом, а в сорок пятом. В конце апреля. В течение одной недели. Во-вторых — демонстрировался он лишь в одном кинотеатре. В служебном помещении

Рейхсканцелярии. Точнее — лично рейхсканцлеру и фюреру немецкого народа Адольфу Гитлеру.

Сказать, что услышанное меня ошеломило, значит не сказать ничего. Я был шокирован и на короткое время онемел. Словно не замечая этого, другой Андрей Анатольевич Мальцев добавил:

— Фильм был снят самой Лени Рифеншталь. Надеюсь, тебе это имя что-то говорит.

Станный вопрос. Кто же не знает Лени Рифеншталь, самую знаменитую и почитаемую кинематографистку гитлеровской Германии. Следует отметить, что она действительно была чрезвычайно одаренным человеком. Ее документальная картина «Триумф воли», снятая в 1938 году, повергла в изумленное восхищение искушенных киношников всего мира. На Каннском фестивале картина получила «Гран-при». Этот фильм, рассказывавший о партийном съезде нацистов в Нюрнберге, создавал почти физическое ощущение колоссальной мощи, взраставшей в Германии, на основе невиданного нигде и никогда ранее единения партийных вождей и немецкого народа. Фильм изобилует множеством находок. Но главное — я узнал об этом не так давно — фильм снимался как игровой, художественный. С десятками дублей, строительством декораций и прочего, прочего, прочего. Гитлер лично выразил благодарность создательнице фильма и преподнес ей громадный букет роз. В своих воспоминаниях Лени Рифеншталь пишет, что, получив этот подарок, она потеряла сознание.

— Парад на Красной площади тоже, естественно, снимался как игровой, — продолжал Андрей. — Вернее было бы сказать — игровой фильм снимался как документальный. То есть, все наоборот. Вот, взгляни, — он протянул мне фотографию. Я взглянул — и обомлел. На фотографии был изображен... парад гитлеровских войск в Москве, на Красной площади. На трибуне стоял сам Гитлер — в полном одиночестве. Лицо его было обращено к небесам.

А у подножья Мавзолея стояли эсэсовцы.

— Фотомонтаж? — спросил я.

— Нет, конечно. Рабочий момент съемок, — ответил он. — Кстати говоря, сам фильм исчез. Но кое-какие рабочие материалы, — он кивнул на фотографию, — попали в руки советского командования. Где они сейчас — неизвестно. Скорее всего, были уничтожены. А у Лени уже не спросишь...

Я снова обратился к фотографии и присмотрелся внимательнее. На древке штандарта, с которым стоял навывтяжку солдат у Мавзолея, я заметил табличку с надписью «Дас Райх».

И словно мгновенная вспышка озарила вдруг мою память. Я вспомнил о необъяснимом приказе фельдмаршала Кейтеля, датированном 28 апреля 1945 года.

В голове у меня начала складываться картина, невероятная в своей фантастичности.

— Андрюша... — сказал я. — Кажется, я могу добавить сюда еще один факт...

И рассказал ему о странных маневрах эсэсовского полка. Сначала он не поверил. Я ткнул пальцем в табличку с названием полка. Он присмотрелся. Удивленно хмыкнул.

— Похоже, ты прав. Похоже, именно солдат этого полка использовали в качестве статистов.

— Но зачем? — потрясенно спросил я. — Для чего? Кому могло прийти в голову заниматься подобными вещами в такое время?

Он не ответил. Я понимал, что у него есть объяснение этому абсурду. Но он почему-то не захотел произносить его вслух. Больше мы в тот вечер не говорили об этом невероятном событии.

Впоследствии я не раз и не два мысленно возвращался к нему. И, несмотря на то, что объяснения не находилось, я всякий раз испытывал чувство иррационального страха. Я не мог понять, что происходило в том далеком и с каждым днем уходящем все дальше 1945 году. Но я чувствовал, что происходило нечто мрачное, темное — и опасное.

Притом, я старался не говорить на эту тему ни с кем — из какого-то суеверного чувства, объяснения которому тоже не находил.

Но недавно мне вдруг позвонил Андрей. По голосу его я понял, что он с трудом сдерживает эмоции.

— Ты слышал, что в архивах студии «ДЕФА» нашли какой-то фильм Лени Рифеншталь, ранее неизвестный? — спросил он. И я сразу понял, о чем он думает. Потому что подумал о том же. — Да-да, — сказал Андрей. — Похоже, тот самый. Приезжай. У меня есть гипотеза.

И я приехал. Меня поразила перемена, случившаяся за это время с моим товарищем. Он осунулся, постарел, глаза, обычно веселые, с озорными чертиками, казались потухшими. Мы едва обменялись приветствиями, и Мальцев сразу заговорил о том загадочном фильме.

— В прошлый раз ты сказал — никто, кроме Гитлера, не мог отдавать приказы Кейтелю. Вопрос: для чего? — сказал он, нервно постукивая по поверхности журнального столика, за которым мы сидели.

— Вопрос: для чего, — повторил я.

И тогда Мальцев невесело усмехнулся и вдруг указал на маленький плакатик, висевший над его книжным шкафом, прямо напротив меня. На плакатике значилось: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино. В.И. Ленин».

— Гитлер, похоже, тоже считал кино важнейшим, — сказал он, уже без усмешки. — И не просто искусством. Важнейшим делом. Самым важным — в какой-то момент.

— Важнее победы? Важнее жизни? — я все еще не верил.

— Почему же? Именно во имя спасения жизни, во имя победы и снимался, — ответил Мальцев серьезно. — Прощу обратить внимание на то, что ни в воспоминаниях самой Лени, ни в воспоминаниях других участников фантастической об этом факте не упоминается ни слова... — он нахмурился. — Вспомни о некоторых других находках, не имеющих рационального объяснения. Например, о жуткой находке в подземных бункерах Рейхсканцелярии — тру-

пах тибетских монахов. Монахи были умерщвлены явно ритуальным образом. Их тела лежали так, словно должны были составить некие фигуры — звезды или что-то подобное. Вспомни о том тумане мистики, который окутывал высшие круги нацистов с самого начала появления этого движения. Вспомни мистическое тайное общество «Туле», куда входили такие люди, как, например, Хаусхоффер. Вспомни, наконец, что даже «Черный Орден» — как иногда называли СС — первоначально задумывался в качестве религиозно-мистической организации на манер средневековых рыцарских орденов. Высшие лица Рейха — в первую очередь, разумеется, сам Гитлер — искренне верили в оккультизм и магию. Кстати сказать, фюрер полагал, что все тот же «Триумф воли» магически воздействовал на аудиторию. И не в переносном смысле... Думаю, в конце войны у него появилось желание спасти режим, прибегнув к оккультным приемам.

И вновь я ощутил приступ страха. Правда, теперь он не казался необъяснимым. Напротив, я начинал понимать, к чему ведет Андрей. Словно на пресловутой киноплёнке в проявочной машине, в сознании моем появлялись отдельные фрагменты мозаики, складывавшиеся в единую картину.

— Симпатическая магия? — спросил я. Он кивнул. Мне показалось, что я лечу в какую-то страшную пропасть. Если все, что мы узнали, имеет к ней отношение, недоумение исчезало.

Симпатической магией называется магия воздействия подобным. Маг воссоздает желаемое событие в миниатюре — с тем, чтобы его действия повторились в реальном мире и реальном масштабе. Например, лепится из воска фигурка человека, над ним проводят нечто вроде обряда крещения, дают ему при этом имя реального человека, потом прокалывается иглой. Тот, чье имя присвоено восковой куколке, непременно должен погибнуть.

Или же в тазике с водой воспроизводится в миниатюре шторм (попросту говоря, ведьма или колдун болтают пальцем в воде, приговаривая при этом соответствующие заклинания). А где-нибудь в Атлантическом океане, безо всяких видимых причин, поднимаются вдруг гигантские валы, и идут на дно десятки судов. Желающих отсылаю к фрагменту неоконченной поэмы А.С.Пушкина, предположительно — к «Бове-королевичу». Там царь-колдун как раз занимается черной магией: пускает в золотой посудине модельки кораблей и топит их, устраивая игрушечный шторм...

— Гитлер фанатично верил в силу магического воздействия кинематографа на массы, — мрачно сказал Андрей. — Не вообще кинематографа, но, во всяком случае, гениальных созданий Лени Рифеншталь. Она казалась ему женщиной, обладавшей мистическими способностями. Понимаешь? И вот, смотри. В киностудии строится декорация, воссоздающая павшую Москву. И снимается кино: парад немцев-победителей на Красной площади. И на трибуне Мавзолея — фюрер...

— Бред... — прошептал я.

— Бред, — согласился он. — Но для свято уверовавших в оккультные чудеса нацистских вождей — реальность. Столь важная, что буквально накануне решающей битвы за Берлин с фронта снимается одно из самых боеспо-

собных эсэсовских соединений — полк «Дас Райх». Чтобы пройти парадом перед безумным фюрером...

Я чувствовал, что мой друг говорит правду. И дикое действо было зафиксировано на пленку. И монтировалось не кем-нибудь, а самым блестящим режиссером-документалистом середины XX века.

Боже мой, подумал я, на улицах решалась судьба режима, собственно, уже была решена, а Гитлер, в подземном кабинете, за толстыми стенами, смотрел, как его армия марширует по Красной площади, видел себя на трибуне, принимающим победный парад, — и верил в то, что это безумное действо каким-то образом спасет его...

Безумное ли?

— Погоди... — пробормотал я. — Погоди: ты сказал, кажется, его нашли? Этот фильм?

Он кивнул.

— И... его собираются демонстрировать?

Андрей пожал плечами.

— Не удивлюсь, если ему устроят мировую премьеру. Почему бы и нет? Прокрутят одновременно во всех кинотеатрах и по всем киноканалам.

В оцепенении я уставился на своего друга и словно воочию увидел, как сотен тысяч экранов прямо в наш день мерно шагают материализовавшиеся эсэсовцы, напутствуемые ожившим — или никогда не умиравшим — фюрером.

Сколько еще ждать мировой премьеры? Год, месяц?

День?

ЛЕВ ПРОЗОРОВ

МИЛОСЕРДИЕ

ЕЧЕРОМ ШУРШУН УМЕР.

Вообще-то для крысы Шуршун был стар — три с половиной года. Ровно на полгода он уж пережил средний срок жизни своего голохвостого племени — в неволе, естественно. В природе, где всегда наготове когти и зубы хищников, колеса машин и повозок, конские копыта, ловушки и яды, выдуманные людьми, крыса живет еще меньше.

Насмешка судьбы: он умер в результате попытки продлить его жизнь. Сычиха сболтнула Стаське и Ждану, что крысы, ставшие папами и мамами, живут дольше. И повернулся язык о таких вещах с малолетками разговаривать! Впрочем, у Сычихи он сроду без костей. Стаська, понятное дело, враз загорелась добыть Шуршуну «жену». Чего, поди, Сычиха и хотела — надо ж свой питомник сокращать. Собственно, я был не против. Просто то, насколько быстро все эти дела делаются у крыс, для меня явилось полной неожиданностью. Багряна вообще сомневалась, что Шуршун что-то сумеет. Уж больно стар был: лапка задняя отказала, мочился под себя, но все еще тянул подслеповатую, лысеющую мордочку к нашим пальцам, ожидая ласки. Однако уже через две недели невеста со смешной кличкой Пошаренка щеголяла с изрядным пузцом. Багряна продолжала сомневаться, думая, что пузо крыска просто наела. И то сказать, ни на аппетит, ни на скудность стола маленькие любимцы семьи не жаловались. Мало на свете зрелищ, столь трогательных, как обедающая крыса, чинно сжимающая угощение в розовых младенческих ладошках.

А еще через неделю Пошаренка ночью принялась шуршать в клетке сеном, строя гнездо, и, глядь, уже попискивает-копошится кучка красных червячков, а Пошаренка стоит над ними с выражением «Что это и откуда оно взялось?!». А потом принялась перетаскивать мелюзгу на второй этаж клетки, подальше от Шуршуна.

«Может, она боится, что он их съест?» — нервно предположила Багряна. Я пожал плечами — мол, тут надо у нашей крысководки узнавать. Со звонилась с Сычихой, сообщил, что Пошаренка ее-де мужу не доверяет. «Правильно не доверяет, — отозвались на том конце провода. — Мужика надо отселять».

Леший! Не могла раньше сказать...

На часах было семь вечера. Все лавки, кроме торговавших снедью, уже позакрывались. На всякий случай все же отправили Дануту к «Товарам для зверей», я пошел к «Домашним любимцам». Увы, чуда не произошло. Все было закрыто. Второй клетки в доме не было. Мы все — я, Багряна, Стаська, даже пятилетний Ждан — замолкли, озадаченно глядя друг на друга.

Посадить в ванную? Вылезет, и, чего доброго, убьется об твердый пол. Бачок для белья (Дануту перекосило) — благо стены в узорчатых дырках, и с воздухом сложностей не будет? Взберется, откроет легкую крышку и удерет. Опять же, в обоих случаях наши кошки... Рыжка уже прожила в одном доме с Шурушном три года из его четырех с половиной, она, может, неуклюжего толстяка и не тронет, и вообще, привыкла, что еда лежит в миске, а не бегает по полу. А вот недавно притащенный Стаськой с улицы Уголек — этот очень даже может.

Багряна вдруг воскликнула: «А давайте посадим его в банку!»

Эту мысль все одобрили. Данута с детьми ушли на кухню, и вскоре появились с банкой., которую нес сияющий Ждан. Я вынул флегматичного Шурушуна, вяло вертящего плохо гнущимся хвостом, из клетки. Уголек прекратил ловить хвост полудремлющей Рыжки и заинтересованно уставился на крыса, которого я передал в чуть подрагивающие от радостного волнения руки Стаськи.

— Нельзя, Уголек! — строго сказала Багряна, щелкая по черному носику подавшегося вперед котенка. — Нельзя трогать Шурушуна, понятно?

Судя по мордочке Уголька, я бы этого не сказал. Единственное, что он понимал, что здесь ему, подобранному на осенней улице, мокрому, грязному комочку, очищенному от блох, помьтому, с переставшими гноиться глазами (а как орал, когда Стаська мыла эти бесстыжие зенки спитым чаем! У девочки и сейчас на руках царапины не сошли), отъевшемся, очень даже хорошо. И за щелчок по носу он на нас не сердится.

Ждан напихал в банку сена, и Шурушуна водворили на новое место. Однако старый флегматик вскорости предпринял попытку покинуть новое жилище. Пришлось мне возвращать беглеца, а Стаське с Жданом бежать на кухню за крышкой и ножом, которым они, под бдительным надзором Багряны и Дануты, наvertsели в крышке дырок. Шурушун, однако, все вставал на задние лапки — точнее, на лапку, наваливался на стенку банки облысевшим вечно мокрым брюхом и водил передними лапками по стеклу, постукивая коготками.

Потом Багряна сказала, что Пошаренке с малышами нужна тишина, и мы отправились в детскую, а Данута — на кухню, готовить ужин.

Уже после ужина, когда мы вернулись в гостиную для вечерней молитвы, Стаська вдруг испуганно воскликнула:

— Ой, что это с Шурушном?!

По спине холодными лапками побежали мурашки. Слишком уж неподвижно лежал на соломе свернувшийся калачиком зверек. Ждан подскочил к банке, принялся ее открывать — и Шурушун, не меняя закованной позы,

тем же калачиком съехал на стеклянный бок банки. На нас смотрели неподвижные черные бусинки мертвых глаз.

Багряна зажала рот руками...

На вечерней молитве Стаська дрожащим голосом просила у Велеса — Бога зверей и мертвецов — милости к маленькому зверьку, что ушел из жизни по нашей оплошности, попросить у него простить нас, обещала заботиться «о бедной вдове и осиротевших малютках». Ждан просто ревел в голос. Багряна уткнулась мне в плечо, и я чувствовал, как рубаха на этом плече намокает. Не буду врать, мои глаза тоже сухими не остались. Более-менее спокойной оставалась только Данута, поменявшая свое обычное чопорное выражение лица, на чопорно-скорбное. Сдается мне, она искренне не понимала, с какого перепугу мы так убиваемся из-за крысы — в деревне, откуда она была родом, такого добра были полны амбары, и это обстоятельство никого не радовало. Ну, в общем, спасибо уже и на том, что не проявляла своего недоумения.

Я пообещал Ждану и Стаське, что Шуршуна мы похороним. Конечно, он не человек, и огненное погребение не для него, но можно закопать его под кустом роз во дворе. Но для этого надо рано встать, а значит — рано ложиться. Всхлипывающие малыши удалились в детскую вместе с Данутой и Багряной. Не знаю, кто из них сейчас жалеет Шуршуна больше — Стаська, помнящая, как в дом принесли пушистый комочек с голым хвостиком, или Ждан, для которого Шуршун был чем-то неизменным, изначальной частью дома. Он еще долго звал всех крыс и мышей в детских книжках «шушун»...

Багряна пришла, когда я уже разделся и лег в постель.

— Уснули, — шепнула она, заскальзывая под одеяло. — У Стаськи под боком Рыжка мурчит, а в ногах Уголек свернулся.

Я молча кивнул. Честно говоря, рот я открывать боялся — боялся, что зареву самым позорным образом, не лучше Жданки — разве что тише.

Отец и муж не может проявлять слабость перед домочадцами. Но в те минуты, пока я лежал в темноте наедине с собою, жалость к зверьку и чувство вины успели прогрызть в моей выдержке изрядные дыры.

— Тебе плохо, милый? — раздался у самого уха шепот Багряны.

Леший... эта женщина видит меня насквозь.

— Я должен был. Я ж старший, я отвечаю, я должен был подумать! И это я, я не додумался, что он надышит полную банку углекислого и задохнется — я, как будто я не знаю, что такое задохнуться в запертом помещении!

Я треснул себя кулаком по лбу так, что в спальне, казалось, стало светло от полетевших из глаз искр. По крайней мере, так проще объяснить — хотя бы себе — приснувшие-таки из глаз злые капельки...

— Перестань. — Она обхватила мою руку, прижимаясь ко мне. — Перестань, ладно? Ты не виноват.

Я только помотал головой.

— Как представляю, как он задыхался там, когда мы играли, ужинали...

Боги, ну что бы мне зайти к нему перед ужином! Да хотя бы положить банку на бок... Боги, он же пытался выбраться...

— Ты не можешь знать, что было бы, если бы... — возразила Багряна. — Ты ведь не Бог. В конце концов, знаешь, Шуршун и так уже прожил долгую жизнь — по крысиным меркам, конечно. Откуда ты знаешь, может, он все равно умер бы в этот день, даже если бы мы его не трогали? Просто так совпало. Ведь он уже был очень, очень стар...

— Слушай, перестань. И так душа разрывается от мысли, как мало им отмерено жить... всего год назад был молодой, полный жизни зверь — и вдруг раз, и старичок с лысой мордочкой, потускневшими глазками, отказавшей лапкой... Это несправедливо, леший их всех задер!

— Прекрати!!! — голос Багряны вдруг стал резким, как оплеуха. Я даже дернулся от неожиданности, словно меня и впрямь ударили. — Ты же не хочешь сказать, что *Боги* несправедливы, верно?!

Багряна очень благочестивая женщина. Мы за все годы брака ссорились с ней три или четыре раза, и все — из-за вопросов веры. Права, конечно, оказывалась она.

Я заверил ее, что не думаю ничего такого, и она посоветовала мне постараться заснуть. Кое-кто ведь обещал детям, что с утра пойдет с ними на похороны крысы.

Заснуть я так и не заснул. Слушал в темноте мерное дыхание Багряны. А стоило только прикрыть глаза — и мерещился укоризненный взор мертвых черных бусинок, когда-то таких живых и любопытных. Словно мертвый зверек недоумевал, как могли любимые хозяева оставить его на столь ужасную смерть...

Так я и встретил визг будильника. Чувствуя себя плохо обожженным Глиняшкой, встал, оделся, вместе с уже одетыми малышами совершил утренние обряды. Но стоило подняться от божницы, как в уши врезался писк нескольких маленьких глоток. Я повернулся на этот звук — и чувство вины снова радостно запустило в истерзанную за ночь совесть острые резцы.

У решетки клетки стояла на задних лапках, цепляясь передними за прутья, Пошаренка. Взгляд крыски метался по комнате, будто она что-то искала.

Не будто. И не что-то — кого.

Спасибо Дануте — крепкий чай уже дожидался меня на подносе. Я могу не завтракать, завтрак — это, скорее, такой же обряд, а не потребность тела. Но крепкий чай утром быть просто обязан. Особенно, если за всю ночь я толком не сомкнул глаз.

Вернув на поднос опустевший стакан и кивком поблагодарив Дануту, я повернулся к входившим в гостиную детям. Одеты они были очень строго — в красный и черный цвета, цвета скорби по покойному.

«Это не слишком?» — одними губами спросил я Багряну, глядя ей в глаза. Она, чуть прикрыв веки, покачала головой.

«В конце концов, этому им тоже надо научиться», — негромко произнесла она.

Рыжка вышла нас провожать, зевая во всю розовую пасть. Прискакал Уголек и тут же стал ловить наши шнуры. «Опять у гробового входа младая будет жизнь играть...»

Шуршуна закопали в соседнем сквере, между кустами роз, с которых облезали последние побуревшие листья, и голыми ивами. Благо, по пути случилась цветочница, с корзиной товара торопящаяся в Старый город. Мы купили у ней четыре цветка, а девушка пожелала «земли пухом» — думала, наверно, что мы собрались на настоящие похороны. Стася поблагодарила ее — тихо и скорбно, опустив глаза. Поблагодарили и мы с Багрянной, а Ждан только утирал нос и глаза.

Мы с Жданом выкопали ямку — ну, конечно, копал в основном я, но и Ждан честно старался своим совочком. Утренний морозец уже прихватывал землю, она хрустела под лопаткой. Уложили в ямку белый платок, на него совсем уж закоченевшее тельце зверька. Перед тем, как уложить в ямку, Стася поцеловала крысу в холодный носик. Ждан погладил его, Багряна почесала кончиком ногтя за оттопыренным ушком, а я почесал шейку. Он очень любил это, при жизни. Если считал, что я слишком рано отнимаю пальцы, ловил их лапками и тянул назад, к шейке.

— Как малыш... — тихо сказала Багряна.

Я кивнул. Крыс лежал на платке, свернувшись калачиком. Так хоронили младенцев, тех, кто еще не заслужил ни светлых садов Ирия, ни холодных топей Кошно. Только лишь возможность прожить еще раз, уйдя в утробу Земли свернувшимся, как зародыш...

Затем платок свернули, Стаська насыпала сверху горсточку крысиного корма и горсточку зерен — дар Маре, Принимающей, Дабы Возродить. Все это мы засыпали землей, уложили вынутый дерн на место, и Стаська, всхлипывая, положила поверх бурых травинок четыре цветка.

Лопатку я вручил Багряне — она с Жданом отправлялись домой. Данута повела Стаську в училище, выслушав от Багряны перечень лавок, в которые надо зайти на обратном пути, и покупок, которые надо в них сделать. А я поцеловал на прощание Багрянку и отправился к перекрестку, где меня подбирила наша машина.

Люблю вот эти моменты весны или осени — хотя весной, конечно, это случается чаще, — когда в утренних сумерках еще не погасли круглые белые головы фонарей, налитые желтым электрическим светом. Был бы художником, написал бы нашу улицу в такое мгновение. По влажному покрытию уже шуршали колеса, где-то хлопали двери, топотали ноги. Люди шли на работу, на службу.

Подкатила служебная кола, затормозила, продолжая пыхтеть мотором. С шорохом разошлись двери. Я вошел, пожал руку водителю — Гридате — и прошел в тот конец колы, где сидела моя смена, почти вся — Марец, Жмен и Бажера. Машина качнулась, трогаясь с места. Пошла вновь шелестеть, наматывая на колеса скудные городские километры.

Хоть бы скорее приехать на работу. Любимое дело поможет забыться, сгладит горечь потери, уймет вгрызшееся в душу чувство вины...

— Старшой, ты чего такой смутный нынче? — обратился ко мне седоусый Жмен. — Не спал?

Я пожал плечами.

— Да крыс помер... Шуршун.

— О-ох, — искренне посочувствовал Жмен, надломляя изжелта-седые брови. — Детишки-то плакали, поди?

— Плакали, — кивнул я.

— Ну а то... все ж живая тварь, да и привыкли уж. Жалко.

Я только благодарно прикрыл глаза.

— Багряна расстроилась? — тихо спросила Бажера, взглянув мне в лицо.

Да, — вздохнул я. Она положила мне руку на ладонь, подержала несколько мгновений и убрала.

Кола притормозила, остановилась, зашипела, разводя двери. В них влетел Зворыка, как всегда, встрепанный, как всегда, довольный собой и жизнью. Я невольно улыбнулся, глядя в его лицо.

— Всем здорова! — заорал он, пошатываясь от рывка резко взявшей с места колы. — Старшой, ау, не спи, замерзнешь! Че смурной? Не спал, что ль? Решил Ждану младшенького братца настрогать?

Иногда задумываюсь: как мы только его выносим?

— Крыс у нас помер. Шуршун который, — от повторения этих слов они словно истирались, теряя режущие душу острые краешки...

— Ох, блин, ни шиша! — Зворыка плюхнулся рядом. — А Жданка чего? Плакал?

— Плакал, — вновь подтвердил я. Зворыка принахмурил на миг брови, потом тряхнул головой.

— Когда с горя, это ничего. Главное, чтоб со страху не ревел и от боли. Слушай! — загорается он. — А давай им куклу подарим! Я вроде в отвале видел...

Я не успеваю сдержать улыбку, Жмен кашляет в густые усы, а Бажера и вовсе смеется.

— Ох, Зворыка... ты иной раз скажешь — хоть падай. Что, мы получаем мало, по отвалам лазать? Надо будет, старшой сам как-нибудь детям игрушки купит. Верно я говорю?

Я снова кивнул и откинулся на спинку сиденья, больше почувствовав, чем увидев из-под полуприкрытых век, как Зворыка вновь открыл рот, как молчун Марец сунул ему в бок кулаком, а Бажера, хмурясь, поднесла палец к губам.

Эх, ребята, как я вас люблю — почти, как свою семью. Вас и нашу с вами работу. Нужную работу. Правильную работу. Работу, мысли о которой гасят боль и притупляют вину.

Вот и ворота. У проходной уже стоят служебные колы, выгружая обслугу. Выходит народ навстречу из служебного входа. Шум, разговоры, смех.

— Здорово, е бань! — горланит Зворыка.

— Че ты сказал?! — сердито хмурится идущий навстречу здоровяк Журяга. — А ну повтори!

— А чего? «Е бань» по-китайски, знаешь что? Ночная смена, и все. Да вон хоть старшего спроси...

— Ох, Зворыка, укоротят тебе когда-нибудь язык, — покачивает головой Марец.

Я улыбаюсь. На самом деле Зворыку все не просто терпят — любят. Его балагурские выходки здорово помогают в работе.

В добром нашем деле.

Охранник, задумчиво потрепывающий за ухом здоровенную овчарку, окликает нашу пятерку:

— Эй, приемщики! Нынче вам мороки будет — состав пришел. Пять вагонов!

— Пять вагонов? — ахает Зворыка. — Откуда ж только берутся?! Леший, плодятся, будто кры... ой!

Это Бажера навесила ему звонкую затрепину. Зворыка виновато чешет затылок, оглядывается на меня.

— Извини, старшой, я так, не подумавши... сболтнулось...

У проходной стоит Дед. Увидев меня, изумленно шевелит левой бровью, потом манит заскоружлым толстым пальцем,

— А ну, иди сюда.

Принюхивается.

— Хм... не знай я тебя, подумал бы, что с похмелья на службу идешь. Лицо зеленое, под глазами круги. Чего стряслось? — он понижает голос, предупредительно наклоняясь ко мне.

Я снова рассказываю, теперь уже поподробнее: от Деда двумя словами не отмашешься. Рассказываю и гляжу в пол. Поймет ли Дед? Все же человек старшего поколения, да и переживший побольше моего. Не посмеется ли надо мной, раскисшим из-за домашнего зверька?

Тяжелая ладонь Деда ложится мне на плечо.

— Эх, сынок, да если б ты не таким был, я б тебя здесь не держал! Милосердие, знаешь, свойство человека нашей крови. А чужаков непонятно каких нам тут не надо! Ну, давай, иди, работай.

Странно, но сень ворот словно придает бодрости, прошлое остается за ними, прошлое, скорбь, чувство вины...

Мы — люди, делающие свое дело...

Застегнут спецкостюм, оснащенный — мало ли что! — защитными пластинами.

...Нужное дело...

Выходим в выстуженный утренником приемный зал. Охранники на своих местах, на галерее.

Необходимое дело...

Двери больших серых вагонов открываются с хрустом — успели схватиться ледком.

Тоже, в своем роде, дело милосердия...

Зворыка снимает пломбу, ключом отмыкает дверь первого вагона, и прохлада нашего осеннего утра оскверняется облаком зловонного пара — пара,

пахнущего чужими телами, чужим потом, чужими одеждами и чужой едой. Не глядя, вижу, как черствеет под газовой маской, ссыхаясь в ухмылку, вечная улыбка Зворыки, как каменеют под другой морщины Жмена, как индевеют за стеклами синие глаза Бажеры. Один я держу маску спущенной на грудь — иначе не поднесешь к губам мегафон:

— ПЕРВЫЙ ВАГОН! НА ВЫХОД! ЖЕНЩИНЫ НАЛЕВО! МУЖЧИНЫ НАПРАВО! МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПРОТЕЗЫ СНЯТЬ, СЛОЖИТЬ В ЖЕЛТЫЙ БОКС! КОЛОННОЙ ПО ДВОЕ СТРОЙСЯ! ЖЕНЩИНЫ — В ДВЕРЬ НОМЕР ОДИН...

АЛЕКСАНДР МЕШАЙКИН

БЕДНОСТЬ КАК НЕЙТРИНО

И ОДИН ИЗ ТЕХ СВОЛОЧЕЙ, КОТОРЫЕ КЛЯЛИСЬ В ВЕЧНОЙ дружбе, не захотел мне помочь.

...Шелест корабельного коммутатора.

— НЕТ!.. Ни экю не дам!.. Выкручивайся сам Ник...

Сигнал отключения связи.

Это не слишком приятно — понимать, что все тебя бросили. Всем плевать на то, что будет с тобой дальше.

— Славик?.. Владислав? — Переливчатая трель бежит по рубке, заглядывает в углы, прячется за навигационными панелями. — Это Николай. Выйди на связь.

— Чего тебе?

— Послушай, Славик...

— Денег хочешь? Нету у меня.

— Славик...

За сотни световых лет отсюда человек жмет клавишу. Отбой.

— Джозеф? Это Ник...

— Не слышу...

— ЭТО НИК! Переведи мне тысячу на счет в галактика-банке!

— Ник? Не слышу...

Конец связи.

Надо поесть. Мне обязательно надо отвлечься — иначе я просто сойду с ума.

...Мягкий звон.

Нет, это не в ушах. Просто накрывается весь контур корабельной связи. Я окончательно истощил энергоресурс вызовом капитану Джо. Эх, Джо!.. Ты был мой последней надеждой...

— Стелла... — В ответ только мягкий шелест коммутатора. На звездолете осталось слишком мало эргов, чтобы питать искусственный разум. Он ушел в себя и отключил питающие элементы. — Стелла!.. О, черт!

Я поднимаюсь с противоперегрузочного кресла и как во сне бреду в единственную каюту. Тяжелые ботинки слишком притягивают ноги к полу, в этом местечке гравитация чуть больше земной. Гравикомпенсаторы могли бы помочь, но сегодня не тот день...

Будь она проклята, вездесущая нищета! Ты летишь от звезды к звезде, и ее призрак летит следом за тобой. Мало кому дано понять, что это значит —

быть нищим капитаном. Еле сводить концы с концами. Перебиваться доставкой грузов омерзительного вида и запаха.

Бр-р-р... Ты распахиваешь скользкие контейнеры по дальним углам грузового отсека, пытаешься понять, не прогниет ли обшивка насквозь, если содержимое случайно на нее попадет. Экономишь на изолирующем гелепласте. Корабль после рейса порой воняет так, как будто на нем везли дохлого пачкуна с планеты Урунди.

На роботе-погрузчике месяц назад вышли из строя основные узлы. Ни один техник, который мне по карману, не берется за починку, и приходится все таскать самому или договариваться с портовыми грузчиками.

Стелле давно не хватает блоков памяти. Иногда я думаю: вдруг она выведет корабль из гиперпрыжка не возле звезды, а внутри нее.

На моем корабле нет камбуза. Да и что я бы стал там готовить? Пищевые концентраты отдают вкусом металла. Выдавливая из пищевой тубы полужидкую массу, я внезапно радуюсь, что вокруг темно.

Я возвращаюсь обратно в рубку. Коммутатор хрипит что-то нечленораздельное

— Стелла!.. Оживи. Мне нужна информация!

В верхней части помещения, как раз над пультом висит голоэкрэн. На новых звездолетах сейчас монтируют полную бортовую систему проекторов, и искин может появляться где угодно и в полный рост. Но моей «Артемиде» исполняется сто лет в обед, а роскошью здесь и не пахнет.

В пересечении лучей появляется крохотная фигурка девушки, она мерцает и расплывается.

— Расчет энергии на контакт... — слышу я тихий голос в своей голове. — Семьдесят секунд...

Это значит, что через минуту с лишним Стелла исчезнет. Она затаится в жидких кристаллах, и будет терпеливо ждать, пока ее не слишком удачливый капитан соизволит раздобыть минимум энергоносителей.

— Какой запас нужен для полета на Орион? Прыжок плюс посадка на Систу.

Мы со Стеллой давно научились понимать друг друга с полуслова. Она уже несколько лет была искином «Артемиды», когда корабль перешел ко мне. Искина можно выключить, попросить перестать функционировать или просто стереть, но я решил оставить все как есть.

Так проще — и дешевле.

— Пять грамм селиума. — Пауза. — Эквивалент — два килограмма плутония или восемьсот литров стандартного топлива.

— А на Капеллу-5?

— Шесть грамм селиума...

— Стоп! — голос утихает. — Все понятно... Батареи что-то ловят?

— Нет. Имеющихся источников недостаточно.

— Ладно... Отключайся.

Фигурка исчезает, и я вновь остаюсь в пустоте мертвого корабля.

Энергопоглотители на плоскостях слишком маломощны. В других местах они вполне могли бы поддерживать элементарную функциональность систем «Артемиды» — накапливать и запасать кванты и джоули, но не на Герде. Планета промерзла насквозь, никакого расплавленного ядра. Солнце слишком далеко, да и не может умирающий красный гигант дать большой плотности излучения.

Надо собираться на факторию за плутонием, приобрести хоть немного для служб корабля, селиум же можно взять только в отделении Галактика-банка. Причем здесь он чертовски дорогой, а стандартного топлива и в помине нет.

Я не способен заплатить местным добытчикам за то количество плутония, которого хватит для полета на Сиесту — там-то точно будет, чем поживиться. Может быть, и на Капелле... Ближе достойных портов нет — только мелкие базы. Мне туда дорога заказана...

И вот я жду с неба кометы. Последний фрахт был мелким — кучка запчастей и инфокристаллов для горной техники — ведь на Герде нет комплексов производства, только добыча, обогащение и отправка руды, и вдобавок в этой чертовой системе корабль попал в метеоритный поток.

Стелла не справилась со всеми микрометеоритами. Пришлось потратить-ся на замену отдельных участков наружного слоя обшивки. Интересно, когда же, наконец, я установлю нормальный генератор защитного поля?..

Я надеялся только на то, что улечу отсюда с полным трюмом, но фрахта нет... Может, стоит стать старателем? За год, наверное, накоплю денег, чтобы заправиться и полететь дальше.

Будь оно все проклято!!!

Одна ржавая железяка и целая вселенная разочарования — вот и все, что я нажил за тридцать лет. Если не попал в струю, можно странствовать от одного созвездия к другому, из галактики в галактику, и в итоге ничего не добиться. Умереть от голода и холода, в местечке похожем на это, а вовсе не в схватке с космическими пиратами или попав под взрыв сверхновой.

Ты крутишься, заводишь свое дело, тебя давят планетарными налогами и пошлинами, ставят подножки. Где-то может повезти, но везение быстро кончается. Ты все теряешь, не сдаешься, вновь лезешь напролом и в обход, и, в конце концов, оказываешься в захолустье, здесь, на этом чертовом промерзшем шарике.

Никаких запасных ресурсов. Никаких планет за душой, даже самого завалящего астероида, который мог бы послужить залогом для кредитных злодеев из банка.

Я кинул опустевший тубик на горку других, скопившихся за неделю в дальнем углу рубки, и решил, что пора отливать. Придется выбираться наружу — санузел не работает, впрочем, как и утилизатор.

Коридоры звездолета, чуть подсвечиваются огоньками контрольных лазердиодов — что-то со вчерашнего дня огоньков стало меньше. Дойти к шлюзу в темноте не представляет труда, «Артемиды» не похожа на меж-

галактический лайнер. Да что там лайнер! Более мелкого суденышка, наверное, не найти во всей вселенной.

Красный гигант прятался за горизонт, освещая мертвенным заревом каменистую пустыню, покрытую жиденьким слоем снега. Слава духам космоса, на планете есть пригодная для дыхания атмосфера, еще осталась с лучших времен, иначе был бы вообще каюк. Но температура круглый год не дает высунуть нос из термоодежды. В среднем, что-то около минус тридцати по ртутному термометру. Интересно, кто-нибудь сталкивался с постоянным отсутствием энергии на корабле? Сталкивались, скорее всего.

Таких, как я — миллионы.

Когда я закончил выводить струей замысловатый зигзаг возле нижней ступеньки трапа, то, обернувшись, заметил, что от здания администрации горняков к посадочной площадке направляются две фигуры.

Неужели фрахт?!!

Теперь одна мысль об этом, согревала душу и тело. Если вы будете питаться месяц безвкусными рационами и неделю мыться в перетопленном снеге, вы легко поймете, что я ощутил при виде двух, направляющихся ко мне, людей.

Впрочем, не совсем людей. Нас отделяло метров пятьдесят, а недостатки если у меня и есть, то уж явно не со зрением.

Человек рядом с собакой смотрится совсем неплохо, особенно, если эта собака раза в три больше него по габаритам и чинно вышагивает рядом. Эдакая победа хомоэкспансии на наглядном примере.

Гип-гип, ура! Все садятся в звездолеты и продолжают покорять вселенную...

Собака была киноидом, коренным обитателем Эльвиры — планеты с таким же красным недоразумением вместо солнца, как и тут, в созвездии Дракона. В прошлом, киноиды дважды поднимали восстание против землян, сопротивлялись проникновению и слиянию культур. Но наши дипломаты постарались на славу — еще бы! Там двадцать планет пригодных для хомоэкспансии и потенциально дружественная раса. Теперь мы любим друг друга.

А как иначе? Сейчас эти ребята из администрации подойдут. Мне предстоит узнать, кто из них главный...

Шли они совсем неторопливо, можно сказать, даже вышагивали по занесенной поземкой дороге, ведущей от корпусов обеспечения ко взлетному полю. Еще бы — с чего торопиться? Человек, наверное, в термокостюме, специально адаптированном под местные условия, а киноид — представитель одной из немногих рас, нечувствительных к пониженным температурам.

Когда парочка приблизилась, я окончательно стал похож на ледяную глыбу, почему-то принявшую столь причудливую форму.

— Приветствую, землянин Ник! Я — Соргел, — торжественно провозгласил огромный пес. У него был серый мех и прорва пьетета. Впрочем, с такой

же торжественностью он мог и перервать глотку — инстинкты, черт бы их побрал! Фраза вышла не слишком внятной — много низких частот. У себя дома эти ребята общались большей частью невербально, с помощью прикосновений, жестов и мимики.

Администратор-человек только пренебрежительно кивнул и буркнул. — Кристи Иванов.

— В корабль! — простучал зубами я, и бегом поднялся по трапу.

Внутри было ненамного теплей. Шлюз я открывал и закрывал вручную — холода напустил порядком. Включить нагревательные элементы возможности не было никакой.

Только бы был фрахт!

— Я вижу, дела у тебя не ахти как идут... — Гости зажгли свои поясные фонари. В тусклом свете усмешка киноида выглядела пугающе. — Держи, аванс...

Пес на мгновение прикоснулся лапой к поясу — другой одежды на нем просто не было — а затем протянул мне маленький кубик. Контейнер для силиума вместительностью один грамм. В другое время я бы так не обрадовался и тонне...

— Где у тебя здесь кают-компания?.. — киноид повернулся к спутнику.

— Кристи, — пожаловался он. — Это пятый нищий капитан за последний год. Неужели других у вас нет?

Я почти физически почувствовал, как напрягся этот Кристи.

Брось, дружище. Бедность не порок...

Никто не виноват в том, что наша раса вытащила нищету с родной планеты в космос. Это, так сказать, расовая изюминка — делиться на богатых и бедных.

Захватывать новое жизненное пространство, осваивать галактику, создавать уникальные технологии — и плодить миллиарды бедняков. Мы гордо произносим слово «человечность», но очень часто не способны просто человечески поддержать друг друга. Просто, когда мы жили на одной планете, это было не так заметно...

— И что я могу сделать? Каждый должен заботиться о себе сам...

— Бросьте вы... — я махнул рукой. — Кают-компания справа по коридору, можете подождать, пока я вожусь с реактором.

— Нет, — сказал Кристи, и меня обдало волной презрения. — Мы пойдем.

Мертвый корабль ожил. Вслушиваясь в гудение механизмов, ощущая вибрацию пенометаллического пола, я и сам словно возвращался из мертвых. Если мои гости не потребовали именем закона убираться и не мозолить им глаза, а дали задаток — ведь кубик селиума стоит расценивать именно так — значит, захотят что-то куда-то отвезти. Не пришли же они сюда рассказать последние новости.

Хорошо бы если груз требуется доставить к Сиесте! А то может быть из огня да в полымя, на какой-нибудь затерянный планетоид в соседней системе. На Водолее этих разработок полным-полно.

Я неторопливо побрел к кают-компании. Надо держать себя в руках, даже

если ситуация удручающая. Они вряд ли позволят поторговаться, видят, что деваться мне некуда.

Проходя по коридору, я грустью отметил, что пора менять плиты внутренней обшивки, а еще не зажигалась одна плазменная лампа. Из щели возле пола вяло выбрался жучек-уборщик и пополз в направлении рубки. Мой корабль служил мне домом, и этот дом давно пришел в упадок. Значит, надо либо что-то решать с домом, либо просто его менять. Мысли о жизни где-то в одном месте, в одной точке космоса, я старательно отгонял. Наверное, зря...

Мои гости сидели рядышком на дальнем от входа диване и обсуждали какую-то поломку, случившуюся в шахте.

— Ну, что тут у вас, мои дорогие? — я расположился напротив.

— Фрахт, — с улыбкой произнес Соргел, прерывая беседу. — Я думаю, он тебе не помешает...

— Что везти и куда лететь? Учтите, на Квинту или Родион я не согласен — что мне потом делать? Там даже нос из корабля нельзя высунуть.

— Ты бы согласился, — улыбка киноида стала шире, — но рейс не туда. Точнее, не совсем туда. А везти тебе предстоит пассажиров.

— Пассажиров? Мой корабль...

— ...Развалюха, — закончил Кристи. — Это легко заметить... Но мы не придиричвые...

Великий Космос! КАК он это сказал! Будто я взял кредит, и он позволяет мне не торопиться с возвратом; но сейчас я согласен и на такое обращение.

Ненавижу чинуш, особенно людей.

К собакам и то терпимей отношусь. Киноиды всегда были доброжелательны и к себе, и к другим. Никогда не позволят бестактность, в любой момент могут протянуть руку — лапу? — помощи. Вон, Соргел, сидит, пасть до ушей растянул — клыки наружу. Быть может, ему жарко стало?

А в том, что созвездие решило восстать, исключительно наша, людская заслуга. Увидели собак и отнеслись соответственно. Да еще заразу бедности подкинули. Это мы умеем! Что ни говори, раса контрастов. Широта души легко сочетается с ежедневной подлостью. Мы отдадим вам все, что у нас есть, а если не хотите брать, отдадим насильно.

— Вы — пассажиры?

— Да, инспекторский вояж. Без возвращения. Двенадцать точек контроля и последняя посадка на Каппеле-3. Тебе, *капитан* Ник, повезло.

— Чтобы вам, уважаемый Кристи, так везло, — злость прорывается наружу. Я рискую пустить все под откос, с клиентами так не обращаются. Но за это время, мне стало все равно. Притупились чувства, угасли желания. Я готов убить своих нанимателей, пристрелить из бластера, обобрать, потом пойти расстрелять в упор всех членов их паршивой конторы. За мгновение превратиться из бедняка в преступника. Начать скрываться только уже от закона, а не от судьбы. Возможно, это будет легче.

— Не дерзи, умник.

Я делаю шаг вперед

— Не стоит, капитан! Вам, людям, лишь бы подраться! Вот инфокристалл. — Киноид вновь порывлся в пояс и положил на столик мерцающую звездочку. — Оптимальный курс. Вы Ник, не беспокойтесь, этот рейд уже двадцатый, работы для навигатора — минимум.

Низкий голос успокаивает, заставляет идти на примирение.

— Ладно... Какова оплата?

Гости переглянулись. Улыбка Соргела исчезла, зато начал улыбаться человек.

— Какая скажем!

— А если в цифрах?

— Даже не думай. Просто считай, что мы тебе помогаем отсюда убраться.

Так! Кажется, началось... Кристи, видать, хочет скопить казенных денег для отпуска на пляжах Виолы. Впрочем, на его месте, я бы занимался тем же.

Набывчившись, я спросил:

— А почему бы вам не полететь на *своем* корабле?

Но каноид осторожно коснулся плеча второго администратора и чуть наклонил голову, свесив одно ухо.

— Наше топливо... Плюс...два... ладно, два с половиной процента от его стоимости. Наличными или переведем на счет.

— Три процента, если возьмешь топливом, — буркнул Кристи. Наверное, ему очень хотелось в отпуск.

Двенадцать точек? Килограмм десять, если плутонием. А процент... Выбирать не приходится. На еду хватит, надоели эти концентраты, фрахт на Капеллах есть всегда...

— Хорошо. Договорились, Стелла, — я автоматически бросил взгляд на потолок, — зафиксируй в боржурнале.

— Сделано, — донеслось из воздуха.

— Не стоит, — Кристи посмотрел мне в глаза. В его зрачках отражались золотые пляжи.

— Понятно... Стелла, сотри запись и удали собственные воспоминания из блоков.

Если глубоко копать, найти эту информацию нетяжело, но вряд ли руководство компании будет искать какого-то капитана, чтобы удостовериться в том, что и так ясно.

— Сделано, — я ведь говорил — мы понимаем друг друга с полуслова. Старые искины тем и хороши. Что-то забыть для них — раз плюнуть!

— Замечательно! — Мои гости поднялись. — Мы вернемся через час... Прибери здесь и жди курьера с плутонием.

Когда они ушли, я позволил себе расслабиться. Киноиду все равно, а этот Кристи — тот еще прохвост. Плутоний точно будет второсортным, к звездам не лети!

— Знаешь, Стелла, — я нажал клавишу герметизации шлюза, а затем нежно погладил потрескавшийся термопластик перегородки. Иногда хочется

пообщаться с искином, как с живым человеком. Мне, ополумевшему от нищеты бродяге, такие слабости вполне простительны. — Так я сам вскоре уйду в пираты. Это нельзя назвать везением. Это просто издевательство судьбы. Нет... Заказ пришел, конечно, вовремя, но сколько так может продолжаться? Когда-то вселенная высосет остатки моей жизни окончательно и никакого фрахта не случится...

Я чувствую себя частицей, Стелла. Всепроникающей частицей космического излучения, у которой ничего нет. Она летит сквозь вселенную, среди миллиардов таких же, и не может остановить свое движение. Созвездия, галактики — это все не помеха, частица доберется куда угодно... И не станет нигде задерживаться — ей просто нечего там ловить... Она будет лететь, пока просто не растворится в межзвездном пространстве, не оставив даже имени. Ты понимаешь, Стелла?..

Стелла, конечно, все понимала.

АЛЕКСАНДР ГРИГОРОВ

УДЕЛ СЛАБЫХ

ЕЛКНУЛ ЗАМОК, ДВЕРЬ ОТКРЫЛАСЬ. СКРИПАЧ ВЫШЕЛ на лестничную площадку и прижался к перилам в ожидании ведущего. Тот возился с ключами. С другой стороны вышел Медведь. Ступая по полу, словно боясь оставить отпечатки, сосед подошел к перилам и сел в ожидании своего ведущего. Невольники молча повернулись друг к другу. Поздоровались. Ведущие сошлись на площадке, пожали руки, скомандовали идти. У выхода заключенные снова подождали надзирателей и окунулись в солнечное утро, дарованное ранней осенью.

Ведущие решили отклониться от обычного маршрута.

— Опять какое-нибудь мучение придумали, — сказал высоким голосом Скрипач, — ой, братцы, как надоело...

— Не баламуть, эт'самое... — спокойно заметил Медведь, габариты которого внушали уважение даже паханам. Скрипач щуплостью тоже не отличался, а ростом обладал почти таким же, как сосед. Но поджарость и длинный нос смотрелись проигрышно на фоне медвежьей фигуры.

Сзади скомандовали:

— Цыть!

Процессия двинулась в тишине, изредка нарушаемой шепотом листвы и прощальным птичьим щебетом. Радоваться и не тосковать, если бы не пожизненное заточение без права на амнистию.

Заведение, в котором пребывали Скрипач и Медведь, выполняло странные функции — не шарашка, не изолятор, не высылки.

Всего-то требуется — есть, пить и спать. Гулять — при любой погоде, строго по расписанию, под пристальными взорами надзирателей-ведущих. Оправляться — тоже под наблюдением. Вертухаи выглядят по-разному, но все — одинаково чудно. Непомерно высокие, они передвигаются с неестественно выпяченной грудью, черт знает как удерживая равновесие. Одеваются излишне, будто боятся внезапных морозов. Иерархия у них существует, но прямого начальства у надзирателей нет, каждый себе главный.

Что и говорить — загадочные существа.

Раз в год заключенных собирают при полном «параде» на специально оборудованной площадке и заставляют преодолевать полосу препятствий. Именно там Медведь когда-то поборол настоящего циркового медведя, за что и получил кличку. За Скрипачом погнало приклеилось после того, как

он разломал скрипку одного вертухая, который досаждал всей зоне своим пикианием.

— Лучше бы послали лес валить, — сказал Скрипач, который был на три года старше Медведя и умнее на все десять.

Другой жизни Скрипач и Медведь, равно как и сотни фраеров, не знали. Их привезли в тюрьму младенцами. Выбраться было невозможно — «резки» срока не предвиделось в принципе; тех, кто пытался бежать, возвращали. Свалить из зоны было делом плевым: махнул через запретку — и баста. Ни тебе заборов, ни вышек с автоматчиками. Мнимая легкость побега будоражила неокрепшие умы. Но как только ээк удалялся от колонии достаточно далеко, он превращался в беспомощного ребенка.

Обитатели тюрьмы называли свое пристанище Уделом Слабых.

Заточение приходилось по нраву лишь малой категории ЗК, на жаргоне — «мелочи». Ее представители ходили в любимцах у начальства и действительно выглядели мельче остальных подопечных.

В большинстве своем «мелочи» были «суками».

Скрипач вздохнул свои светлые волосы, оглянулся и прошептал:

— Сегодня сматываюсь.

Медведь строил мину:

— Делать тебе, эт'самое, нечего.

Вышли на просторную поляну возле запретки. Здесь разрешалось ходить вдалеке от ведущих, но в пределах их внимания. И то хорошо — можно говорить.

— Говоришь, сматываешься? — Медведь с укоризной посмотрел налитыми кровью глазами. — Пытался уже — сдрейфил. И теперь сдрейфишь, дело ясное.

— Я? Просто я не был готов. А сейчас — самое то! Надоело, не могу так больше. Не верю, что родился только для того, чтобы жрать, спать и совокупаться. Это не любовь, братцы! Им, — Скрипач кивнул в сторону надсмотрщиков, — вообще неизвестно понятие «любовь». Я уверен, мы нужны им исключительно для увеселения. А кто спрашивал, хочу ли я так жить?!

Ведущие прислушались. Скрипач отошел в сторону и, не стесняясь, помочился.

— Ты не кипятись, — по-прежнему спокойно ответил Медведь. Ветер колыхал рыжеватые вихры здоровья, как бриз шевелит травой на приморской скале. — Думаешь, там, — Медведь показал головой в неопределенном направлении, — ты найдешь ответы?

— Я попытаюсь. Слышишь, увалень, по-пы-та-юсь! Хотя что-то сделаю. Еду нормальную попробую.

С этим любящий вкусно поесть Медведь согласился, поэтому в ответ промолчал. Старые ээки рассказывали: раньше заключенных кормили нормальной, человеческой пищей. Сейчас дают одни сухари. Голод они утоляют, но есть их изо дня в день — мучение.

Скрипач снова остановился и прислушался — шум в кустах. Светловолосый тронулся с места и затараторил на ухо Медведю:

— Я хочу выйти на крутую тропинку, пробежаться по горной поляне, упасть и лежать, лежать, лежать... Слушать тишину, плеск речной воды; хочу дышать чистым воздухом, ходить где, когда и сколько вздумается. Жить хочу, братцы!

— А может, здесь и есть твое место? — буркнул Медведь.

— Правду говорят, что ты — ребенок с большим удом. Ну пошевели мозгами! На кой природе создавать тебя такого здорового? Для жизни в клетке пять на четыре? Вот мелкие, тем — да, богом дано здесь коротать век.

На пятом кругу Скрипачу опять послышался звук, будто кто-то переговаривался. Огляделся — не ведущие: те сидели на пеньках и молча курили.

Заключенные снова пошли по кругу. Скрипач озирался, улучая момент для рывка.

Ведущие не торопились уводить подопечных. Здесь хорошо, спокойно, а там — суета и кислые рожи.

— Ладно, — Скрипач потрусил ногами, разминая мышцы. — Не поминай лихом.

Медведь хлопнул Скрипача по спине:

— Бывай. Хороший ты парень, эт'самое, хоть и шепутной.

Скрипач бросился в кусты, за пределы зоны. До Медведя донеслись звуки возни, потом — крик и стон. Из кустов вынырнул Скрипач, за которым гнались местные бакланы — семеро. Зэк припадал на левую ногу: видать, полоснули остреньким. Медведь бросился наперерез погоне.

Успел вовремя: пятерка догнала Скрипача и обступила его. Двое отстали: развернувшись, отрезали путь ведущим. Те рвались спасти подопечных, но инстинкт самосохранения держал на расстоянии от сямоты.

О бакланах ходили разные слухи. Одни говорили, что местные ненавидят «закрытых» с самого основания зоны, — дескать, превратили город в прибежище отбросов. Другие считали: бакланы шпилят на тюремное кумовство, отпугивая эзков от вольной жизни.

Медведь ворвался в круг, отбросив в сторону молодого баклана. Теперь светлый и рыжий стояли спиной к спине. Самый большой из нападающих — патлатый блондин — сделал шаг вперед и обнажил «пилу». То же сделали еще двое.

Между собой заключенные худо-бедно ладили, но у каждого фраера в загошнике имелась «игла» — до случая.

— Хрен вы нас возьмете, братцы, — процедил Скрипач.

— Эт'самое, меня держись, — ответил Медведь, разминая шею.

Белобрысый сделал шаг навстречу эзкам.

Понеслась...

Скрипач и Медведь вертелись волчками, получая раны и ссадины. Бакланы теснили к запретке. Ведущие остались позади, помощи ждать неоткуда. Зэки решили убегать. К банде вернулись двое, которые держали ведущих. Отбиваясь, заключенные выбежали на окраину города. Вокруг стало безлюдно, многоэтажные дома сменились частными; впереди виднелась широкая дорога, по которой деловито сновали автомобили. Банда преследовала

зёков до трассы, а там пришлось рвануть через шоссе без оглядки. Подфартило — проскочили. Сзади скрипнули тормоза, завывли покрышки, раздался звук удара и крик: кто-то из бакланов попал под машину. Скрипач и Медведь понеслись дальше, в лесополосу. Только там остановились и поняли: за ними никто не бежит.

Солнце пронизывало лучами пожелтевшую листву. Подсохшая, но еще мягкая трава гладила израненные бока. За пригорком плескалась речушка, унося воды от шумного города к величавому устью. На душе было радостно — потому что живы. И беспокойно — от мысли «что дальше?».

Скрипач и Медведь пообедали пойманным зайцем и кислыми ягодами. Запили речной водой, улеглись покемарить.

— Вот она какая — настоящая жратва. — Скрипач почесал спину. — После нее в сон клонит. А после тюремных сухарей скачешь, как пришибленный.

Медведь ответил сквозь дрему:

— Ты побегай по зоне от бакланов, безо всякой жратвы с копыт свалишься.

— Да, рванули мы знатно, километров десять дали, а, Миша?

— Щыптылымтсс...

— Ну да, где-то так. Что ни говорите, братцы, а воля есть воля. Эй, Медведь, ты чувствуешь, как пахнет свобода?

— ...

— Принюхайся — теплой землей, цветами и словыми шишками. Ты слышишь?

— Амлфыщ-щ-щ...

— Грибами тоже. А птицы как щебечут! Это — не голуби, только и умеющие гадить.

От этой мысли и сладкого щебета Скрипачу стало настолько легко, что он тут же погрузился в сон.

Как проснулись, Медведь засобирался в тюрьму.

— Я ведь, получается, случайно сбежал, эт'самое. Что они мне сделают? Ну, отлупят, ну, моралью поедзят. Глядишь — забудется.

Скрипач только фыркал да нос воротил:

— Балда ты — всю жизнь закрытым и просидишь! Такой шанс выпал...

— Не видел я никогда воли. Что я здесь буду делать? Нищим побираться все хуже, чем на зоне пыхтеть. Пусть там сухари, зато дают их постоянно. А тут за дичью набегаешься так, что жрать потом сил нет... Хотя — вкусно, эт'самое.

Скрипач потянулся — затекшие мышцы отозвались истомой; боли почти не было, на лесном воздухе раны зарубцевались.

— За что мне такое наказание, братцы? Раз в жизни подфартило, все одно не слава богу. Научиться делать можно что угодно, было бы желание. Только на нарах его у тебя никто спрашивать не будет, а тут ты сам себе хозяин.

Спорщики вышли на пригорок и потрусили вниз к реке.

— На тебе разве статья висит? — Скрипач залез в воду и сразу выскочил.

— Нас и искать-то не кинутся! Им это пустяки — наберут малолеток, и давай

сызнова муштровать. На тебе вины нет, ты свободу не в долг берешь, а на оборот — себе долги возвращаешь.

Медведь больше мотал головой и сопел, чем умывался:

— По-твоему все слишком просто выходит: не виноват — беги... Меня на зону сосунком бросили. Значит, кто-то решил, что там мое место?

— У них для таких решений специальная кентовка есть.

— Дурак ты, эт'самое. У кого, «у них»? — Медведь закатил глаза, изображая мучение. — Вертухан — такие же ээки. Их жизнь тоже заранее расписана по понятиям.

— Свои и расписали, — буркнул Скрипач, — может, это у них семейный бизнес?

— Да хрен с ними. Я тебе о другом, эт'самое, толкую. И ээков, и надзирателей бог метит. Раз собрались в одном месте, так тому и быть. Ты как знаешь, а я возвращаюсь.

Скрипач помотал головой, стряхивая воду, посмотрел на яркое солнце и прищурился. Начинался еще один осенний день — уже не жаркий, но еще ласковый.

— Ладно, — сказал Скрипач, наблюдая, как Медведь обсыхает у края воды, — иди. Я — не ведущий, таскать за собой не стану. Только сначала...

Медведь не узнал, что «сначала». Скрипач набросился сзади и повалил товарища в воду. Оба кубарем покатались по мокрому песку.

— Затекли суставы, дылда? А ну как я тебя сейчас вот так заборую...

— Ты это, не нарывайся: придавлю — мокрого места не останется!

— Останется. В реке мокрого места полно!

День пролетел незаметно. Свобода пьянила, подхватывала и бросала от поляны к поляне, а потом — за пригорок, в рощу и обратно. Резвились, как малолетки: гоняли консервные банки и пластиковые бутылки, ловили бабочек, купались. Ели походя, что попадалось, подкрепляя силы для очередной забавы. Никого в округе не встретили — дачный сезон закончился, на вылазки в будни не ездят.

Ближе к закату Медведь пригорюнился и за ужином снова повел речь о возвращении.

— Ты не Медведь, ты голубь почтовый, — не глядя на собеседника заметил Скрипач.

— Але, базар-то фильтруй! Х-хе... голубь...

— На понт не бери, сам знаешь — я шутейно. Где ты видел таких огромных голубей? Во, и хорошо, что не видел — я представляю, как бы они гадили. Ладно, пусть ты Медведь, но цирковой, посаженный на цепь.

В лесу стемнело. Умолкли птицы — наверное, отсыпались перед дальним перелетом; стихла суета, один ветерок шевелил подсохшие листья.

Рядом заиграла музыка — не иначе включили на полную громкость магнитофон. Скрипач и Медведь подобрались к месту, откуда шел звук, и увидели на поляне подростков: двух девушек и трех пацанов. Одного из них, светленького, самого высокого, Медведь признал:

— Сын надзирателя из соседнего барака.

Шкеты были подпитыми или покурившими. Нечеткие движения, кривые ухмылки и громкая невнятная речь — на вечерних прогулках ээки не раз наблюдали такие компании.

Подростки разожгли костер и стали танцевать в оранжевых отблесках пламени. В такт двигались тени — зловещие лесные призраки, мечущиеся в полутьме.

— Ну, я пошел, — Медведь приподнялся и шагнул к свету. — Ему и сдаться.

Скрипач понимал: отговаривать бесполезно — Медведь настолько же упертый, насколько и глупый.

Осел, а не Медведь.

На всякий случай Скрипач остался наблюдать.

Сердце чуяло беду.

Увидев незваного гостя, молодые люди сначала остолбенели, потом попятись. Одна девушка вскрикнула, другая отошла за спину высокому парню.

— Тихо! — Скомандовал сын вертухая. Полез за пояс, достал пистолет. — Стой! — Это уже Медведю.

Высокий протянул руку с оружием, словно хотел одним жестом остановить пришельца.

— Это тот, которого ищут, — тихо подсказал один из дружков, — объявления с его мордой висят по всему городу. Здоровый, блин...

— Ну да, это я. — Медведь сделал несколько шагов вперед. — Эт'самое... с повинной пришел. Ведите меня обратно в зону.

Малолетки испугались этих слов, но еще больше — того, что Медведь продолжал идти к костру. В полутьме щелкнул предохранитель.

Третий, который все время молчал, повернулся и рванул в лес — только сушняк под ногами захрустел.

— Э-э, чего это он?! — Медведь посмотрел на сыночка: — Хорошо, начальник, веди меня под пистолетом, только не забудь сказать, что я сам явился.

С испугом косясь на дуло, Медведь теснил компанию от огня. Когда за ним остались одни силуэты, грянул выстрел. Медведь припал к земле и застонал. Впечатлительная девушка опять вскрикнула, на сей раз жалостливо.

— На фига ты шмальнул? — Товарищ вертухайского сына показал на тело здоровяка. — Что теперь делать? Домой нести — спросят, откуда ствол. Дело заведут...

— Никуда мы его нести не будем, — ответил высокий, повторно целясь, — не нужны нам такие проблемы.

Но спустить курок не успел: из кустов метнулся Скрипач. Выбил из руки пистолет и полоснул сынка по ноге. Замешкавшийся товарищ получил тычок в грудь, споткнулся о бревно и рухнул на спину. Девочки с визгом убежали в лес.

Скрипач наступил на лицо лежащему стрелку:

— Мотай отсюда быстро!

Повторять не пришлось. На поляне остались Медведь и Скрипач.

Пуля попала в живот, кровь сочилась на черную от темноты траву. Раненый часто дышал и пытался что-то сказать — получался сдавленный хрип.

— Терпи, ведомый, не дадим тебе подохнуть.

Оставаться не имело смысла — в лесу Медведь истечет досуха. Трасса рядом — к ней вели звуки и запахи. Скрипач прислушался к раненому — дышит, но с трудом — и погнал к дороге за помощью, меняя свою свободу на чужую жизнь.

Первый снег всегда выпадает неожиданно. Хотя и пора ему давно пришла, и прогнозы погоды неделю готовят горожан, а вот нате: вечером не было, наутро — лежит. Чудеса!

Скрипач и Медведь возвращались с утренней прогулки под прицелом сонных взглядов ведущих. Рыжеволосый не до конца оклемался от ранения, но бодро вдыхал морозный воздух, выдыхая белесый пар.

— Погодка-то, погода! — Медведь покрутился на месте, вытапывая на снегу причудливый узор. — Не кисни, кореш, жизнь прекрасна!

— Кто спорит... — ответил Скрипач, но сказал это так, что сомнений не оставалось: его жизнь не настолько хороша, как хотелось бы.

Пока Медведь вылеживался в лазарете, Скрипач мотал срок в общем порядке. Тосковал по свободе, но чувал: поступил правильно — пожалуй, первый раз в жизни.

Другого шанса на поступок Удел Слабых не даст — нечего слабым своевольничать.

— А ну, давай, кто первый до двери! — Медведь припустил к бараку. Бежал, как мог, но мог пока не быстро.

Скрипач выдержал фору и тоже побежал, с силой отталкиваясь от земли и наслаждаясь каждым мигот свободного полета.

Из-за дерева за ними наблюдал блондин из банды бакланов. Ему, свободному до мозга костей, было странно смотреть на веселье пожизненно заключенных...

...На лестнице ээки остановились. Щелкнули замки, командуя разойтись по камерам. Скрипач и Медведь попрощались до вечерней прогулки.

Афганская борзая пошла налево, сенбернар — направо.

Им предстоит отмучаться еще один день в тесных квартирах, — на радость хозяевам, которые искренне полагают, что любят своих питомцев.

НАТАЛЬЯ ЗЕМЛЯНСКАЯ

LET MY PEOPLE GO...

РИХОДИ НА МОИ ПОМИН-
ки. Будет весело.

Чел на другом конце провода
улавливает только вторую поло-
вину приглашения.

— А кто еще будет?

— Да все! — фыркаю я. Перед
внутренним взором быстренько
проплывает видеоряд «ближнего

круга». — Халявная жрачка и все такое. Кто ж откажется?

Никто. Я знаю точно.

— Оки-оки... А когда? И где?..

Пошутила — и хватит.

— Как только, так непременно сообщу! — рявкаю злобной овчаркой, и от-
ключаюсь.

Хорошо бы вырубить мобильник навсегда. Хватит ему рулить моей жизнью.

За окном — мутный, усталый вечер. Закономерный финал дня, наполнен-
ного важными и одновременно пустыми делами: звонки, встречи, перегово-
ры, бесчисленные бумаги, — великая суета муравейника. Но в деятельности
муравьишек, наверное, есть какой-то смысл. А в моей?.. Подобное все чаще
приходит в голову. Особенно, когда чувствуешь себя сдувшимся воздуш-
ным шариком, и смутно понимаешь, что тебя в очередной раз — непонятно
кто — в чем-то жестоко обманул.

Плаксивый, неряшливый ветер назойливо бьется в стекло. А не пошел бы
ты тоже? — захлопываю створку у него перед носом. Он в отместку швыря-
ет горсть блестящих капель: смотри, мол, что у меня есть! Хвастливый маль-
чишка... Жемчужные потеки медленно сбегает вниз, в их линзах причудли-
выми бликами сияют уличные огни. Но я-то знаю — все лажа. Этот блеск
так же обманчив, как и остальное.

Початая пузатенькая бутылка на столе призывно манит темной глуби-
ной: нырни — и все будет хорошо. Рядом надменно щурится ее приятель-бо-
кал. Я уже подарила ему несколько поцелуев, и он считает, что может теперь
позволить себе снисходительный тон. Но терпкая влага его хрустальных губ
— ложь. Обожжет горло, волной ударит в голову, посулит-поманит, и станет
только хуже.

Последнее время во всем так. Эдакое проклятие царя Мидаса... Одна лишь маленькая разница: то, к чему прикасался царек, превращалось в золото. Я же все обращаю в разочарование.

Виной тому мои мысли и ощущения — все шесть способов мировосприятия, доступные человеческому существу. То, что я постигаю с их помощью, на проверку оказывается пустотой. Пустотой, имеющей свою цену, но лишенной чего-то главного.

Точным броском через всю кухню швыряю стеклянного обманщика в мусорное ведро. Ударившись, бокал жалобно звякает. Подумаешь! — мои надежды разбивались и не с таким звоном.

Пальцы кроважидно смываются на горлышке его подруги. Что, тоже хотела меня надуть? Вот тебе!.. И с размаху казнию бутылку о край раковины. Я — не сдамся. Так будет со всяким, кто соблазнит малого мира сего...

Кухонные жители взирают на погром с тихим ужасом. Обделенные даром слова, свое негодование они выказывают мимикой: отчетливо читаю на деревянных мордах цвета вишни брезгливое удивление. Нет, уважаемые, трезва я... А вы мне — осточертели. Хотя бы потому, что любая ваша полочка — в цену пары часов моей жизни. А каждый из вас целиком — надгробие несколькими дням. Ибо в деньгах — вы мне стоили мало, но если пересчитать на время, которое я потратила, чтобы заработать... И вы, суки, позволяете себе ухмыляться? Лишь «бошевская» физиономия гиганта-холодильника невозмутима: вышколенный слуга не станет выказывать недовольства в присутствии хозяйки. Он перемывает ее кости потом.

Обходя осколки, разбросанные по полу, гордо удаляюсь в комнату. Уютное обиталище тоже заполнено руинами дней, потраченных на его обустройство. Разве что массивная туша рояля выбивается из общего ряда — это дедушкино наследие. Мне не пришлось расплачиваться за него кусочками своей жизни.

Толстый, черный и беззубый — копия Луи Армстронга в глянце — старый инструмент улыбается. Грустно и нежно. Он еще помнит тепло моих пальцев, а я уж и забыла, когда последний раз «стаю клавиш кормила с руки». Глажу его прохладный, полированный бок: нет, старик, я давно оглохла, кисти мои — скрюченные ветви сухого дерева. Нельзя петь, когда сердце немо.

В прихожей злорадно взрывается трель звонка: хотела тишины?.. Щ-щас!

В проеме входной двери — незнакомка.

Долгая пауза... Молчим обе. Я — раздраженно, она — с непонятно-веселым ожиданием. Постепенно с чужим лицом происходит очевидная метаморфоза: размыто проступают знакомые черты — привет из ушедшего далека.

— Ёоо-уу! — унылые сумерки одинокой вечера взрезает девчачий визг. — Сколько лет! Сколько зим! Какими судьбами?..

Ее плащ ложится в мои руки, — словно крылья промокшего ангела, заганного непогодой в случайное убежище. Бережно расправляю его на вешалке... А духи она любит все те же.

Дежавю.

Кухонные обитатели рады неожиданной гостье: я при ней наверняка буду вести себя хорошо и не попрекну лишний раз «происхождением». Поэтому на столе сами собой, — во всяком случае, мне, занятой разговором, так кажется, — возникают кофейные чашечки, вазочки с разной вкуснятиной, тарелочки с бутербродами. Я торопливо убираю следы недавнего бунта. В приоткрытое окно нахально врывается давешний ветер: свежий и мятный, он совсем не похож на того зануду с привкусом плесени, что изводил меня жалким плачем. «Этo я принес тебе встречу...» — заговорщически шепчет он, и я отчего-то верю.

Мы пьем кофе, курим, смеемся, и — говорим, говорим, говорим! Взахлеб, перебивая, хватая друг друга за руки...

Подруга рассказывает о себе.

После консерватории, где мы вместе учились, она уехала в провинцию. Муж, дочка, старый домик, окруженный садом... Любимая работа: детская музыкалка, бесконечные репетиции, а самое главное — созданный ею хор. Когда она говорит о своем «детище», ее глаза светятся. Хотя они у нее всегда были такие и, слава Богу, пролетевшие года не погасили их блеска.

— Ну, а ты-то как? — виновато спохватывается она.

— Как? — я невольно усмехаюсь. — Пони бегает по кругу... Пригласили преподавать в училище музыкальном, но через два года я его оставила — не хотелось гнить в нищете. Помнишь же, каково тогда было... Устроилась через знакомых в банк операционистом, особого ума там не требовалось. Одновременно поступила заочно на экономический, чуть не надорвалась! — еще ж сынишка был маленький, — но закончила. Потом пристроилась в одну фирму, другую... Теперь вот, — я придаю лицу нарочито стервозное выражение, — коммерческий директор, блин... Бизнес-леди. Со всеми вытекающими.

— Молодец! — уважительно кивает гостья.

В ее одобрении — ни грамма фальши: похвала — дань не тем атрибутам, которые ныне окружают меня, а тому, что я нашла в себе силы выжить.

Эх, подруга-а... Знала бы ты, как я шла по головам, снимала скальпы, рвала зубами чужие позвонки! Нет, мне никого не жалко, и не собираюсь каяться. Пусть кинет в меня камень тот, кто... Но всего этого я не расскажу тебе. Тебе, свидетельнице того времени, когда душа моя еще умела петь.

Незаметно перемещаемся в гостиную. Она отставляет чашку, рассеянно сует окурочек в пепельницу — все ее внимание приковано к «Черному Луи».

— Жив, стейнвейюшка? — помнит, что дед так называл инструмент. — Не продала...

Бережно поднимает тяжелую крышку, ее пальцы легко бегут по клавишам. И я словно проваливаюсь во времени. Туда, где мы были молоды, наивны и по-честному счастливы.

Она играет, беспорядочно перескакивая с одного на другое: отрывки из Дебюсси и Листа переплетаются с беглыми импровизациями.

— Хороший звук! Сама настраиваешь?.. Давай-ка по-нашему! — к роялю придвигается второй табурет.

Реальность жестко обрывает мое путешествие в прошлое.

— Нет, — холодно отказываюсь я. — Уже давно не играю.

«Стейнвеюшка» умолкает на полуслове, тонкие пальцы удивленно замирают в дюйме от клавиатуры.

Она не спрашивает «почему?». Задает совсем другой вопрос:

— Как же ты так можешь? Ты-то?..

— Не знаю... — безразлично откликаюсь я. — У меня с эмоциями последнее время как-то туго. Не звучит внутри, понимаешь?..

— Понимаю, — медленно произносит она после долгого молчания. Крышка рояля снова закрывается.

И я отчетливо чувствую, что ей становится душно.

— Слушай, — говорит она, чуть погодя. — Я завтра уезжаю. Дождь вроде тише... Сходим куда-нибудь? — ее черный силуэт у окна на фоне угасающего заката кажется призрачным.

Хороший вопрос. Только — куда?.. Проблема не в том, где провести остаток вечера: не хочу, чтобы очарование этой встречи было окончательно убито какой-нибудь дорогой харчевней, но ничего лучше не приходит на ум. И тут я вспоминаю о двух билетах, что лежат, смятые, в отделении моего бумажника. Мне преподнесли их на днях поставщики в качестве «маленького презента».

Через четверть часа мы уже спускаемся на лифте в подземный гараж. Застоявшийся «Лексус», вырвавшись на простор, резво набирает скорость.

— Куда мы? — интересуется подруга, с любопытством вглядываясь в ночные огни города.

Имя той, на чей концерт мы едем, ничего мне не говорит, в чем я тут же честно и признаюсь.

— Даймонда Галас? Это весьма на любителя... — замечает моя компаньонка. Очевидно, она там у себя в провинции более «продвинута», нежели я.

— Очень... мм... своеобразная певица, я слышала ее записи, — продолжает подруга. Как и в прежние времена, она рада поделится со мной хоть чем-то. — Работает в традициях рембетики, — греческие песни такие, ну да неважно... Только вместо древних инструментов — фортепиано и собственный голос. У нее — диапазон в четыре октавы, представляешь?.. — в интонациях моей собеседницы восхищение профессионала. — При этом — сочетание классического оперного исполнения и совершенно экстремальной вокальной техники! Она возродила забытое импровизационное пение *amanes*, характерное для Среднего Востока. В православных странах такая музыка считалась языческой и была запрещена, поскольку относилась к дохристианской погребальной традиции...

— Понятно. Сплошная эзотерика... — кисло подытоживаю я краткую лекцию. Услышанное не воодушевляет. — Это вы с детьми такое слушаете?

— Э-э... Вряд ли они воспримут подобное. Не тот возраст.

— Может, повернем назад, пока не поздно?

— Да нет... — глядя в черное пространство, задумчиво отказывается подруга, и добавляет по какому-то наитию:

— Тебе нужно *это* послушать...

Правоту ее предсказания я осознаю позже.

А сначала, ошеломленная, буду с недоумением вслушиваться в странную, ни на что не похожую манеру исполнения той, что царствовала на сцене. Той, чье имя я даже не слышала до этого вечера. Той, что ни разу не повернувшись от рояля к залу, сделает эту встречу сокровенной, наделив нас отблеском запредельной реальности, что превосходит собой любую печаль и всякое утешение. Словно она была на одном конце времени, а мы, привыкшие к хитам-однодневкам, — на другом...

И сменив удивление, придет вдруг бесконечный миг, когда голос певицы, нечто на грани между звуком и криком, который и голосом трудно назвать, настолько в нем пульсирует до предела сконцентрированная боль, — спуск, начинающийся из бездны, и к бездне ведущий, — заполнит все мое внутреннее пространство, и заставит испытать такую глубину грусти и такое потрясение, что я буду после спрашивать себя: а было ли?..

Это случится, когда она начнет свою знаменитую «Plague Mass», и голосом ее будут звать те ушедшие, чей удел не та безмятежность, которая — покой, тишина и конец, но та, иная смерть, каковая есть смерть без конца. Те, чья кончина была насильственна, неправильна, отягощена грехом — своим или чужим. И вдруг что-то неуловимо изменится в холодном течении моих вод, треснет выжженная кора моих пустынь, и зародится смутное осознание, что *так, как есть*, — более невозможно.

Ощущение неправильности собственного бытия — оно уже было у меня. Как у всякого, кто живет не своей жизнью, играет не ту роль, что написана для него Всевышним. Но, немилосердно фальшивя, я продолжала исполнять чужую партию, боясь отказаться от нее. Нужен был некий толчок, озарение... И вот теперь со сцены мне кричали: еще можно спастись, ведь ты — здесь, а не там, где уже ничего не исправить!

Возвращаясь после концерта, я и гостя, не сговариваясь, будем стараться молчать, чтобы не спугнуть звучащее в памяти, — что есть слова, когда тебе, земной, приоткрылись неведомые пространства?

На утреннем перроне — слякотном и промозглом — мы скажем друг другу не больше. Прощание будет странным — я не смогу после восстановить его в деталях, подобно тому, как невозможно вспомнить улетевшее сновидение, и единственным доказательством нашей встречи останется затрапезный бумажный клочок, где подруга второпях нацарапает свой номер.

— Звони!.. Звони обязательно!.. — крикнет она, свисая с подножки уходящего вагона.

Не пройдет и нескольких дней, как я достану этот листочек, — хрипящее меццо-сопрано в наушниках плеера заставит меня набрать заветный шифр к прошлому: быстрее, пока кипящая эйфория в груди не сменилась привычным холодом!

Голос подруги в трубке будет радостным, но легкий изумрудный оттенок удивления быстро потемнеет до густоты откровенного непонимания:

— Здорово! Как ты меня разыскала?.. Я дала тебе телефон?! Ты что-то путаешь, солнце! Я в Питере лет пять не была...

И я не стану спорить. Не стану напоминать о нашем вечере. Ненужными объяснениями можно нечаянно уничтожить случившееся волшебство.

Достаточно того, что предо мной — коробка от диска; с его обложки, перечеркнутая чернильным автографом, смотрит черноволосая женщина, — та самая, на концерте которой мы были. Вместе...

Шутка ли это каких-то неведомых сил? Некая временная петля? Какая разница... Произошедшее так же реально, как и надрывный, яростный голос в наушниках. «...Let my people go!..» — кричит он, и дело не в том, что это — самая необычная аранжировка известной песни из всех, что я слышала: просто теперь понимаю истинный смысл этих слов.

«Отпусти себя...»

День этот и несколько следующих я потрачу на то, чтобы условиться с риэлтором насчет квартиры: продаю ее вместе с вещами. Только старый рояль останется со мной — ведь он не стоил мне ни кусочка жизни. Нас с ним ждет старый дом, утопающий в осеннем саду. Старушка-хозяйка его умерла, и домик осиротел. Меня то и дело будут отвлекать телефонные звонки из отвергнутой реальности — липкие, цепкие, точно лапки насекомых: муравьиная суета бесится оттого, что я ускользаю. Вежливо, но твердо посылаю все подальше: для меня есть другая работа — там, где горохом рассыпается звонкое арпеджио и божьей искоркой светятся детские глаза.

И как-то вечером, накануне отъезда, я открою наконец крышку «Черного Луи». Старик подмигнет мне с видом заговорщика: он-то знает мою маленькую тайну! Первые аккорды будут нестройны и неуклюжи. Извини, дружище, я так давно не играла! Let my people go... Я не стала другой — невозможно перемениться за столь короткий срок, так же, как нельзя искупить все грехи — какие-то из них все равно останутся камнями на дне ручья. Let my people go-o-o!.. Но я — возвращаюсь к себе...

НИК РОМАНЕЦКИЙ

LET MY PEOPLE GO...

Е

СЛИ ЧАРОДЕЯ, ЧЛЕНА КОЛДОВСКОЙ ДРУЖИНЫ, ВОЛШЕБНИКА предвысшего ранга квалификации, рано поутру поднимает из постели специальный курьер от Кудесника с приказом срочно прибыть в министерство ратных дел, в кабинет principala Бронислава Грома, это означает лишь одно: одного чародея ждет срочная командировка. Поэтому Антон вошел в кабинет principala, будучи полностью готовым — с саквояжем и колдовским баулом в руках и решительностью в душе.

Бронислава Грома он знал еще со времен сыска, связанного с неправильной работой БМ-заклятья и выведшего Антона на ключградского недоучку Горимира Каморника.

— Здрaвы будьте, сударь!

— Будьте и вы здравы, чародей! — Гром приглашающим жестом указал на стул.

Антон сел.

Как и в прошлый раз, principал угнездилился в кресле по другую сторону стола. И разговор начал со знакомых слов.

— Вот с какой целью я призвал вас, чародей... В прифронтовом районе происходят странные события. Складывается впечатление, что в Орске предпринято активное действие вражеских подстрекателей. Наши люди доносят, что в городе зреет недовольство политикой Великого князя Словенского. Некоторые горячие головы договорились до того, что правильное будет сдать город ордынцам. Причем все эти процессы приобретают массовый характер. Сей факт позволил сделать вывод, что в Орске противник активно применил некое заклятие, действующее одновременно на большие группы людей. Полагаю, такая информация не вызовет у вас сомнений, чародей. Вам надо немедленно отправиться в Орск и на месте разбраться с происходящим.

Антон согласно кивнул. Впрочем, одно сомнение у него появилось, и он собрался его выложить.

Однако Бронислав Гром опередил чародея.

— Разумеется, — сказал он, — если в Орске открыто появится волшебник предвысшего ранга, это немедленно насторожит противника. Скорее всего, активные магические действия с его стороны прекратятся и не возобновятся до тех пор, пока вы не покинете город. Но в княжестве не так

много волшебников столь высокой квалификации, чтобы мы могли держать вас там бесконечно долго. Поэтому решено отправить вас туда инкогнито, под чужим именем. С руководством Колдовской Дружины задание согласовано.

Антон снова кивнул, поскольку спецкурьер Кудесника не мог пожаловать к чародею без ведома самого славы Колдовской Дружины.

— Ваши новые документы готовы, — продолжал принципал. — Можете немедленно получить их в специальном отделе. Вам уже заказан билет на экспресс «Южный Урал». Отправление — завтра утром с Оренбургского вокзала. Все необходимые приказы отданы. В Орске вас встретят. Вопросы есть?

Вопросов не было. Зато было нарастающее ощущение, которые принято называть франкским выражением «дежавю».

Минуло двое суток. Умчавшийся с берега седого Волхова экспресс заведенным путем прикатил к не менее седому Уралу.

В Орске Антона встретил местный представитель министерства ратных дел, и ощущение дежавю только усилилось. В купе ввалился знакомый высоченный широкоплечий воевода, тот самый, обладатель широкоскулого лица, намекающего на ордынскую кровь, длинных усов и голубых глаз.

Он и глазом не моргнул, увидев Антона.

Встретились двое совершенно незнакомых государственных людей...

Однако Антону показалось, что воевода недоволен тем, что ему приходится вновь встречаться со старым знакомым.

Впрочем, старому знакомому было глубоко начихать на недовольство встречающего...

Они предъявили друг другу документы, после чего Антон подхватил саквояж и колдовской баул и покинул вагон.

Вышли на площадь, сели в экипаж, поехали.

Орск все так же не производил впечатления прифронтового города — на улицах толкалось полным-полно штатских, и по-прежнему встречались даже мамы с детьми... Но в воздухе висело явное напряжение, от которого ощущение дежа вю сразу испарилось.

Хотя сопроводил воевода прибывшего столичного волшебника к новому старому знакомцу — представителю министерства государственной безопасности Всеславу Кошке.

— Здравы будьте, чародей! — сказал тот, и в голосе его прозвучало открытое недовольство. Как будто Антон наступил ему на мозоль...

Тем не менее, Кошка работал по-прежнему грамотно и делал неглупые выводы.

До прибытия столичного гостя он многое сумел. Кое-кого задержал и допросил. Кое за кем установил наблюдение. Но у него по-прежнему не было в подчинении волшебников достаточной квалификации, чтобы его неглупые выводы оказались правильными. Он считал, что в городе работают вра-

жеские пропагандисты, снабженные магической защитой и именно по этой причине местные словенские мужи не способны их разоблачить.

Это было логичное объяснение. Но Кошка ошибался.

Антон понял, что местный представитель министерства госбезопасности ошибается, сразу, как только прошел по городским улицам с включенным Зрением.

Все таки волшебник предвысшего ранга — не чета орским членам Колдовской Дружины!..

Никаких вражеских пропагандистов в городе не имелось. Имелось магическое воздействие на жителей, предпринятое ордынскими волшебниками.

Материальными носителями заклинания оказались фонарные столбы на улицах Орска. Это была хитрая задумка — подавляющее большинство дееспособных жителей ежедневно проходили мимо фонарей, и им нечем было защититься от воздействия...

Понятно теперь было и недовольство местных принцепалов по отношению к столичному гостю. Ведь они тоже подвергались воздействию заклинания. И только чувство долга сдерживало их...

Но о мерах, противодействующих врагу, все равно следовало советовать-ся с Кошкой.

Когда Антон рассказал об истинной причине происходящего с местными жителями, представитель министерства госбезопасности сразу перестал быть недовольным:

— А вы, чародей, можете отыскать того, кто использует такое заклинание?

— Конечно, — улыбнулся Антон. — Энергия заклинания постепенно рассеивается, оно теряет свою силу. И потому его приходится периодически обновлять. Во время обновления мы вполне можем поймать вражеского волшебника.

Кошка некоторое время размышлял, почесывая затылок.

— А как часто проводится обновление? Я это к чему... Боюсь, мои орлы не способны справиться с вражеским волшебником. Им может потребоваться ваша помощь. Вы надолго к нам прибыли?

Его опасения были понятны. И вполне справедливы, потому что местные «орлы» и в самом деле были малоквалифицированными для магической схватки с врагом. Постановка подобного заклятия — выше их сил. Именно потому они и не смогли обнаружить его. А значит, ордынец явно сильнее, им его не взять...

С помощью же чародея предвысшего ранга они, разумеется, справятся!

Но у Антона появилось совсем другое предложение.

— А след ли нам вообще брать ордынца, принцепал? Возьмем одного — пришлют другого. Мне кажется, надо поступить иначе. Я способен, используя принцип зеркальности, обратить действие заклинания. Вместо нена-

висти к властям оно будет действовать в противоположном направлении, обращая ненависть на врага. Ордынский волшебник, наложивший заклинание на фонари, такую деформацию, произведенную мною, открыть не способен. Таким образом, он будет по-прежнему выполнять свое задание, даже не догадываясь, что льет воду на нашу мельницу.

Кошка некоторое время раздумывал. Наверное, прикидывал меру своей ответственности за предлагаемое решение проблемы. Однако мера его ответственности была мала по сравнению с мерой чародея, сделавшего предложение...

— Хорошо, я согласен.

— Вот и прекрасно. Думаю, на работу со всеми заколдованными фонарями мне потребуется двое суток. Так что послезавтра наши проблемы будут решены.

На работу и в самом деле потребовалось двое суток.

Потом Антон снова явился в кабинет Кошки и доложил о завершении работы.

— Отменно, чародей! Весьма отменно! Теперь нам след составить отчет. Полагаю, мы должны подготовить его вместе. Чтобы наши доклады вышестоящим принципалам совпадали.

Он все-таки опасался своей меры ответственности.

— Но вот что пришло мне в голову. — Кошка мечтательно поднял глаза к потолку. — Вот если бы ненависть можно было превращать в любовь.

И тут Антона словно Перунова стрела поразила.

О Сварожичи! А ведь этот мелкий принципал узрел самую суть!..

О Сварожичи! Попавший в сети собственной самоуверенности, он, Антон, совершенно забыл, что принцип зеркальности имеет, кроме первого порядка, еще и второй!..

И если применить к открытому ордынцами заклинанию принцип зеркальности второго порядка, то получится... получится...

Надо было срочно обдумать последствия собственной недальновидности.

— Вот что я думаю, принципал... Давайте-ка обождем денек! Посмотрим, что у нас получилось. Как работает обращенное заклинание... Чтобы не сесть в лужу с преждевременным рапортом об успехах...

Разумеется, предложение пришлось Кошке по душе. Мера ответственности есть мера ответственности!

Сутки даром не прошли. На следующий день Антон пришел к принципалу, уже зная, как исправить совершенную ошибку.

Кошка тоже времени даром не терял.

— Что ж, чародей... Мои люди пылают ненавистью к врагу. И в городе обстановка совершенно изменилась. Все готовы вести войну до победного конца, невзирая на трудности военного времени. — Он встал из-за стола и пожал Антону десницу. — Так что можно заняться отчетом.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Антон. И применил заклинание на ограниченную амнезию.

Конечно, он совершал преступление. Но еще большим преступлением стало бы убийство. Хотя именно убийство Кошки стопроцентно решало возникшую проблему. Ведь заклинание на амнезию можно снять. Это способен сделать любой волшебник высшего ранга. К примеру, Кудесник...

Так что надежнее всего было бы Кошку именно убить. Но почему этот мелкий принципал должен пострадать из-за ошибки чародея, не продумавшего последствия своей работы?

Впрочем, главное в том, что убийство непременно вызовет начало сыска по этому преступлению. И вероятность, что чародея выведут на чистую воду, намного увеличится. Так что обойдемся амнезией...

Через несколько секунд представитель министерства госбезопасности ничего не помнил о первоначальном предложении чародея.

— Что я должен написать в отчете? — спросил он, потому что столичный гость не посвятил его в содержание мер по противодействию работе вражеского волшебника.

— Напишите, что враг применил заклинание, порождающее в наших людях чувство раздражения, и что это беспричинное раздражение по законам психологии перерастает в недовольство. А когда конкретного повода для этого чувства нет, оно чаще всего превращается в недовольство властью. Я просто ограничу действие наложенного ордынцами заклинания двумя вершиками. На таком расстоянии заклинание подействует разве что на комаров да мух. Мое вмешательство противник обнаружить не способен. И, таким образом, будет уверен, что по-прежнему вносит смуту в умы наших граждан. Пусть и впредь расходует магические силы понапрасну.

Кошка кивнул и улыбнулся. Предлагаемые меры противодействия ему определенно понравились.

Еще через двое суток Антон сел в вагон экспресса «Южный Урал» и укатил в Новгород.

Это время ему понадобилось для того, чтобы и в самом деле ограничить действие вражеского заклинания.

Ибо оставлять заколдованные фонари в прежнем состоянии означало все-таки рисковать, что кто-нибудь разберется в случившемся.

Волшебники высоких квалификаций прекрасно владеют принципом зеркальности. Как первого, так и второго порядка.

Принцип зеркальности первого порядка, примененный к заклинанию на ненависть к своим властям, превращается в заклинание на ненависть к противнику.

Принцип же зеркальности второго порядка, примененный к заклинанию на ненависть к своим властям, превращается в заклинание на любовь к своим же властям. На любовь слепую и всепрощающую. Очень похожую на патриотизм...

Подобная любовь, чем бы она ни вызывалась, всегда толкает предмет любви на слишком большие вольности. Вольности же в политике всегда заканчиваются одним и тем же — социальным потрясением. Так было всегда...

Только потрясения нам сейчас и не хватало.

Поэтому Антон никогда и никому не скажет правды о том, что происходило в славном городе Орске.

Иначе вышестоящие принципы непременно начнут искать заклинание на принудительно внушаемый патриотизм. И непременно его откроют — в конце концов, в княжестве есть и волшебник высшего ранга. Кудесник Остромир, глава Колдовской Дружины, самый сильный из нас... И он лоб расшибет, а справится. Значит, ему не след давать повода заняться поисками такого заклинания.

Патриотизм вырастает из уважения к государству и питается именно оным уважением. Слепая же любовь, вбитая в человеческую душу магической дубиной, — в исторических масштабах, слишком слабый оплот стабильности государства. Рано или поздно наступит похмелье, и тогда...

Ненавидеть же врага местные жители станут и безо всякой магической дубины.

Вот только теперь появилась еще одна проблема. Когда придет время нынешнему Кудеснику уйти из жизни, весьма вероятно, что место его займет именно Антон. И не пожелает ли он сам воспользоваться этим заклинанием?

Идеальным бы решением было напустить ограниченную амнезию на себя. Но на это не способен даже Кудесник.

И потому с полученным знанием придется жить. В конце концов, у всякого государственного мужа есть свой скелет в шкафу...

В общем, будет время — будет и пища... А пока мы голову над возникшей проблемой ломать не станем. Подумаем лучше о благодарности руководства за выполненное задание!

И Антон удовлетворенно потер руки.

АЛЕКС МУСТЕЙКИС

ОПЯТЬ ДИКАРИ!

*Человек! ты всегда будешь видеть
прежде всего, то, что стремишься
увидеть, находить то, что
скорее ожидаешь найти.*

Древнее изречение

ПЯТЬ ДИКАРЬ, — СКАЗАЛ МАКГИЛАН.

Брадис молча отодвинул товарища и взглянул в люк. Не сказав ни слова, он повернулся и ушел в рубку. Было слышно, как он гремит там кастрюлями.

Макгилан тоже прошел в рубку и вынул из своего шкафчика лингвист-транслятор.

— Неужели тебе не надоело? — мрачно спросил Брадис. — Двадцать три планеты с дикарями — и на каждой тебе надо обязательно поздороваться за ручку и поговорить о смысле жизни. А я опять вари обед.

— Что за эгоистические мысли! — патетически воскликнул Макгилан. — Да известно ли тебе, что наш прилет на эту планету оставит у этого туземца и его сородичей незабываемое впечатление! Это для нас каждая встреча с иной цивилизацией обыденное явление. А для этих детей природы, только начинающих прощаться со своей дикостью! Я ясно вижу, как из поколения в поколение, из уст в уста передается светлая легенда о людях, прилетевших со звезд! Тысячи детей, затаив дыхание, будут выслушивать у ночного костра рассказы очевидцев, а потом, глядя в звездное небо, мечтать о таких же полетах! Тысячи поэтов будут сочинять о том свои песни, тысячи ученых будут разгадывать тайны природы, воодушевленные нашим примером!

— Ты демагог, — ответил Брадис. — Твоего туземца в данный момент больше интересует, как бы, завалив на охоте мамонта, побольше пожрать, а вовсе не полет к звездам. Если ты уж такой альтруист, то можешь, так и быть, отдать ему свой обед.

— А что? — воскликнул Макгилан. — Угощу его нашими консервами. Пусть передают из поколения в поколение, чем питались люди со звезд.

Он выгреб из шкафчика несколько тюбиков, с сомнением посмотрел на них, затем засунул один тюбик к себе в карман, а остальные положил обратно.

— Хорошего понемножку, — сказал он себе под нос и потопал к наружному люку.

Дикарь все еще стоял на поляне перед звездолетом в той же позе, грациозно опершись на дубину внушительных размеров. Макгилан переставил рычажок лингвист-транслятора на деление «примитивные понятия» и спрыгнул в траву. Дикарь проявил некий, но не очень сильный, интерес к особе Макгилана. Макгилан широко улыбнулся. Дикарь тоже. Похоже, он не собирается немедленно бить меня дубиной, решил Макгилан и направился к дикарю. Дикарь положил дубину в траву и улыбнулся еще шире.

Потом они подняли руки над головой и хлопнули в ладоши — по местному обычаю, это означало приветствие. Затем пожали друг другу руки — уже по обычаю земному. Контакт был установлен. Наступила пора знакомства.

— Макгилан, — произнес Макгилан, ударяя себя кулаком в грудь.

— Мхакхилан, — повторил дикарь с дикарским акцентом. Потом он ударил себя в грудь и представился:

— Кгхринс.

— Хринс. Очень приятно.

Затем началось обоюдное изучение языка. Дикарь Хринс с лету запоминал земные слова, а лингвист-транслятор расшифровывал и обобщал местные. Наконец, запас слов, накопленный обеими сторонами, оказался достаточен для приятной беседы.

— Где твой дом? — спросил Макгилан.

— Здесь, — ответил Хринс, указывая под ветки дерева, напоминающего сосну. — И везде.

Он сделал неопределенный широкий жест.

Как это поэтично, подумал Макгилан. Он считает своим домом всю планету.

— А твой дом? — спросил, в свою очередь, Хринс.

— Сейчас здесь, — кивнул в сторону звездолета Макгилан, — а раньше был там. — Он указал пальцем в небо. — Мы прилетели со звезд.

Дикарь не высказал особого удивления. Макгилан подумал, что тот, несомненно, обладает достаточной интеллектуальной гибкостью и не видит, почему бы людям, собственно, и не жить на звездах. Тут он почему-то вспомнил о консервах, сунул руку в карман, достал тюбик и протянул Хринсу.

— Попробуй, — сказал Макгилан. — Вкусно.

Дикарь повертел тюбик в руках, попробовал оболочку на зуб, но тут же догадался отвернуть пробку и стал выдавливать содержимое себе в рот.

Возможности интеллекта не меньше, чем у нас, думал Макгилан. Еще семь-восемь тысяч лет эволюции — и начнет возделывать поля, разводить животных. А там и до космических полетов рукой подать. В языках он все-таки здорово разбирается. Почти все слова на земном произносит правильно. Впрочем, неудивительно — интеллект простаивает. Да и у них тут, может, в каждом стойбище свой язык...

Хринс доел консервы и забросил тюбик в кусты. Затем он запустил руку за пазуху своей великолепной блестящей шкуры и выудил оттуда грязный и засаленный банан.

А ведь придется есть, тоскливо подумал Макгилан. Вот они, издержки взаимопонимания...

Банан, впрочем, оказался необыкновенно вкусным, хотя и с толстой, прочной кожурой, о которую Макгилан сломал ноготь. Но вот с бананом было покончено, и Макгилан отбросил кожуру в сторону. Надо было продолжать беседу.

— У вас есть огонь? — спросил он.

— Да! — воскликнул Хринс и заулыбался. — Большой огонь, горячий огонь. Выпустишь на волю — сожжет и лес, и горы. Вот какой у нас огонь. Он опасный, но без него плохо-плохо жить.

— Наш дом тоже имеет огонь, — похвастался Макгилан. — Наш огонь такой сильный, что поднимает наш дом и кидает в небо.

Тут Макгилану пришла в голову мысль узнать космогонию этого мира, о чем он и спросил дикаря в доступных выражениях.

— Наш мир удерживается великим столбом, — объяснил дикарь. — Не будь этого столба, все бы сгорело. Этот столб создают, соединяясь, земля и огнедышащее небо — солнце.

— А как произошел твой мир? — поинтересовался Макгилан.

— Сперва ничего-ничего не было, было только небо сверху и океан внизу, небо было пусто, а в том океане было все, но в зародыше. Потом сверкнула большая-большая молния, ударил гром — бах! — и на границе океана и неба появилась земля. Только многие из вещей появились не сразу, а только после того, как стали исполняться законы великого Мхагху..

Дикарь обвел вокруг рукой.

— И люди, и деревья, и звери, и небо, и звезды, — все подчиняется законам Мхагху. Мхагху ведет каждого к абсолюту, где теряется прежнее.

Уже додумался до богов, паршивец, подумал Макгилан. А так бы была на редкость стройная материалистическая концепция.

— Теперь рассказывай ты! — потребовал дикарь.

Макгилан задумался.

— Ну, весь мир произошел в результате Большого Взрыва, — начал он. — Вначале весь мир представлял собой сингулярность, где понятия времени и пространства не имели смысла...

О чем это я говорю, удивился сам себе Макгилан. Теперь ведь придется объяснять ему, что такое сингулярность. Как же это попроще...

— А сингулярность — это... это... Он спешно искал подходящие слова. — Это как бы такое яйцо, где все содержимое, как скорлупой, покрыто горизонтом событий. И его просто так не разобьешь, потому что нечем. Ничего то еще нет, понятно? Ну так вот, эта сингулярность в результате флуктуации, я тебе не буду объяснять, что это за зверь, это сложно будет... туннелировала сквозь горизонт событий... то есть яйцо треснуло... ни с того, ни с сего. А после Большого взрыва началась структуризация материи... то

есть появились звезды, и солнце, и земля. Ну, а дальше уже жизнь. Эволюция, и в результате, там, деревья, звери и птицы. И, в конце концов, человек. Ух...

Макгилан вытер со лба выступивший пот.

— Трудновато все это объяснить, понимаешь, — он виновато развел руками.

— Наверное, ты не жрец, — подытожил дикарь.

— Да уж, какой я там жрец, — согласился Макгилан. — Куда уж мне... Ну ладно, — спохватился он. — Заговорился я здесь с тобой. Ну, пока, прогрессируй потихоньку. Залетим через десяток тысячелетий.

Ну и нудное это все же дело — разговаривать с дикарями, думал он, забываясь в люк звездолета. То ли дело цивилизация на уровне — культурный обмен, обмен технологиями... Так ведь не встречаются же такие! Он обернулся и помахал рукой на прощанье. Дикарь, уже поднявший дубину, помахал в ответ — и рукой, и дубиной. Он очень гармонично смотрелся на этой поляне в лучах заходящего солнца — мускулистый, загорелый, дубина в руках и шкура через плечо подчеркивали его неразрывное единство с окружающей природой. Макгилан криво усмехнулся своим мыслям и хлопнул люк.

Звездолет выходил на орбиту.

— Ну что, поговорил? — осведомился Бладис.

— Умгум, — ответил Макгилан, уплетая борщ. — Такой славный дикарь оказался... Рассказал мне легенду о происхождении мира, вот! — Он потряс микрокассетой транслятора. — Не зря все же поговорили.

— На этой планете мы потеряли кучу времени, теперь придется спешить, — озабоченно сказал Бладис.

— Ничего, наверстаем, — отозвался Макгилан. — И все равно найдем настоящих братьев по разуму! Наш девиз — вот, по словам древних, — и он указал на иероглифическую надпись на приколотом над пультом листке, — «Человек! Ты, в конце концов, найдешь, что ищешь, если хочешь найти!» Вольный перевод, — уточнил он.

— Ищите и обрящите? По-моему, древние вкладывали в это изречение несколько другой смысл, — скептически заметил Бладис.

Хринс смотрел вслед улетающему звездолету. Улетели, подумал он с сожалением. Потом он подошел к сосне и дернул за дежурную ветку. Ветви дерева плавно разошлись, открыв маленькую пластиковую дверцу. Хринс зашел в прихожую, снял и повесил свою шкуру на вешалку. Дубину-киберпереводчик он выключил и поставил в угол.

У малогабаритной термоядерной печки хлопотала его жена, красавица Хранс. Услышав звук шагов, она обернулась.

— Ну что, милый? Они улетели? — поинтересовалась она.

— Улетели, — мрачно кивнул Хринс, садясь на лежащую на полу шкуру.

Хранс увернула дейтерий, чтобы не подгорела каша, и опустила на шкуру рядом с мужем.

— Послушай, Хринсик, не переживай ты так. Может, ты ошибся, и они на самом деле на высокой ступени развития, вроде нашей.

— Да нет, — махнул рукой Хринс. — Что я, в первый раз их вижу? Конечно, меня поначалу тоже одолевали сомнения, — как-никак летают между звезд... Но потом, когда поговорил с ними... Наверное, это какая-то очень медленно эволюционирующая цивилизация. Вроде тех ракеток на Фрелоне, что овладели химическим реактивным движением еще на стадии беспозвоночных, и выбрались в околопланетный космос. А эти... К тому же они применяют такой примитивный репагулярный скачок. Пойми, дорогая, будь они разумны по-настоящему, то они сразу же овладели бы телепортацией — и быстрее, и не надо строить такие громады. А они строят. Следовательно, придерживаются выработанных десятками тысячелетий правил, интуитивно нащупанных в процессе проб и ошибок... Да ты сама слышала наш разговор! Ведь два по-настоящему разумных существа всегда договорятся до законов развития мироздания, например...

— А может, они посчитали тебя за дикаря? — предположила Хранси.

— Чушь! Я прямо ему говорил и о термоядерной реакции, и о силах гравитации, и о Большом Взрыве, и о законах эволюции, открытых великим ученым Мхагху... А что он сообщил мне в свою очередь? Не смог даже рассказать, почему летает его «дом»! А его космогонический бред! Вначале было яйцо...

— Как раз это мне страшно понравилось! — воскликнула Хранси. — Никто не мог разбить это яйцо, потом зверек бежал, хвостиком махнул... Я обязательно расскажу эту сказку нашим детям!

— Конечно, все это поэтично, — согласился Хринс, смягчаясь. — Но поэтика и образность, да и технология тоже — еще не атрибуты высокого уровня развития.

— А мне все-таки кажется... Он так осмысленно глядел... — протянула Хранси.

— Ты ошиблась, — уже спокойно возразил Хринс. — Взять хотя бы то, что он никак не среагировал на понятие моря виртуальных частиц с отрицательными уровнями энергий, а такую основополагающую вещь у нас проходят в первом классе. Впрочем, он сам мне признался, что неученый. Но, видимо, очень способный. Как он легко развернул банан! Мне и то в детстве это удалось с третьего раза...

— Мне их жалко, — всхлипнула Хранси. — Они летают между звезд... и не осознают бесконечности окружающего их пространства, не осмысливают величия туманностей и галактик... Может, тебе не стоит больше с ними разговаривать? Если бы я была на их месте и вдруг почувствовала эту огромную разницу в развитии, эту непреодолимую пропасть... нет, я бы не выдержала.

— Им надо помочь, — убежденно сказал Хринс. — Ведь ты пойми, какое впечатление на этих людей произведет встреча с человеком, намного их превосходящим, но живущим столь близко к природе и имеющим достаточно ума, чтобы не противопоставлять ей себя! Ведь потом предания об этой встрече будут переходить из поколения в поколение! Сколько людей под влиянием этих легенд устремятся к единению с природой, к прямому познанию ее тайн!

— Да, — согласилась Хранси. — Это великая миссия.

Сквозь живые древесные стены жилища донесся оглушительный рев.

— Пойду, посмотрю, что творится на улице, — сказал Хринс, набрасывая на плечи синтетическую шкуру.

Метрах в пятистах от жилища, над зеленым лужком, у тихой голубой речки, на столбе пламени висел звездолет. Вот он приземлился, и из его чрева выползли короткие трубы. Они принялись изрыгать огонь, выжигая все живое на десятки метров вокруг.

— Варвары! — воскликнул Хринс. — Это ли не лучшее доказательство дикости?

Он вернулся в дом за дубиной-переводчиком.

— Ну что там? — спросила его Хранси.

— Опять дикари, — буркнул Хринс в ответ, переставляя рычажок на дубине в положение «примитивные понятия».

АРТЕМ РАЧКОВСКИЙ

РЕКВИЕМ ДЛЯ КАЛЬКУЛЯТОРА

ПАСМУРНЫЙ ВЕЧЕР. ЗА ОКНОМ ЗАНУДНО СТУЧИТ дождь. По стеклу струятся тонкие ручейки осени.

Магическое время. Время, когда просыпается прошлое.

Старый ларец. Как давно я не доставал его с верхней полки? Лет пять, наверное. Но сейчас он мне нужен как никогда. Мне нужны воспоминания — ведь это лучшее лекарство от хандры. По крайней мере, для меня.

Бережно извлекаю из ларца предмет за предметом, раскладывая вокруг себя своеобразный веер, из старых блокнотов, фантиков, наклеек, и прочих трансформеров. Глубже лежали школьные вещи. Некоторые отдавались внутри остаточной неприязнью, но большинство пробуждало в сердце, что-то теплое и не наигранное.

А вот и мой старинный друг — калькулятор. Я машинально пробегаю по клавишам, набирая банальное «два плюс два». Советский компьютер с радостью выдал «восемь». Даже страшно подумать. Когда-то он на подобный запрос высвечивал «пятерку»... А еще раньше — «четыре»... Или «три»?

Помню, как мы радовались во втором классе этим маленьким казусам. Да еще и наша математичка постепенно сходила с ума, что веселило нас еще больше.

Сейчас мне ее немного жаль.

Зато когда отказала моя игровая приставка, и не только моя, веселья прибавилось. Помню, какой это был тяжелый удар для меня. Что же еще осталось хорошего в этом мире для мальчика, у которого стойкая неприязнь к спорту? Девчонок я тогда терпеть не мог. Жизнь, казалась, была окончена.

Я улыбнулся сам себе. А вот уже десятый класс.

Дневник. Начал его писать, повинувшись первому сердечному порыву. Порыву по имени Елена. Увлечений тогда прибавилось, жизнь окрасилась в праздничный наряд. Пусть и ненадолго. Потом она сменит кружева на траурную вуаль, но через две недели встряхнется и, забыв о грусти, наденет заводной апельсиновый топик.

Бережно листаю порядком потрепанные страницы. На первой красовался глупый и не совсем складной стишок. С пренебрежением читаю его. Мда. Где мои пятнадцать лет?

А вот и первая запись, не менее глупая:

12.05.98. Ленка пригласила к себе. Это намек? Проверка? Может, отказаться?

Лучше бы я тогда отказался. Потом по докторам ходил недели две. Б-р-р. Скорее переворачиваю темнеющую страницу.

26.07.99. Скучаю. Комп полетел. Радио не работает. По телеку размазанная радужная каша. Если бы не Танька, каникулы прошли бы впустую. Говорят, скоро в моду войдут цирк, балет и опера.

Именно в такой последовательности.

Далее следовал ряд обрывков, торчащих из корешка — что поделать, сердечные терзания набирали обороты.

На следующем целом листе шел уже уверенный, острый и немного небрежный почерк.

16.09.01. Поступил в универ, на инженера. Надо же, учеба может быть интересной! Девушки здесь — просто супер!

Внезапно из-за горизонта всплыла Танька. Еле отделался. Хожу раз в неделю с друзьями в театр. Ставят неплохие вещи. Недавно «Триста спартанцев» показывали. Массовки могло быть и побольше. А вот постановка боев вполне удачна. Только с кетчупом перебор — первые два ряда были забрызганы с ног до головы.

18.12.01. Учеба разонравилась. Это не сессия, а мучение какое-то. Интегралы решать с помощью счетов — это вам не пиво глазом открыть.

На улице устраивают уличные представления. Ходят ряженные. А я сижу как баран, и в пятый раз готовлюсь к пересдаче.

На следующей странице шел уже трудно читаемый текст:

03.07.04. Учеба больше не напрягает, но и увлечь уже не может. Хотел купить машину, но, как назло, на днях отказала даже элементарная механика.

Зачем только я учил эти интегралы? Говорят, в Гарварде повесилось семеро профессоров, после того как у них не сошлась теорема Пифагора. Наши, московские, ученые пока держатся.

11.05.05. Универ закрыли за ненадобностью. Официально физики и математики больше не существуют. А значит, не нужны и инженеры.

Гуманитарии процветают.

Как же я ненавижу этих философов! Им-то теперь хорошо.

Делать нечего — жену кормить чем-то надо. Пойду работать в цирк. Клоуном. Поделом мне!

18.08.06. Из-за полученных травм прекращаю карьеру жонглера — во время одного из выступлений кегли внезапно поменяли массу и структуру. Зрителям понравилось. А меня чуть не раздавило. Предлагали тройной гонорар и новую программу. Послал их в зад толстого слона Джамбо. Ищу новую работу.

26. 08.06. Забрали в армию. И тут же отпустили. Не годен. Видите ли, не могу с достоинством держаться в седле! Для пехоты — мелковат. Для разведки — не слишком умен. Для саперных работ не достаточно вынослив и... опять же недостаточно умен. Военная карьера загублена. Не очень-то и хотелось.

29.09.06. Все-таки, армия навела меня на правильную мысль. Увлёкся коневодством. Устроился менеджером в гужевой сервис. Надо же, а я уже хотел идти в ассенизаторы.

15.10.06. Сегодня случилось чудо. Все лошади отрастили себе крылья и, не долго думая, улетели. В никуда. Было красиво и грустно одновременно. Весь небосвод был просто усеян новорожденными пегасами.

Все, хана! Иду в ассенизаторы.

26.06.08. Меня наконец-то повысили, до садовника. Стало легче. Больше свободы. Все-таки я не прав. Творчество — это не так плохо.

Мне кажется, я нашел свое призвание.

03.07.10. Сегодня вышел из строя мой календарь. Настенный! Бумажный!!! Цифры ведут себя как хотят. Если ему верить — в июле семьдесят дней. Друзья говорят, у них то же самое. Когда же тогда отпуск?

45.07.10. Ушла жена. Отпуск мне больше не нужен. Только теперь понял, как я люблю тишину.

90.08.10. Завтра на работу. Никогда так хорошо не отдыхал. Море, солнце, красивые женщины.

Вы не представляете, сколько на белом свете красивых, милых, умных женщин! Вспомнил, что называется, студенческие годы.

01.09.10. Сегодня в городских аллеях настоящий аврал. Растения не хотят пить обычную воду. Им, видите ли, с сахаром подавай.

В попе слипнется!

Ничего, пусть посидят на голодном пайке. Глядишь, умнее станут.

04.09.10. Тупун мне на язык! Растения действительно стали умнее. Вчера стриг тополь, так его перетак! Не хотел, он стричься, и все тут. Ветви с завидной скоростью выгибались, росли, в противоположном от моей пилы направлении, утолщались, меняли состояние, становясь тягучей тестообразной массой.

Я не оставался в долгу. Моя пила преследовала каждую ветвь, огибая ствол, порой несколько раз. Стальные зубы увеличивались в размерах, и все же достигали свою цель. А потом, когда тополь был благополучно острижен, я с чувством выполненного долга скомкал в руках лестницу, зацепил ее за ухо, как жвачку, и, мягко оседая вниз, спланировал к следующему дереву. То, предчувствуя неприятную экзекуцию, просто отфутболило меня увесистой ветвью.

Обожаю свою работу!

16.09.10. Началась война. Как и почему? Никто не знает. По-другому, кажется, и быть не может. Меня, слава Богу, мобилизация опять не коснулась: требования к армейской подготовке сильно выросли.

Пока занимаюсь тем, что выращиваю живые преграды на подступах к городу. Почему-то совсем не страшно.

56.12.10. Конец «Минского столкновения». Хотя то, что творилось на улицах города, правильнее назвать «Минской мясорубкой».

Все-таки человечество отвыкло от вида ближнего боя. Не хочу описывать, увиденное мной. Скажу только, что все произошло быстро, яростно и необычайно кроваво. Но что удивительно — убитых практически не было.

70.12.11. После долгого противостояния враждующие стороны наконец подписали мирный договор. Причин несколько. Официальная — экономичес-

кая нецелесообразность продолжения конфликта. Явная, она же самая ужасная — исчезновение почти всего воинского состава.

Солдаты, офицеры, нестроевые, все они в один прекрасный день просто начали чахнуть, тускнеть и, наконец, растворяться в воздухе.

Многие говорят, что это вмешательство потусторонних сил, кара небесная. Может быть. Что до моего мнения, солдаты просто хотели уйти... от всего. И это им удалось.

35.12.13. Сегодня удивительный день. Готовил плов и порезал себе палец. Точнее, думал, что порезал. Нож был увесистый и острый. А палец просто, как резиновый, отпружинил опасную сталь. Вначале испугался. Пересмотрел «Горца». Успокоился. Позвонил другу. Оказывается, у него что-то подобное раза три случилось — ему пилу выдали уж больно вредную.

65.21.14. Мы не стареем. Я понимаю, что это звучит обыденно. Но все же. Есть хочется все реже и реже. Готовлю и ем исключительно для удовольствия. Больше по праздникам.

70.12.16. Сегодня омолодился последний старик нашего города. Странное ощущение. Может, мы уже в раю?

15.24.29. Оказывается, я не настолько туп, как это мне пытались внушить на призывной комиссии. Устроился в научный отдел. Все-таки мы, люди, стремимся объяснять, даже самую что ни на есть белиберду. Математику восстановить не удалось, ну и не надо. Кому хочется подчиняться старым законам, стареть, глупеть и считать остатки.

33.27.30. Вывели первые теоремы. Жизнь стала проще, то есть объяснимее. Прежде всего, отмерла причинно-следственная система. В бой вступает система двойного и тройного зазеркалья. Больше нет закона сохранения энергии — материя берется из ниоткуда и в никуда возвращается.

57.28.30. Агрегатных состояний теперь сорок тысяч, и это без подвидов, коих сотни.

Химики хватаются за головы.

34.01.45. Человеческое тело сегодня лишь внешне напоминает прежние аналоги. В спокойном, невозмущенном состоянии, оно состоит, в основном, из кремния, психоплазмы и спектральной энергии свободного взгляда. Неизменным элементом остается лишь сердце — бриллиантовый концентрат, работающий на активности мозга.

37.07.48. Стран больше нет, как нет и экономики. Торговать больше незачем. Ведь человек научился создавать материю одной только мыслью. Пусть и с трудом, большим трудом. А, что еще важнее, — он научился дарить созданное.

47.07.48. Вернулся к садоводству. Теперь уже в качестве ландшафтного архитектора. Дрессирую дикую флору, создаю новые виды, вырастил пару воздушных садов на десять тысяч гектаров. И был этим доволен. Дважды жил с женщиной — свадьбу вновь ввели, как традицию.

Причем браки пока временные. На сорок — пятьдесят лет.

11.03.120. Проживаю в исторической зоне. Пока один.

Отдыхаю. Хотя, если честно, я уже давно забыл, что значит устать.

Вчера приходили правнуки. Сорок пять мальчиков и десять девочек. Как быстро летит время!

Ну что ж. Пусть детей будет много. Пусть их будет еще больше. Земля уже бесконечна, как и человеческая мысль.

Я счастлив.

Это была последняя запись. Правильная.

Так и должны заканчиваться дневники, отжившие свое. Много изменилось, всего и не упомнишь. Но люди все же выжили. Старательно сохраняя крупицы былого, прежние привычки и вид окружающего мира.

Земля подверглась вторичному преобразованию человеком. На этот раз он пришел без армии машин. Лишь мысль, помноженная на воображение, была его орудием. Что будет дальше? Какими будут новые поколения людей? Тут история заканчивается и начинается фантазия. Фантазия, что заставляет работать бриллиантовый концентрат под старым названием «сердце».

Я глубоко вздохнул. Аккуратно убрал старые вещи, положив их на лист бумаги. Они тут же растеклись по белой поверхности, а затем сжались в маленькую кляксу. В таком состоянии психоматерия будет находиться до тех пор, пока ее снова не призовут.

Кладу лист в ларец и задвигаю на дальнюю полку.

Я с удовольствием посмотрел в окно. Там все еще моросил дождь. Вообще-то он будет идти ровно месяц, так хотят сами люди, ведь они не желают забыть о таком понятии, как осень. Я провел рукой по окну — то растворилось, вместе со стеной, впуская внутрь комнаты сырость и запах дождя. Ноги мягко оттолкнулись от ковра, отправляя мое тело в затяжное планирование в сторону булочной. Да, мы воссоздали булочные, пельменные и беляшные, потому что хотим помнить. Мы возродили здания, книги и музыку, потому, что хотим верить. Верить, что когда-нибудь найдется объяснение, а не гипотеза, и новый ориентир в бушующем потоке жизни.

* * *

Пустота. Бесконечная пустота, заполненная бесконечностью. Галактика «млечный путь» совершала очередной виток вокруг своей оси. Прозрачный гигант, странник из далекого невозможного путался в ее радужных переливах, преобразуя звезды и планеты. Его бесформенное тело окутывало черную дыру в сердце умирающей галактики. Окутывало, пока вечно голодное звездное чудовище не превратилось в сияющее солнце. Так родилась вечность.

МИХАИЛ «ЗИРА» ЗИПУНОВ

ОТ ЗАКАТА ДО...

ОЛОЖИТЬ ОБСТАНОВКУ, ШТУРМАН! Следующий населенный пункт? — нарочито бодро спросил Игорь, стараясь отогнать исподволь подступающую дрему.

— Шевченково, — сонно пробормотала Катька, даже не заглядывая в уже на память заученный, атлас автомобильных дорог.

Подержанная бега лихо неслась вперед, стремясь засветло преодолеть оставшиеся пару десятков кмэ. Впрочем, лихость лихостью, а нагнать не стоило, и на въезде в очередной населенный пункт Игорь всегда сбрасывал скорость. Допустим не шестьдесят. И даже не всегда восемьдесят. Но уж точно не больше девяноста километров в час — пешеходы тоже люди. Хоть и не на машинах.

— А ну, не спать! Какое такое Шевченково!

— А что? — удивилась Катька.

— А то. Закат на горизонте! — усмехнулся Игорь.

— Какой закат? — не поняла Катька.

— Обыкновенный. Поселок, надо понимать, — ответил Игорь, притормаживая возле таблички с названием населенного пункта.

— Странно... — Катька скользнула по табличке с надписью «Закат». — Нет на карте никакого Заката. Следующее должно быть Шевченково...

— Наверное, село — три огорода, вот и нет на карте. Или дачный кооператив, — предположил Игорь.

Впрочем, из-за поворота дороги вынырнул вполне приличный поселок. Чистенький, аккуратный и размерами поболее многих других, сегодня виденных. Даже заправка имела. Игорь съехал с дороги. Солнце висело уже в опасной близости к горизонту, но ехать оставалось — сущие пустяки. Максимум через полчаса будут на месте. Пять минут на заправке ничего по большому счету не решали.

Катька скрылась в магазинчике — купить кофе.

— А что это у вас за поселок такой странный? — между делом поинтересовался Игорь у заправщика.

— Поселок как поселок... — буркнул тот.

— Та ладно, не прибежняйся. Красотища ж какая тут! Закат какой изумительный! — не слишком удачно скаламбурил Игорь, кивая на садящееся солнце.

— Закат как закат... Всегда одинаковый... — Заправщик явно не разделял оптимизма Игоря в отношении великолепия природы.

Впрочем, Игоря это особо и не удивляло — постой вот так на жаре целый день, обслуживая проезжающих дармоедов. Конечно, дармоедов, улыбнулся мысленно Игорь. Летом, на своей машине, «на юга» — однозначно дармоед, а не честный трудяга.

И хотя сам Игорь дармоедом уж точно не был, он быстро переварил мысленный поток заправщика и безмятежно отбросил его в сторону. Вживаться в шкуру другого человека, ставить себя на его место, пытаться найти точки соприкосновения — профессиональные навыки Игоря — не хотелось абсолютно. Хотелось поскорее добраться до места, смыть с себя пот и пыль дороги — желательно в море — и устроить с Катькой нечто безобразно развратное! Еще полчаса — и можно открывать шампанское за официальное начало отпуска!

— А до Шевченкового долго еще?

— Как повезет... — бросил заправщик, не оборачиваясь.

Игорь посмотрел тому вслед, улыбнулся и, отогнав машину немного в сторону, вместе с Катькой и двумя пластиковыми стаканчиками кофе устроился на бревнышке возле заправки, любуясь закатом.

Конечно, предвкушение от предстоящего отпуска играло немаловажную роль, но закат был действительно красив. Такой не зафиксировать никаким фотоаппаратом, никаким фотошопом не передать. Разве что художник может попытаться «пересказать» — когда вместо души заката, вкладывает в картину свою душу.

Таким закатом можно любоваться бесконечно долго...

Минут через пять кофе закончился, а красный блин солнца коснулся горизонта. Игорь с Катькой вновь оседлали своего железного коня и поскакали по колдобинам. Впрочем, вполне сносным — бывали сегодня и хуже. Гораздо хуже.

Слева тянулись разнокалиберные домики поселка, а справа — огромный диск солнца слился в поцелуе с горизонтом. Минут через пять Игорь незло выругался — поселок за окном петлял вместе с дорогой и петлял, не давая развить приличную скорость.

— Да когда же этот Закат закончится! — не выдержал Игорь еще минут через десять. — Едем-едем и ни конца ему, ни края! Хорошо хоть солнце еще светит... — сказал Игорь и осекся. Солнце по-прежнему вгрызалось в горизонт.

Игорь резко ударил по тормозам и выскочил из машины. Бросил взгляд на часы — от заправки они отъехали больше двадцати минут назад. А Солнце все так же, на треть погрузившись за горизонт, кровавило небо. Сердце забилося в предчувствии опасности, а по спине побежали холодные струйки пота. Подошла Катька. Игорь посмотрел на девушку и кивнул на заходящее солнце:

— Зависло...

Прошло полчаса. Сердце перестало выпрыгивать из груди. Дыхание успокоилось. Наступило умиротворение. Игорь и Катька благоговейно смотрели на бесконечный закат.

А закат, как и любой художник, оценивающе смотрел на свою работу. Кажется, получилось. Парень с девушкой на обочине дороги вышли как живые...

ОЛЬГА ЧИБИС

САДА ВОЛШЕБНОГО ГОСТЬ И ХОЗЯИН

ЕМОЛКЛИ ДАВНО ЗВУКИ ГОРНА, СТИХ ВДАЛИ ЛАЙ СОБАЧИЙ... Заблудился княжич, отстал от дружков. Казалось бы, все леса окрестные как свою ладонь знал — на охоту частенько езживал. Ан нет, на сей раз далековато, видать, забрался...

Два дня и две ночи выбирался княжич из незнакомого леса. Оголодал, отошал, одежду о кусты изодрал. Тяжко ему пришлось: был он седьмым сыном у родителей, младшим и самым любимым — балованным. Кроме пиров да охоты, занятий не знал. Старший брат при отце был, княжество принять готовился, второй — войском учился командовать; третий границы охранял на севере, а четвертый — на юге, пятый послом к иноземному царю отправился, да и шестой поближе к казначею пристроился... Как тут Ходимиру дело себе найти?

На третий день увидел он башню вдали — к незнакомому княжеству выехал... Какой-то простолюдин, по одежде, речи и убранству коня богатому признав в нем человека знатного, проводил его к княжескому терему. По дороге узнал Ходимир, что правит здесь княжна Травиника, волшебница. Славится она цветником своим, что на две части делится: в одной веселицы растут, да отважницы, да надежинки, да добрянки, в другой — досадницы и грустиммы, тревожницы и сердитки... Из их лепестков княжна лекарства делает, чтобы людям помогать. Придет к ней, скажем, просительница, снадобья для сына попросит: больно уж ветреным вырос, пустомелей, ничему учиться не желает. Даст ей Травиника чуток тревожницы да грустиммы щепоть; выпьет отвара ветреник — да, глядишь, и задумается о чем всерьез. Попросят у княжны средства боль-тоску изгнать — веселицы даст лепесток или надежинки... Но не всем помогает Травиника — тем лишь, кому помощь и впрямь требуется. А меж первой и второй половинками сада тепличка маленькая стоит. Стережет ее денно и ночью самый лучший солдат. Никому туда ходу нет, кроме хозяйки самой, и что такое растет там, простому люду не ведомо.

Подвел человек Ходимира к воротам княжеским и ушел восвояси. А княжич к Травинике направился: познакомиться решил, все ж таки соседи, да и на сад посмотреть любопытно.

Но увидел княжну — и пропал. Улыбка у Травиники была ясная, что весеннее небо после дождя, а глаза цвет меняли. Нахмурится княжна — очи темной синью затуманятся, задумается — прозрачнее воды станут.

Впервые в жизни пожалел тут Ходимир, что княжич он лишь по званию — разве пойдет за такого Травиника-красавица!

— Ах, княжна! Предложил бы я тебе женой моей стать, — так и сказал ей прямо Ходимир, — да ничего-то нет у меня — ни земель своих, ни казны...

— Согласна я, — Травиника ответила. — А княжество мне твое без надобности: муж мне нужен, чтобы землями здешними правил, пока я садом волшебным занимаюсь. Многие иноземцы ко мне сватались, как отец мой, Стеблій, умер, да только вижу: не сама я им нужна. Хотят на сад мой руку наложить, к цветам подобраться — чтоб людьми управлять. А ты, княжич, не из таких совсем! По нраву ты мне...

На том и порешили. И свадьбу сыграли не откладывая, к обоюдному удовольствию.

Отшумело гулянье, разъехалась родня... Вскоре после свадьбы сказала Травиника, что надо ей уехать ненадолго — к тетушке Соцветии, за семенами и луковицами волшебными. А мужа остаться попросила:

— На тебе теперь княжество — учись делами править, все осматривай. Отдохнуть захочешь — по саду моему погуляй, на клумбы полюбуйся. Только нюхать тебе их не надо: непривычный ты, много лет потом в их власти пробудешь. И запомни — ни в коем разе в тепличку мою не ходи, что б ни случилось!

Заверил жену Ходимир, что не нужны ему ни цветы волшебные, ни тепличка тайная — поважнее он себе занятие найдет:

— Езжай спокойно, княгиня: все как надо сделаю!

Уехала Травиника к тетушке, а Ходимир на княжестве остался, за дела принялся.

Да только наскучило ему скоро целыми днями в хоромах душных сидеть, просителей выслушивать, в законы да тяжбы вникать, сборы разные подсчитывать — привычка прежняя на пиры влекла, на охоту в лесные просторы толкала.

И вот как-то улизнул от бояр-советников Ходимир и прогуляться тайком отправился. Все обошел, все дворы и конюшни, и про сад Травиникин вспомнил.

Мимо стражи у теплички закрытой прошел — и словно в сказке оказался. Вертит князь головой — не может решить, куда сперва и свернуть. И справа, и слева — везде клумбы, клумбы с цветами, да какими! У одних — лепестки-лодочки тяжелые, лимонно-розовые медовой пылью усыпаны, у других — серебристо-лазурные, спиралью закручены, у третьих — по краям волнистые, сверху алые, внизу белоснежные... Которые цветки на голубиные крылья похожи, вот-вот сорвутся и в небо улетят, а которые десятком чашечек вокруг стебля покачиваются, будто девицы-подружки в пышных юбках шелковых за столом сидят, чай пить собрались... А иные и вовсе описать нельзя... Был он здесь с женой вместе, с Травиникой, рассказывала она, где

отважница, а где досадница, где веселицы, а где тревожницы — да Ходимир тогда больше на жену молодую смотрел, голос ее слушал да в глаза вглядывался — то зеленые, то голубые, то орехово-золотистые. А один оказался среди цветов — обомлел, до того пышны да роскошны оказались. А запахи-то, запахи!

Затуманилась голова у Ходимира — вмиг все наказы жены улетучились. Нагнулся он и цветок ярко-алый понюхал...

Тут же плечи у князя сами собой расправились, грудь выпятилась — кажется, горы бы сейчас свернуть мог!

Шагнул он к следующей клумбе — над цветком-голубкой склонился... И так легко ему стало вдруг — хоть лети! С трудом руки-ноги удержал, чтобы в пляс не пуститься...

Все обошел князь молодой — уж сам черт ему не брат, чувствует! — и в другой конец сада направился.

И там клумбы не беднее оказались! На одной цветы темно-синие, бархатные, на стеблях, как на шеях лебединых, клонятся, покачиваются, словно напомним о чем-то хотят. Вдохнул их запах Ходимир — заныло сердце, как будто заноза в него вошла... На клумбе следом цветки-спирали понюхал — вся кровь в виски кинулась, щеки загорелись... А в конце самом сада чернорыжие шары пестреют, бордовые иглы из них торчат. Наклонился над ними князь — и потемнело у него в глазах, еле-еле выпрямиться сумел.

Отдышался Ходимир и побрел из цветника прочь — голова кружится, руки трясутся, губы дрожат, каждый вдох с трудом дается, а внутри все кипит, и кружит, и давит — вот-вот, кажется, разорвет его на мелкие клочки! А все княгиня молодая, Травиника!

Взяла и уехала — одна, без него! А ему в дела вникать велела, точно он мальчик какой! Князь он или не князь?! Да в его роду каждый с колыбели править умеет! И что за причуды такие — в тепличку, видишь ли, заходить нельзя? Что за секреты? Не доверяет ему, стало быть, княгинюшка?!

Оттолкнул Ходимир стражника, распахнул дверцу... Остановился на пороге, глазам не веря. Растет посреди теплички цветочек один-единственный с мелкими листиками, головкой пушистой — пух вовнутрь, семена наружу. Засмеялся во весь голос князь: и этакий-то отросток-недоросток прятать за надобилось, одуванчик сорный? Ни цвету, ни формы, и запаху небось никакого. Сорвал он цветок и к лицу поднес...

И пропало для князя все — и дрожь в руках, и жар в крови; и ветра свист, и солнца свет.

Смотрел спокойно Ходимир, как из цветка неказистого семена посыпались, с ветерком по саду разнеслись и проросли тотчас же, а цветы волшебные чахнуть начали, лепестки сворачивать; как слуги да стражники засуетились, забегали — смотрел, пока его за руку в покои не отвели.

Под вечер весть принесли, что по княжеству пошла гулять травина сорная, сады губить, людей одурманивать. Худая новость — а не кольнуло у князя в душе.

Наутро Травиника вернулась. Хорошая весть — а не дрогнуло сердце...

Княгиня при виде мужа лишь руками всплеснула, полыхнула очами черными — и в сад кинулась. А Ходимир у окна сидеть остался. Хорошие дни стояли, теплые, ясные — только на охоту и мчаться. Да зачем?..

Воротилась к закату Травиника. На стол перед мужем букет положила — из последних своих цветов, самых стойких. Три болимы в нем было, угольных, в багряных разводах, а меж них скромно золотилась надеждинка.

— Попробуй-ка, князь, — сказала жена Ходимиру. — Уж если это тебе не поможет, если это тебя не встряхнет — весь век свой таким, как сейчас, останешься.

Пожал Ходимир плечами — век так век — опустил в лепестки лицо... и задохнулся. Повяло холодом на него да разлукой...

Только тут понял князь, что ему бояре да дворяне втолковать пытались: равнодушиницу он своими руками на волю выпустил, сад волшебный едва на корню не сгубил и других за него бороться оставил...

Испугался Ходимир, заторопился объяснить: случайно так вышло, он лишь по саду пройтись вздумал — очень уж без Травиники скучал, а там цветочек ему один под руку попался, и еще один... и сперва так светло, так радостно сделалось, а затем...

— Ах, Ходимир, о том я тебе и толкую! — вздохнула Травиника, а глаза у самой синие-синие сделались, как грустиммы лепестки бархатные. — Ты ведь Слово свое княжеское нарушил — из-за скуки да злости-радости. Разве такой муж мне надобен? Разве такой князь?

Опустил Ходимир голову. Как на это возразишь? Что ответишь?

— Стало быть, гонишь ты меня, княгиня? Что ж, как решишь, так и будет...

— Ну, вот что, княже, — сказала, наконец, Травиника. — Мне год теперь клумбы свои из семян поднимать придется — не могу отлучаться далеко! А ищу я давно цветок один — теперь же особенно. У тетушки Соцветии такого не нашлось — говорит, лишь у деда моего, Корния, осталась желанница. Принесешь мне луковицу — обо всем, что было, забудем. Не вернешься через год — другого мужа искать буду.

Поднялся Ходимир, не мешкая. Даже если не дождется его княгиня... Сам-то князь он или не князь?! Весь вред, что причинил, исправить должен. Все земли обойдет, а найдет для нее желанницу! Поможет равнодушиницу победить и сад волшебный заново вырастить — чтобы искрились глаза у Травиники, чистой лазурью переливались да изумрудами...

Много месяцев князь в пути был — где конный, где пеший, где в ладье, где на плоту, где обутий, а где и босой, — дорога ему словно сестра стала. Семь рек переплыл, через семь гор перебрался, а уж сколько полей да лесов прошел — и не сосчитать! Окреп, подтянулся, на голой земле спать приучился, воду черствым хлебом заедать и не морщиться. Смотрел вокруг Ходимир — на вершинах горделивых гор, на прыжки рыбок, в зеркальных водах играющих, на птиц, что в полете крыльями верхушки деревьев соединяют... — и лишь шагу прибавлял, вспоминая, что чуть не утратил это все — вместе с са-

дом Травиникиным... Но она-то ему сад внутри помогла к жизни вернуть! Теперь он ей помочь должен.

Совсем отощал Ходимир, обносился весь, когда добрался до жилища Корний, деда Травиники. Ушел старик от дел, жил в скромном домике, кроме сада да полей своих, не занимался ничем. На поле и нашел его Ходимир — белобородого, ясноглазого, простой веревкой подпоясанного.

— Желанница? — Старец не спеша обернулся, лопату меж грядами воткнул. — Да сколько хочешь. Только донесешь ли ты ее до земли-то? Да сможешь ли вырастить? Дело это хлопотное, трудное, не всякому под силу, не каждому по плечу.

— А что для этого нужно-то? — заволновался Ходимир.

Поднял старик глины ком и в руке мять принялся.

— Помнить о ней постоянно нужно, и днем и ночью, и во сне и наяву, и здоровым будучи, и немощным; думать о ней нужно каждую минуту — и в дороге, и в тереме, и на конюшне; быть с ней рядом почаще следует... Ни на пир ты лишний раз не попадешь, ни на охоту не выедешь.

Оглядел Ходимир поля, небо взглядом окинул, равнодушицу вспомнил блеклую...

— Ах, отец, не в охоте жизнь, не в пирах счастье! Беру.

— Ну что ж, — кивнул Корний, — не ошиблась, значит, с выбором внука.

Принес он Ходимиру корзинку с луковицами, и выбрал князь молодой одну — крепкую, ладную, мерцающе-фиолетовую.

Обратно не шел — казалось, летел Ходимир! Во всем вокруг глаза Травиники видел. А вдруг не простит она? Вдруг не примет? Целую речь для жены приготовил, тысячу слов перебрал, чтобы мысли свои описать, и чувства, и намеренья... Желанницу у самого сердца держал и — звезда ли светила, заря ль небо красила, парус ли над головой шумел или песня пастуха издалека доносилась, дождь ли с ветром кусались или солнце по лицу гладило — ничто его от луковицы драгоценной отвлечь не могло.

А последние дни пути самыми сложными оказались. Заволновался Ходимир: ну а коль не успеет он, что тогда?! Вдруг уж заполонила равнодушица все княжество Травиникино, подданных ее опутала, да и княгиню саму?..

Стража князя своего не узнала, в терем пустить не захотела. И бояре с дворянами нахмурились подозрительно, и слуги, перешептываясь, столпились, из дверей да окон выглядывают...

Но тут из сада Травиника вышла — в одной руке ножницы садовые, в другой — лейка.

— Пришел? — деловито княгиня сказала, лейку на землю поставила, руки о фартучек вытерла. — Что ж ты так долго-то? Дел невпроворот накопилось!

Набрал воздуха Ходимир — а слова-то все и забылись напрочь.

— Вот... — протянул он жене луковицу. — Посадить ее нужно скорее и все время о ней заботиться. Чем раньше вырастет, тем скорей мы равнодушицу одолеем...

— Глупый! — улыбнулась Травиника — как с неба туча ушла. — Разве ж можно равнодушицу победить? Да и к чему это, скажи на милость? На

своем месте она, как и все остальное, растет, и тоже пользу приносить может, боль лечить. Осторожность с ней только нужна да глаза открытые. — Взяла она у мужа луковицу, осмотрела внимательно. — Проросла уже... Что ж, князь, я в тебя верила. Теперь тебе в саду моем ничего не страшно.

— А как же... — глянул Ходимир на пустую ладонь свою, — а зачем же я ее тогда добывал, желанницу-то?

— Как это зачем? — удивилась княгиня, в глазах золотые искорки запылали. — Приданое ты принес для княжны маленькой! Дочка у тебя родилась, Цветава, пока ты по свету расхаживал... — По знаку ее из толпы челяди нянька выскочила и князю сверток вручила — и глянули на него озера бездонные, синие, с серебристыми звездочками... — Посадим мы кустик желанницы под окошком ее — будет он цвести да княжну радовать, и захочет она и наукам учиться, и пению с танцами, и людям желанной быть... Так что заходи в терем, княже, не теряй-ка времени — дела заждались!

С тех пор, говорят, чудо-сад Травиникин еще краше стал, много новых клумб в нем появилось; Ходимир же в тех местах мудрейшим князем прослыл, а слово его всегда крепче стали, тверже булата было.

ЮЛІАНА ЛІНКС

ЖАБЕНЯТКО ДЛЯ ПРИНЦЕСИ

Ж

АБЕНЯТКО НА ІМ'Я КРЯК СТИБАЛО НА БЕРЕЗІ зачарованого озерця і мріяло про власне весілля. А воно, весілля, обіцяло бути розкішним! Ще б пак! Сьогодні Кряк зазирнув у чарівну торбинку і побачив...

— Марфуня! Марфо! — жабенятко наздогнало старшу сестричку. — А вгадай-но, що мені подарувала чарівна торбинка на день народження?

— Склянку солодких комах?

— А от і ні! Дивись!

Марфуня здивовано витріщицалась на щось схоже водночас й на велику каблучку, й на тризуб Нептуна.

— І нащо воно?

— Ти що, книг не читаєш? — Кряк підстрибнув на місці. — Це — корона! Отже, я маю одружитися з принцесою!

— Казочки для діточок! — позіхнула Марфуня. — Корони виготовляють із золота, а не з листя жовтої лілії.

— Чарівної лілії!

— Байдуже! Все одно, це — лише іграшка. У мене теж така є. Десь у шухлядці.

— Нічого ти не розумієш! Ось, поглянь, — жабенятко розгорнуло книжку з дуже гарними малюнками та великими літерами, — тут написано, що всі, хто має корону, обов'язково...

— Казки! — Марфуня пірнула під ряску.

Кряк зітхнув.

Ну й пливи собі! А я... я піду принцесу шукати. От усі здивуються, коли повернуся! Ще й Марфі принца приведе!

Жабенятко обережно поклало корону з диво-книжкою у чарівну торбинку і пострибало назустріч сонцю.

Довго стрибав Кряк чи ні, але ж раптом зустрілася йому жабка! Дуже схожа на сестричку Марфу, проте якась... інша.

— Доброго дня! — Кряк уместився поруч з незнайомкою, що сиділа на широкому лиску водяної лілії. — А ви часом не принцеса?

— Ква-а-а! — відповіла жабка.

— Егм... Я теж радий знайомству! То принцеса ви, чи ні?

— К-к-к-в-в-ва-а-а! — проскрипіла жабка.

— Мабуть, ні, — зітхнув Кряк й плюхнувся у воду.

Та не встиг він пропливти і кількох метрів, як побачив Її! Красуню чаплю на довгих лапках. Оце вже точно принцеса! І в книжці написано...

Жабенятко швиденько дістало диво-книжку, розгорнуло. Так, все вірно: чим довші лапки, тим красивіша принцеса!

— Доброго дня! — радісно застрибав Кряк біля розкішного птаха. — Ви — принцеса? Я мрію познайомитись!

Чапля здивовано подивилась на зухвале жабеня та вхопила його за лапку. Точніше — спробувала вхопити, бо Кряк спритно і дуже вчасно відскочив убік.

— Ай! Хіба ж так знайомляться?

Чапля дзьобнула ще раз. І, на велике щастя, знов промахнулася.

— Ні-і-і, це точно не принцеса, — буркотів собі під носа Кряк, тікаючи від шаленої чаплі.

— Фу-х, здається, відірвався! — він стрибнув на невеличкий камінчик біля берега та перевів дух. — Ой! А це що?

На березі сиділа гарненька пухнаста Киця й дивилась на Кряка зеленими оченятами.

— Привіт! Ти — принцеса?

— Я? — Киця гордовито задрала хвіст. — Мабуть... Тобто — звичайно принцеса!

— Чудово! — Кряк підстрибнув у повітря. — А я тебе всюди шукаю!

— Правда? Тоді давай гратися! — Киця підбігла до жабенятка й вдарила його лапкою. Кряк полетів у озеро, здіймаючи бризки води.

«Ну й іграшки в неї, — здивований Кряк повернувся на камінь. — Треба буде...»

— Ти що?! Що ти собі дозволяєш? — Киця зустріла його обуреним шипінням. — Хіба так граються???

— А... А що я? — розгубилось жабеня.

— Я вся мокра! — нявкнула Киця

— Ну... — Кряк знизав плечима. — Я у воді живу...

— Тоді не буду з тобою гратися! — вона ображено смикнула хвостом та пішла геть.

Кряк сумно стрибав берегом озера. Невже Марфа має рацію? Невже принцес не існує, і він повернеться ні з чим? Аж раптом...

— Неслухняне дивчисько! Тобто, Ваше Високосте! Негайно вилазьте з води, ви застудитесь!

— Не застуджусь! — до жабенятка долетів веселий сміх. — І взагалі, я вже доросла! Батько каже — час принца шукати!

— Ви сподіваєтесь знайти його під ряскою? Швиденько виходьте на берег!

— Ой, яке гарнесеньке! — дівчинка підхопила Кряка, який від несподіванки випустив з лапок чарівну торбинку.

— Киньте жабу!!!

— Ква-а-ак! — від такого неподобства жабеня усі слова людські забуло.

— Дивись-но, — дівча не звертало на верещання няньки жодної уваги, — тут біля нього ще й корона плаває.

«Еге ж, — сумно міркував Кряк, — плаває. А книжка, мабуть, потонула...»

— Може, це — король жаб?

— Та киньте вже цю гидоту! — галасувала тітка на березі, проте її ніхто не слухав. Дівчина взяла корону, трохи подумала та одягла Крякові на голову. І... зойкнувши, сіла у воду — перед нею замість зеленого жабенятка стояв красень принц у лискучій короні та довгому зеленому плащі.

— Я... Ви... — Кряк дивився то на власне перетворене тіло, то на гарненьку дівчину з великими очима й золотистим волоссям. — Ви — принцеса?

— Так! — вона підвелася на ноги. — А ти — мій принц! Я тебе знайшла! Ходімо скоріше, — дівчина схопила його за руку, — ти маєш познайомитися з батьком!

Принц Кряк, не зводячи очей з нареченої, помчав до палацу.

— Як одружуся, — розмірковував він, — обов'язково знайду Марфу! У неї теж є корона!

01. 12. 2008

ГРИГОРИЙ ПАНЧЕНКО

В УЩЕЛЬЕ РОНЗЕР-ЛОХ (БИТВЫ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО)

*«Я знаю только то, что ничего не знаю», — сказал один мудрец.
«А я даже этого не знаю», — посрамил его еще более мудрый.*

Н. Эйдельман, «Ищу предка»

Было холодно. Было так холодно, что казалось, хрустит морозный воздух — но это хрустел под ногами снег. Точнее, не снег, а ледяная крупа, валящая здесь с непрерывностью осеннего дождика. Однако каждая крупинка набирала силу небольшой градины, больно кусая сквозь лосины. Было холодно, скользко и опасно: сделай неверный шаг — и не собрать костей, потому что покрытый этой трижды проклятой крупой склон крут, почти отвесен, а внизу оскалилась неровными клыками валунная гряда.

— Чего зубами залязгал, племянничек? Али простыл? Не бойсь: тяжело в леченьи — легко в гробу! — фельдмаршал шустро перебирал ботфортами, на три шага опережая адъютанта. Фельдмаршал был стар и едва ли не всех кликал «племянничками»; для особо же любезных его сердцу у него было прозвище «сынок».

Адъютант, стало быть, «сынка» не заслужил. Ну что ж, может, сегодня заслужит...

И откуда только берутся силы в этом небольшом, легком теле? Кажется, еще вчера фельдмаршал лежал пластом, захлебываясь мелким, нехорошим кашлем, а солдаты шептались, что «Дядюшка плох» — и ходили понурые, смотрели зверями, готовые принять на штыки любого. А сейчас...

Вот уж правду говорят — ему смерть на войне не писана. Ни от ядра, ни от хворобы, ни от пули.

Эта мысль внезапно успокоила адъютанта, хотя он и усмехнулся собственному суеверию. Раз уж командующий ныне останется жив — значит, и он тоже. Связаны они сейчас одной веревочкой.

Адъютант прищурился, высматривая сквозь белую крутящуюся муть фигурки в полуверсте от них. С такого расстояния они казались черными точками, но он знал, что еще через несколько минут различит ненавистный цвет мундиров.

— Они ниже нас заехали, — тихо сказал фельдмаршал. Он тоже глядел в эту сторону.

— Так точно, заметно ниже.

— Может, подьем с того места круче, а может... Говорят, он кавалерист не из лучших.

Адъютант оглянулся посмотреть, где их сопровождающие. Вот они, сажень в двухстах... Пятерка конных и пятеро солдат — им фельдмаршал верит больше всего. И они тоже за него готовы хоть к черту в зубы. Впрочем, тут не в одном доверии дело: по такой крутизне им все равно придется взбегать на своих двоих, так что, может быть, лучше бы всю десятку из солдат... «В сопровождении конвоя не более чем из десяти человек...» А тех сколько? Раз... два... семь... Двенадцать, но двое уже заметно отделились от остальных, поднимаются в гору.

С другой стороны, как бы ни бежали солдатики, в случае чего им не успеть к сроку. В той же бумаге было сказано: «Отойдя на три ружейных выстрела». Значит, надо сделать так, чтобы этого «случая чего» не было. А уж если будет...

Он проверил, легко ли выходит из ножен шпажное лезвие — наверно, пятый раз за сегодня проверил. Вообще-то лучше всего клинком владел Трощенко, но он «нэ знав басурманську мову», поэтому вчера вечером полковник Стивен вызвал адъютанта к себе в палатку и сказал: «Смотри, Павел Сергеич... Доверено тебе великое дело. Сможешь — вернись вдвоем с графом (так и сказал — «с графом». Впрочем, фельдмаршал действительно граф, да ведь графов много...). Нет — пусть он один вернется, но сам без него прийти не смей...» Пистолет ему тоже подбирали всем корпусом, едва нашли какой-то воистину дамский (кто же, интересно, его хранил?). Не Бог вещь как надежен, но маленький — в самый раз за обшлагом укрыть.

— Кавалерист он, возможно, и не из лучших — но далеко шагает мальчик... А лошадь — что ж, он свои баталии уж точно не тем местом продумывал, ком в седле сидит. Верно, Павлуша?

Адъютант неопределенно пожал плечами, хотя полагалось ответить «Так точно!» И вытянуться по стойке «смирно». Но «Так точно!» не выговаривалось. («Ничего, Дядюшка извинит... Это Стивен за такие плечики вздрючил бы меня, как Потемкин — императрицу»). Не выговаривалось потому, что велик был риск ошибиться: поди угадай, всерьез говорит фельдмаршал или же язвит по своему обыкновению. И если последнее — так и обдаст желчью, словно кипятком ошпарит.

Не он один — многие младшие офицеры меж собой дивились, не могли угадать подлинного отношения своего командующего к противнику. То клянет он его словом ехидным, а порой и матерным — а то и уважение выскажет, в пример своим ставя.

Однако же великий на то и велик, чтобы позволить себе чудачества. Панибратство с солдатами, «святой скотинкой», тоже ведь чудачеством представлялось, а вот поди ж ты... И неприятель, при всем уважении, бывал бит. А недавнее дело — ну мало ли что на войне бывает... Будем считать — сквитались!

И тут же эти мысли, да и все другие вылетели из головы Павла. Те двое приближались, это уже были люди, а не вертикальные черточки на леднике. Он оправил мундир (легко ли выхватить будет?), и немедленно смес-

тившийся пистолет ткнул его холодным кловом в область сердца: «Ох, продырявлю я себя сейчас от ребрышек до лопатки!»

Фельдмаршал сдержал шаг, подгадывая, чтобы выйти на равный участок одновременно с идущей встречной парой. Двое, затянутые в синее, были теперь еще ближе — мерно шагали, до середины ботфорт увязая в хрустом крошеве. Даже не присматриваясь, было видно, что одна из синих фигурок заметно ниже другой...

— Может, все-таки попробуем, мой генерал? — капитан усмехнулся в кошачьи усы уверенной улыбкой человека, без которого не обойдутся. — Риск невелик: один стар, у другого шпажонка парадная. А после — нам вниз, а тому конвою наискось по дьявольски неудобному пути, они разве что пальнуть успеют с предельной дистанции. Ну и пусть себе стреляют...

Генерал промолчал. Он видел, что вышеупомянутая шпага гораздо длиннее игрушек, которые носят на парадах. С другой стороны, в чем-то Больен прав: сопровождающий офицер, конечно, не мальчик для битья, но вряд ли он выстоит против лучшей сабли полка... четырех полков. Хотя бы потому, что на него возлагаются еще кое-какие обязанности. И переводчик, и дипломат хоть немного (иначе не быть ему переводчиком), и телохранитель, само собой — но это лишь одна из его ипостасей. Капитан же — всего лишь продолжение собственной сабли, живой эфес, хотя явно мнит себя чем-то большим... С другой стороны, им есть из кого выбирать, ведь эти варвары едва ли не все говорят по-французски. Не такие уж и варвары, значит... А дипломатию в таких случаях — побоку.

— ...Пусть стреляют, я тоже пострелять могу, — капитан едва не похлопал себя по тому месту, где было укрыто оружие, но вовремя спохватился. Они сейчас — как мухи на полотне, любое движение просматривается. Вдобавок и жест вышел бы весьма и весьма двусмысленен... Улыбка капитана стала еще более кошачьей.

— Два заряда. Как раз на них обоих — если я прежде не отстрелю свое главное сокровище при неудачном шаге. Они-то наверняка такое же попробуют — стоит ли ждать?

Генерал медленно повернулся к Больену, и тот, запнувшись, умолк на полуслове. Такой взгляд бывает у химер готического храма — матово-холодный, без малейшего выражения, без угрозы даже. Взгляд, от которого слабеет душа и тело и хочется рухнуть ниц, как в детстве падал перед иконой, цепenea от неразрывности ужаса и болезненного, с надрывом, восторга.

— Капитан, вы выше — длиннее! — меня на голову. Но если вы попробуете еще раз дать мне совет, вы лишитесь этой привилегии. Любой совет — в духе вашего последнего или какой-либо еще. Вам ясно?

— Так точно, сир! — автоматически выпалил капитан и снова запнулся.

— «Сир»?

— Прошу простить, гражданин генерал, я никогда больше...

— Не спешите говорить «никогда», Больен, — генерал усмехнулся нижней

половиной лица. Глаза его не потеплели, но готика в них исчезла. Внезапно он протянул руку и потряс капитана за плечо:

– Ну, мы уже у цели. В разговор не вступай — но смотри в оба, старый во-яка! Сейчас тебе предстоит самое важное дело в твоей жизни.

Вот так всегда. Поэтому и боялись его до обморока и боготворили. Впрочем, боялись в основном офицеры из высших, имевшие несчастье наблюдать его во время таких вспышек точно рассчитанного гнева, прочие же готовы были наизнанку вывернуться в вопле «Vivat Bonaparte!»

Последние два десятка шагов капитан преодолел словно на крыльях. Но за все это время он не произнес ни слова. Едва ли не впервые с тех пор, как научился говорить.

– Вот они, — произнес фельдмаршал, едва только над обрезом площадки показались края двух треуголок. — Ну, с Богом!

И шагнул вперед. Но, будто на скалу, налетел на враз окаменевшую спину адъютанта.

– Прошу простить, Александр Васильевич. Первым буду я. Извините за дерзость, Ваше сиятельство — вы будьте чуть позади и справа. Опасаюсь того усатого...

(Мнилось ему, что он, как давеча, вырвав поводья из рук фельдмаршала, чуть ли не волоком тащит его лошадь в гору, прочь от синемундирного строя. Тащит, не обращая внимания на брань, на удары плети в старческой руке — а рядом, совсем рядом солнце дробится на граненных остриях, иные уж и в крови измазаны... Нет, тогда это был не он. А кто? Какой-то солдатик, так и не сыскали его.)

– Ишь, чудо-богатырь... Главнокомандующему скомандовать осмелился... — глаза фельдмаршала лучились синевой, как весеннее небо. — Ну что, так и не позволишь старику вперед себя пройти, выюнош заботливый?

– Еще раз прошу прощения, Ваша светлость, отдайте приказ расстрелять меня без суда, но я...

Как молния ударяет с весеннего неба, как орудийный выстрел в упор, сверкнул бешеной вспышкой лик фельдмаршала, и адъютанта до костей (он впервые понял смысл этой фразы) — именно до костей прожгло ледяными иглами.

– С кем говоришь, щенок, кого назад поставить посмел?! Стать смирно! Молчать! «Александр Васильевич»... Дозволенное солдатам для тебя заказано, поручик! Думал я, ты назад капитаном вернешься — смотри, как бы рядовым не прийти. А там даже не пули, а шомполов испробуешь — уж точно без суда!

Синемундирники стояли на своем краю, негромко переговаривались. До них можно было добросить камнем; затевать свару меж собой в этих условиях уж вовсе не стоило.

– Не-ет, распустил я вас, сосунков, куцехвостиков... — фельдмаршал брюзжал уже не бешеным, похожим на взрыв, шепотом, а обычной своей

петушиной скороговоркой, и адъютант осознал, что гроза миновала. — Ты еще бы «Дядюшкой» меня назвал... Короче, это *ты* слева от меня будешь, а не *я* — от тебя справа.

Бок о бок они встали в центре площадки.

Против адъютанта расположился усатый — ох и зверь видно, волк травленный, вся морда в рубцах... и ладонь на эфесе держит... Нет, вот его спутник покосился, и усатый нехотя принял руку. Вовремя — а то бы как раз и началось.

Его спутник... Нет, это он — усатый — спутник этого маленького, быстро-го в движениях, смуглого генерала.

Павел видел его сегодня не впервые — если быть абсолютно точным, то в третий раз. Но первые две их встречи пролетели в боевой горячке, среди железно-порохового грохота и хриплых вскриков несущихся навстречу чужой либо собственной гибели людей. Только мелькала где-то вдали невысокая фигурка на известном уже всей Европе белом, арабских кровей, скакуне.

Первый раз — в устье Ронзер-Лохского ущелья, когда их гренадеры, буд-то из-под земли возникнув перед французским лагерем, навалились, опрокинули, смяли, и во весь опор скакал понукаемый всадником арабский жеребец, уходя за гребень склона. А вторично — неделей позже; вдруг заиграл горн (нежно-нежно, как рожок на деревенском лугу), и, выпрямившись во весь рост, над чахлым кустарником поднялась неприятельская колонна, а выше и с боков обозначились горные пушки... Затем первый ряд сверкнул залпом и опустился на колено, второй, третий... визжа, понеслась картечь... колонна двинулась беглым шагом, выставив штыки на укол...

Фельдмаршал, должно быть, раньше всех осознал случившееся, но позже всех в него поверил. С непокрытой головой он кинулся в первые шеренги, враз обернувшиеся последними, махнул коротким неточенным палашом, даже, кажется, успел тренькнуть им по ружейному стволу, отбивая удар, — когда под ним силой развернули лошадь, схватив ее за уздцы. Потом ледащая кобылка (он презирал тех, кто увлекался «драгоценными» лошадьми — исключение делалось лишь Бахратиони, кавказцу, джигиту...) запнулась о камень и рухнула — адъютант, выпростав ногу из стремени, подвел фельд-маршалу своего коня...

Может быть, поэтому именно его вызвали вечером в палатку, где собрался военный совет. А возможно — потому еще, что он наряду с безупречным знанием французского и верной рукой пехотного бойца обладал каллиграфическим почерком. Это многие знали, приходилось уже демонстрировать.

...Письмо было тут же вручено лейтенанту, угодившему в русский плен восемь дней тому назад. Он только выехал за пределы лагеря (ради такого случая и лошадку не пожалели выделить, столь же трофейную, как и сам лейтенант), стук копыт еще не стих в ночи — и вдруг словно раздвоился, приближается, приближается... Что, вернуться решил?!

Однако это был не пленный француз, а подпоручик Лукашов, что без вести сгинул во время давешнего отступления. Пакет, привезенный им, распечатали тотчас, и адъютант на правах посвященного начал переводить

с листа, не вдруг осозная смысл — но фельдмаршал внезапно хмыкнул напряженным смешком, и тут же вокруг захохотали на разные голоса.

Текст полученного послания до последней буквы совпадал с текстом отправленного. Только начальная фраза была отлична: вместо «Главкомандующему генералу Бонапарту» — «Главкомандующему графу Суворову».

Любезностями обменялись быстро. «Для меня большая честь...» — «Для меня честь не меньшая...» — вот, пожалуй, и все.

— Перейдем к делу, сударь, — генерал не стоял на месте, расхаживал по площадке, и Павлу приходилось поворачиваться туда-сюда, — как я понимаю, наши интересы совпадают.

— Правильно понимаешь, племянничек. У меня побед и так сто дюжин да еще чертова дюжина. Да и у тебя что-то в этом же духе. Ну, так будет просто сто дюжин с дюжиной — тоже ведь немало, а?

«Как по-французски «чертова дюжина»? Никак — вроде и нет такого. Пусть будет *majorite* — «множество».

Аналог «племянничку» адъютант даже не искал. «General» — и все тут. Фельдмаршал явно распознал подмену, но лишь улыбнулся с некоторым ехидством.

И, конечно же, «vous» вместо «toi». Это тоже было замечено и сопровождено улыбкой.

—...Дело тут, племянничек, не в победах, но в непобежденности. Она же — вроде девки. Раз только, один лишь разок ее замай — и все: шалая гулена вместо скромницы-раскрасавицы...

— Принято! — генерал будто в карты играл. — Итак, мы не встречались с вами в устье этой проклятой долины?

— И в средней ее части тоже не встречались.

— Верно. Равно как не встречаемся мы здесь и сейчас. В настоящий момент я вообще нахожусь в Париже, и тому найдется множество свидетелей.

«Все, что ли? Да, наверное, все. Господи, до чего холодно...»

Нет, это было еще не все.

— Но остается следующий вопрос... — генерал выдержал паузу.

Адъютант давно уже прекратил следить за усатым, давно перестал удерживать свои руки, рвущиеся к оружию: не для того здесь собрались, чтобы две равные схватки завершить бесславной резней. Но сейчас бывшие опасения вдруг всколыхнулись в нем с прежней силой.

— Наша договоренность есть наша договоренность. Но война — не дуэль, и в битвах участвовали не мы одни.

Фельдмаршал ответил не сразу. Затем пожал плечами.

— Молчать будут, — так он сказал. Однако адъютант едва ли не впервые за свою службу не почувствовал в его голосе полной уверенности.

Словно ожидая поддержки, фельдмаршал глянул на него: «Уж ты-то никому не скажешь, верно, Павлуша?» — «Так точно, Ваше сиятельство!» — «Ваше сиятельство...»

– Допускаю. Будет молчать мой штаб, промолчит и ваш. Будем считать — это секунданты дуэлей. Но остальные? Младшие офицеры, унтеры, солдаты... Возможно, промолчат о поражении, но как отнять у них столь славную победу? Приказать забыть о ней — не забудут. Приказать хранить тайну — не сохранят, не выполняются такие приказы. Мы не вечно будем держать под контролем их судьбы: потом, за дружеским застольем, на брачном ложе, на смертном одре... Быть может, слух выплывет на поверхность уже не при нашей жизни — но тем хуже для нас! Можно, разумеется, им все объяснить, положившись на их преданность. Но это будет как в пословице: «О нашей связи знали всего трое: она, я и весь Париж».

– Ты много сказал, генерал, — и снова адъютант заменил «ты» на «вы», и снова фельдмаршал это заметил. — Одного я не пойму: все тебе плохо, так что же хорошо-то будет? Обменяться нам, что ли, оставшимися в живых, как пленными или аманатами обмениваются? Да ведь снова тот же вопрос встанет. Они языками чесать начнут, особенно твои — у нас: наши офицеры из молодых по-французски понимают не хуже вот этого хлопчика, — жест в сторону адъютанта, — и не откажут себе в удовольствии поболтать с пленным врагом. А кроме того — война, даст Бог, когда-то да закончится; и вот как вернутся они по домам...

Генерал усмехнулся в ответ — или его рот гримасой передернуло?

– Не мне бы это говорить, не вам бы слушать, фельдмаршал, — но пленных можно и заставить промолчать. Надежно заставить...

И сейчас же, без малейшего перерыва, в ответ:

– В таком случае можно заставить не только пленных.

С минуту они стояли, обдумывая сказанное. И адъютант тоже обдумывал, хотя ничего не мог понять.

– Сколько человек из непосредственно участвовавших у вас в живых осталось?

– Тысячи две. При шести пушках.

– У меня где-то так же, но артиллерии среди них нет.

– Ну что ж, возьмите оружейную шестерку.

(Адъютант переводил как заведомую бессмыслицу, стараясь лишь возможно точнее передать слова и обороты.)

– А можно и проще. Пушка уж точно никому ничего не скажет; включите в свои две тысячи эти артиллерийские команды без орудий, а я к своим соответственно добавлю.

– Принято. Теперь о командирах.

– Да, о командирах... А также о месте и времени.

Снова повисла долгая пауза.

– Давайте отойдем в сторону, сударь, — предложил вдруг фельдмаршал на невозможном французском.

Ожидание затянулось. Адъютант выбрал местечко поудобнее, расстелил плащ и сел, подчеркнуто заняв лишь половину его. Капитан подумал, но все

же уселся рядом. Достал откуда-то плоскую фляжку, изрядным глотком приложился сам, протянул. Павел припал губами к серебряному горлышку — внутренности ожгло, но тут же теплое расплылось по жилам.

Некоторое время они сидели молча, и сыплющаяся с неба крупа покрыла их кружевным белым одеялом. Потом вдруг оба одновременно пошутили насчет *pourriture du ciel*, «манны небесной» — и рассмеялись не столь шутке, как этой одновременности.

...Фельдмаршал и генерал, похоже, как-то понимали друг друга: выходит, французский не был таким «невозможным», как показался вначале. Ай да Дядюшка! Когда только успел — ведь не знал раньше. Или знал? Впрочем, доносимые ветром обрывки фраз состояли почти сплошь из названий. Рейсса, Айорло, хребет Росшток... Ронзер-Лох... устье, верховья... Затем они склонились над картой (генерал разложил ее у себя на колене, а его собеседник придерживал — иначе горный ветер рвал бумагу из рук), и дело пошло быстрее. Несколько раз кивнул головой фельдмаршал. Потом дважды согласно качнулась треуголка.

— ...Бог троицу любит... — и фельдмаршал засмеялся. Генерал тоже хохотнул в ответ, хотя уж он-то русским не владел наверняка.

Но смех у обоих был невесел.

Когда они снова подошли к середине площадки, капитан и адъютант уже не сидели, почти прижавшись, а вытянулись друг против друга оловянными солдатиками. Поверить, что они способны пить из одной фляжки, было решительно невозможно.

— Жаль, что нам приходится встречаться, как врагам, — перевел адъютант.

— Да, мы могли бы быть братьями по оружию. Я в свое время едва не записался в русскую армию, как раз когда шла война с турками. Так что повернись все иначе, служил бы я у вас под началом — какой-то срок хотя бы.

— Так отчего же — ...?

— Не люблю служить под началом, — пояснил генерал.

— Что ж, пора прощаться. Как раненые?

Адъютант понял, о ком речь. Большая группа раненых, что не выдержали бы тягот похода, была оставлена в одной из швейцарских деревушек. Письмо командованию противника с просьбой «поступить по законам чести» адъютант переписывал набело сам.

— Думаю, они уже во Франции — во всяком случае, на пути. Врачебная помощь им показана.

— Благодарю. Прощай, племянничек. — («General» — сказал адъютант, но это уже не вызвало у фельдмаршала улыбки.)

Спускались молча. Теперь адъютант шел не сзади, а впереди, чтобы подхватить оскользнувшегося, буде тот оскользнется. Фельдмаршал ступал тяжело, он как-то враз одряхлел. Нелегко дался ему этот разговор — а может, это дорога так тяжело далась? Скорее последнее — этот поход и иным из двадцатилетних не по силам. Как он устал, Дядюшка... Все это скажется, причем очень скоро.

- Ну-ка, дай я на твое плечо обопрусь, сынок.
- Держитесь, Александр Васильевич.

«Эх, град сечет — ноги будут от синяков рябыми. Если удастся с девчонками встретиться до того, как пятна эти исчезнут, надо будет выдать их за шрамы от пуль. Тогда настоящие пулевые отметины, не иначе, сойдут за рубцы от картечин. Даже от ядер. Нет, от бомб — разрывных. Восемь разрывных бомб — многовато для обычного человека, но ведь я и не собираюсь выглядеть обычным... Пусть сомлеют от восторга. Впрочем, вздор.

Так и не понадобился двуствольник. Ну, тем лучше. А парень ничего... С таким хорошо рубиться — как спина к спине, так и лицом к лицу. Каким только ветром его занесло в Альпы... А меня — каким занесло?

Даже акцент провансальский, поди ж ты... Словно земляка встретил. Далеко Прованс, далеко, когда-то еще увижу...»

– У тебя выпить осталось еще? — генерал грузно вышагивал рядом, и капитан впервые вдруг разглядел его проступающую полноту.

– Выпить?

– Ну да, выпить. Я же видел — фляжка такая...

– А, да. Прошу прощения, мой генерал, но там...

– Да ладно. Надеюсь, хоть сколько-то вы с этим русским мне оставили.

Пил он жадными глотками, коньяк стекал по подбородку. Опустошив флягу, вдруг размахнулся — и серебристый прямоугольник, очертив в воздухе дугу, беззвучно нырнул в снег.

– Брось ты насчет «мой генерал» — после сегодняшнего дня у нас неизбежно иные отношения должны сложиться, не просто «начальник — подчиненный». Не скажу, что ты мне сейчас тоже тыкать можешь, но вот завтра... Скажем, начиная с вечера...

Они уже приблизились к тому месту, откуда начинался подъем, и лошади тянули к ним породистые морды.

– А фляжку, взамен этой, я свою подарю, — генерал вдел ногу в стремя. — Завтра же. Нет, не завтра — сегодня, сейчас, вот она. Держи!

Нет, они никогда не мерились силами — Суворов и Наполеон — о чем оба до конца жизни вспоминали с чувством, средним между досадой и облегчением. Этой жизни первому оставались считанные месяцы, второму — больше двух десятилетий, но умерет он в ссылке. Во всяком случае, в крайней государственной немилости: слишком уж ярок показался блеск генералиссимуса. Генералиссимусом он пробыл всего несколько недель, и в отличие от трех (или даже четверых по другому счету) своих российских предшественников, а — в особенности! — от еще одного генералиссимуса, что появится после — так вот, в отличие от всех них он понимал бессмысленную громоздкость этого звания. «Велик чин, он меня раздавит». Мы привыкли смотреть на него как на ангелоликого старца сури-

ковской работы, кумира солдат. В лучшем случае, скрепя сердце, поминем железную пугачевскую клетку (хотя уж это-то грех не самый страшный — хуже, кровавей было бы, если бы он эту клетку разомкнул, выпустив на волю его содержимое). Но были и приказы типа «пленных не брать», были расправы с гражданским населением, да и вообще — многое что было... Примерно то же и столько же, как у любого неистового воителя той нехудшей из эпох.

Наполеон. А вот на него мы привыкли смотреть сквозь призму «грозы двенадцатого года» и только сквозь нее. Нет, ему тоже можно вспомнить очень и очень многое, и тот же двенадцатый год, само собой. Но будем, черт возьми, объективны: русской армии потому и пришлось отступать до Бородина включительно, потому она и оказалась не готова к оборонительным боям — что готовилась к боям наступательным! И не начнись в июне отечественная война для нас, где-то в сентябре она могла стать отечественной для кое-кого другого.

(Что, слишком явным кажется сходство с другим июнем, сто двадцать девять лет спустя? Ну, а куда от него денешься, от сходства этого? Снова, как уже было однажды — как не однажды было — встали у границ Европы друг против друга два равных по силе хищника. Правда, время действительно меняется, и хищники в тот раз были иных кровей, барс и лев, а не шакал и гиена.)

Кроме того — нелегко признать, но тогда Франция имела для войны уж никак не меньше поводов (да и не больше, конечно), чем Россия — в 1799-м. Кстати — это признать почему-то еще тяжелей — швейцарская компания была Суворовым проиграна. Можно сколько угодно перекладывать вину на австрийцев (а у австрийских историков своя трактовка, тоже имеющая право на существование) или на Римского-Корсакова, можно утверждать, что собственно суворовский корпус поражений не терпел — но это отговорки для генерала, не генералиссимуса: главнокомандующий не имеет права на такое оправдание, да и вообще ни на какое не имеет. Впрочем, Наполеон — вернее, еще Бонапарт — к тому времени тоже, не проиграв ни единой битвы, имел проигранную войну. Египет...

А что до возможного «братства по оружию», так это не выдумка. Более того — оно могло состояться и в будущем. Если бы промедлила смерть генералиссимуса, если бы промедлил апоплексический удар табакеркой в висок российскому императору, то где-то в начале девятнадцатого века имел бы место русско-французский поход в Индию, «жемчужину Британской Империи». За передел мира, как это иначе назвать...

Вот таковы были два военных гения, два знаменитых полководца, которые никогда не встречались. Или встречались все-таки?

— Куда идем, имеешь понятие? — спросил Лукашов.

Адьютант передернул плечами:

— Догадываюсь.

— Догадываешься... Эх, Пашка... — Лукашов был хмур. — Я-то тоже догадываюсь. Но судя по догадкам моим, мы уже на месте. А сейчас...

И тут — мгновенно, как никогда не бывает на равнине — вбок поплыла стена тумана, открывая дальнорозор. Не туман это был даже, а колючее, сухое, как вата, насквозь замороженное облако, зацепившееся за горную вершину. Вот это облако-то и плыло сейчас в сторону театральным занавесом.

И все увидели синюю колонну напротив них. Близко, совсем близко, даже цвет глаз можно различить.

И запел горн — нежно, как рожок на лугу деревенском тысячи верст, шесть лет и две войны назад.

— Павел Сергеич, на левый фланг, быстро! с Богом, вперед, ребята! — Лукашов выхватил шпагу, и тут же на молодом утреннем солнце блеснул клинок адъютанта.

Потом было все — залп, еще залп, задышающиеся от разреженного воздуха легкие, многоголосый стон, рев, ругань, удары то звонкие, то глухие, в мягкое... Был вопль «Надпоручика убило!» и «Capitane Boulieu, tiens bon!» Было лицо навстречу — усы как у кота. И вот тут-то Павел узнал его и понял все окончательно, и тот тоже узнал и понял, в растерянности высоко, не по-фехтовальному взметнув саблю. Может, адъютанту бы и удержать свою руку, но она, как заведенная, сделала глубокий выпад. Был хруст раздвигаемой железом живой ткани — и это оказалось последним из бывшего. Потому что тут же на его голову ледяной вспышкой обрушился рубящий удар, которого, однако, он не успел ощутить.

Кто победил?

Ну, во-первых, тут и не планировалась новая победа, нужно было ликвидировать результат предыдущих. Во-вторых, ни генерала, ни будущего генералиссимуса с этими отрядами не было, так что вопрос «кто — кого» все равно бы остался открытым.

Да, но кто победил?

Какая там победа, когда перебиты офицеры и сплошной клубок живого мяса рвет, терзает сам себя вплоть до полной неподвижности! Какая может быть победа, когда верховья Ронзер-Лох далеко от любой деревушки и до нее без еды и теплой одежды тяжело дойти даже здоровому, отдохнувшему. Да еще ведь надо знать, куда идти... И надо, чтобы в деревне приняли *желанных гостей*, не представляющих теперь собой вооруженную силу, причем — иначе приняли, чем вилами в бок...

А мороз, альпийский мороз, остекляющий в багровые сосульки кровь на еще живых ранах!

Обычно в таких стычках мертвым ложится каждый десятый, много — каждый третий, редко-редко более половины. Но этот бой... Не учили их отступать, вот оно что.

Позже, много позже, горстка уцелевших поднимется с мерзлого ложа, куда их опрокинули даже не раны, избородившие тело каждого (никто не убедреся), а смертельная усталость. Поднимутся, посмотрят вокруг, утолят горячую жажду крупяным снегом и снегом же уймут хлещущую красную

юшку. И слепо побредут куда-то — оступаясь, поддерживая друг друга, не оглядываясь на мундирные цвета... Потом перестанут поддерживать. А вскоре — перестанут и брести.

Все это будет, но — потом...

А сейчас...

Стена рубила стену, трехгранно щетинилась бивнями штыков, трещала одиночными выстрелами...

Так кто же все-таки победил?

А это не имеет значения. Все равно вы ничего не узнаете о третьей битве в ущелье Ронзер-Лох. Равно как и о первых двух.

Ничего.

Никогда.

ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ

НФ УМЕРЛА, ДА ЗДРАВСТВУЕТ НФ!

Довольно давно, когда в российской фантастике только еще поднималась «шестая волна» (сейчас, говорят, уже идет на спад седьмая), мне довелось участвовать в дискуссии о том, что приключилось с направлением в фантастической литературе, которое обозначалось всем знакомой аббревиатурой НФ. Собственно, сам напросился, написав в одной из статей, что русскоязычная НФ (научная фантастика) приказала долго жить, и это очень печально. Тогда против меня выступили известные писатели-фантасты Евгений Лукин и Андрей Валентинов, и отзвуки нашей короткой интернет-дискуссии еще долго были слышны в фэндоме, даже уважаемый журнал «Если» счел возможным привести на своих страницах основные тезисы.

Самое интересное, оппоненты были согласны с основным моим утверждением: русскоязычная НФ умерла. Спорили только о том, хорошо это для фантастики в целом или плохо. Плохо, — утверждал я. Хорошо, — говорили оппоненты, — умерла, туда ей и дорога, и нечего по этому поводу лить слезы. Взрослые же люди, как сказал Валентинов. А взрослые плакать не должны.

Как утверждали Лукин и Валентинов, НФ умерла вследствие естественных (объективных) причин. Попросту — от старости и ненужности. На мой же взгляд, немалую роль сыграли причины субъективные — иными словами, русскоязычную научную фантастику довели до смерти коллективными усилиями авторы и издатели.

В дальнейшем, говоря об НФ, я буду иметь в виду именно русскоязычную научную фантастику, поскольку на «гнилом» Западе ситуация отличается, и говорить о смерти западной НФ было бы преждевременно.

НФ прожила довольно короткую (для литературного направления), но бурную и славную жизнь. Родителем ее считается Жюль Верн, а годом рождения — 1863, когда был опубликован первый настоящий научно-фантастический роман «Пять недель на воздушном шаре». Время «окончательной» смерти НФ — девяностые годы прошлого века. Именно тогда НФ тихо отошла в иной мир, уступив жизненное пространство иным направлениям (поджанрам) фантастики — фэнтези, антиутопии, космической опере и боевикам.

В эпикризе о причинах смерти НФ было сказано немало.

Во-первых, закончилась НТР — научно-техническая революция. Почти полтора столетия наука переживала «бум». За это время было сделано столько фундаментальных открытий, сколько не сделано было за тысячи лет. Во времена Жюль Верна многие были убеждены, что наука принесет не только процветание всем, но и личное счастье каждому. Прошли годы, все, что можно было открыть такого уж важного, было открыто. Создана теория относительности, квантовая физика, покорен атом, человек побывал сначала на околоземной орбите, потом на Луне, дальнейшее уже не столь принципиально. Наука стала разрабатывать детали на уже нарисованной картине мироздания, энтузиазм человечества пошел на спад, тем более, что ни процветания, ни, тем более, счастья, наука людям не подарила. И потому интерес к НФ начал падать и падал до тех пор, пока не приблизился к нулю.

Во-вторых, наука в конце XX века стала слишком сложной для «простого читателя» (видимо, и для авторов тоже). Одно дело — устройство атома (планетарная модель — это так просто!), парадокс близнецов, на котором десятилетия держалась чуть ли не вся космическая фантастика, основные законы генетики. Объяснить все это можно и «на пальцах». В шестидесятых годах и объяснять не надо было — только называть: «атомный двигатель», «петля времени», «киборг», «клон», и читатель уже знал, о чем пойдет речь. Иное дело современная наука — теория струн, квантовые компьютеры, испарение черных дыр. Попробуй, объясни читателю, что это за звери. Попробуй придумать сюжет, способный заинтриговать. И если первая причина смерти НФ связана с падением читательского интереса, то вторая причина — в самой науке, ставшей настолько сложной, что и объяснить ее толком никто не брался, не говоря о том, чтобы самому придумать новую научно-фантастическую идею, как это делали Жюль Верн, Герберт Уэллс, Александр Беляев, Айзек Азимов, Генрих Альтов и многие другие фантасты.

Итак, читатель перестал читать НФ, авторы перестали писать НФ, издатели, естественно, перестали издавать НФ. Критикам оставалось только констатировать факт: НФ скончалась. Хорошо это или плохо — какая разница? Факт остается фактом.

Жизнь уходила из НФ постепенно. В НФ первой половины XX века ценились не просто научно-фантастические идеи, но идеи новые, идеи, не взятые из науки, а созданные самими фантастами и способные повлиять на движение научных идей. Классики НФ сделали на страницах своих произведений немало открытий и изобретений — впоследствии ученые и изобретатели претворили в жизнь многое из того, о чем писали фантасты. «Фантастика обгоняет науку», — утверждали критики.

Во второй половине XX века новые идеи стали из НФ исчезать. Новизну в НФ заменила убедительность. Перестав придумывать новые НФ-идеи, фантасты научились зато убедительно описывать уже известные достижения науки.

Четверть века назад мы с Генрихом Сауловичем Альтовым сконструировали шкалу «Фантазия-2», по которой можно было оценивать научно-фантастические идеи. Сейчас речь не о том, насколько эта шкала была объективной (наши оппоненты утверждали, что в литературе объективности нет вовсе, а потому любые формальные оценки не имеют смысла). Вот что любопытно. НФ-идею мы предлагали оценивать по четырем критериям (был еще пятый — субъективный, личным вкусам тоже было оставлено место): новизне идеи, ее литературной убедительности, человековедческой ценности и художественному воплощению. Поглядите, как шло развитие НФ: сначала на первом месте действительно была новизна идеи (Верн, Уэллс, Беляев, Ефремов, Азимов, список можно продолжить). Но в восьмидесятых (и даже уже в семидесятых) годах новизна отошла на второй план, на первый вышла убедительность, а вскоре и убедительность оказалась не столь уж важна — главным стали человековедческая ценность (удалось ли автору выписать характер героя?) и художественное воплощение (фантастика — литература, в конце-то концов, или придаток науки?). И если раньше, читая новый роман Владимира Савченко или рассказы Анатолия Днепров, Севера Гансовского, Валентины Журавлевой (список продолжают знатоки старой советской фантастики), читатель искал новизны, то новый читатель новизны не ждет, авторы ее и не предлагают.

Я не большой знаток произведений «седьмой волны», поэтому сошлюсь на мнение Дмитрия Володихина («Если», № 11, 2008): «...о сентиментальности «Седьмой волны» пишут все. С этим никто не спорит, это стало общим местом. Кто-то приходит в восторг, кто-то оплакивает гибнущую фантастику, но никто не оспаривает тезиса: эти авторы в большинстве своем весьма сентиментальны...»

Далее: «История любви, история ненависти, история зависти, история боли, испытываемой от столкновения с повседневностью. Все это стараются подавать на очень высоком накале страстей...»

И, наконец: «...Авторы рассматривают в качестве образцов не то, что рождено в недрах фантастики, а то, что принадлежит полю классической литературы или хотя бы тяготеет к ней. Во всяком случае, они стараются мыслить категориями литературы в целом, а не одной только фантастики».

Результат: пожертвовав сначала новизной НФ-идей, фантастика затем пожертвовала и самими идеями в пользу психологизма.

Итак, пациент мертв?

Конечно. Борис Натанович Стругацкий говорил об этом еще в начале девяностых годов, когда для многих (в том числе для меня) смерть НФ еще не была столь очевидна: «...время научной фантастики кончилось... Ему (речь шла о писателе-фантасте А. Тюрине — П.А.) все кажется, что в научно-фантастических идеях содержится нечто существенное и важное. Нет там ничего».

Итак, если писатели не хотят писать, читатели (в большинстве) не хотят читать, а издатели, естественно, не хотят издавать...

Стоп. Это скорее признаки не смерти, а революционной ситуации, как ее определял классик марксизма: «низы не хотят жить по-старому, верхи по-старому не могут...»

Или, как пел Высоцкий: «Кто сказал, что земля умерла? Нет, — она затаилась на время»... Так и НФ — по всем, вроде бы, параметрам настала ее современная и ожидаемая смерть, научная фантастика, вроде бы, действительно исчезла, но...

Что, в таком случае, представляет собой роман Андрея Валентинова «Капитан Филибер»? Да, того самого Валентинова, который призывал не плакать над могилой научной фантастики. Можно сказать, что «Капитан Филибер» к НФ отношения не имеет — это «альтернативка», действие происходит в России в годы гражданской войны, но не в нашем мире, а в другом, где история пошла иначе. Это и была бы обычная (сколько таких!), хорошо написанная альтернативная фантастика, которую к НФ уже не причисляют, если бы не одно существенное обстоятельство: зачем-то автору понадобилось объяснять происходящие по сюжету события с помощью одного из самых интересных направлений в современной физической науке — эвереттики (или, как это направление называют на Западе, многомировой интерпретации квантовой механики). В результате из «простой» альтернативки «Капитан Филибер» превратился в произведение жесткой НФ, где фантастическая идея Q-миров основана на сугубо научной идее американского физика Хью Эверетта, о которой в романе сказано вполне в духе кондовой НФ шестидесятых годов прошлого века:

«45 лет назад была опубликована работа молодого физика из самого престижного в США Принстонского университета Хью Эверетта под сложным даже для академической статьи названием «Формулировка квантовой механики посредством понятия “соответственное состояние”». Статья моментально стала сенсацией...»

В чем же суть теории? В классической механике считается, что события протекают независимо от наблюдателя. Создатель теории относительности Эйнштейн внес поправку на скорость наблюдателя. Эверетт пошел дальше. Хитрыми математическими исчислениями он доказывает, что наблюдение за любым объектом является взаимодействием, которое меняет состояние и объекта, и наблюдателя...

...Основными понятиями эвереттики являются понятия ветвлений и клеек. Ветвление — это явление рождения универсумов в динамических процессах квантовой механики. Универсум — одна из автономных ветвей Мультиверсума. До появления теории Эверетта латинский термин *Universum* однозначно переводился как Вселенная. При каждом измерении Вселенная разветвляется на ряд параллельных Вселенных. На этих развилках возникают новые двойники, новые Вселенные. Мир, по существу, — это каскад причинно-следственных цепочек, образующих множество эвереттовских Вселенных.

Склейки — явления взаимодействия универсумов на самых различных уровнях. Склейки могут проявляться в явлениях как материального, так и ментального уровней. Материальные склейки могут выглядеть как «чудеса» — например, появление или исчезновение физических предметов. Ментальные склейки проявляются в явлениях «измененного сознания», прежде всего, — сна. Понятие об эвереттических склейках ввел Ю.А. Лебедев в 2000 г..

Длинная цитата? Но я все же ее привел, чтобы подкрепить свое мнение — это таки НФ. В многочисленных (западных, в подавляющем большинстве) научных работах, посвященных многомировой интерпретации, существование Мультиверсума именно так и описывается. Валентинов, кстати, последовал славной, хотя уже тоже «умершей» традиции НФ ссылаться для убедительности на реальные научные работы — в данном случае, на классическую статью Хью Эверетта 1957 года и исследование Юрия Лебедева, опубликованное в 2000 году.

Почему Валентинов, потанцевав на костях умершей НФ, сам же к НФ и обратился? Вообще-то многочисленные «научно-объяснительные» вставки в «Капитане Филибере» не так уж обязательны — автор мог бы их не писать, на сюжете романа это никак не отразилось бы. Кроме одного обстоятельства: «Капитан Филибер» оказался бы причислен к другому поджанру. Зачем-то же понадобились автору «эвереттические» вставки, зачем-то ему понадобилось привлечь физику для объяснения истории.

Вопреки, кстати, призыву А. и Б. Стругацких: «Ничего не надо объяснять!»...

Другой «могильщик» НФ, замечательный писатель Евгений Лукин, опубликовал в журнале «Если» в 2007 году небольшую повесть «Бытие наше дырчатое». Вот уж кто давно научную фантастику не писал (хотя и начинал с научно-фантастических повестей, написанных в соавторстве с Любовью Лукиной), но идею «дырчатого бытия» вполне можно считать научно-фантастической, все из той же физической области эвереттовского многомирия, использованного в этой повести с обычным для Е. Лукина изяществом.

Возможно, автор станет спорить и утверждать, что не хотел он писать научную фантастику, не думал даже. Журден когда-то тоже сильно удивился, когда ему сказали, что он, оказывается, говорит прозой. Парадоксально, но факт...

Кстати, не первый в истории НФ. Для иллюстрации упомяну лучшее, на мой взгляд, произведение Аркадия и Бориса Стругацких «За миллиард лет до конца света». В свое время меня поразила научно-фантастическая идея Гомеостатического Мироздания, следящего за эволюцией человечества. Эта идея была из того же ряда далеко идущих предположений, что Машина времени Уэллса или Мультиверсум Эверетта. Отношения человека и мироздания — постоянная и благодатная тема для НФ, повесть Стругацких могла стать (как «Машина времени») отправной точкой для воображения многих

других авторов. Но не стала. Сами же авторы, как объяснил в одном из интервью Б.Н. Стругацкий, вовсе не относили идею повести к НФ, а Гомеостатическое Мироздание олицетворяло для них вмешательство всемогущего, как казалось в семидесятые годы, советского КГБ в жизнь «простого человека». Блестящая НФ-идея была сведена до уровня политического намека...

Так что же все-таки происходит с НФ? Умерла? Затаилась на время? Начала возрождаться?

Старая НФ, как писали полвека назад, умерла и вряд ли имеет смысл ее реанимировать. Точнее, авторы-то могут попробовать, но примет ли читатель? Старая НФ умерла не только в России, на Западе тоже. Гарри Гаррисон сказал в одном из интервью:

«Вопрос:

— Что, по вашему мнению, сейчас происходит с научной фантастикой?

Ответ:

— Ничего хорошего.

Вопрос:

— Мне кажется, что ваше поколение не оставило преемников. Я права?

Ответ:

— Абсолютно. Та научная фантастика, на которой я вырос, умерла».

За полвека наука, с которой неразрывно связана НФ, радикально изменилась. Не так давно отгремели философские споры о конце науки. Речь, впрочем, шла о науке экспериментальной, и не о смерти, конечно (полная, кстати, аналогия с НФ), а о качественных изменениях в характере физических экспериментов. Наука продолжит жить, но это будет другая наука, о которой НФ, впад в ступор или спячку, еще не сказала почти ни одного слова.

Квантовая теория — важнейшее достижение физики XX века — потребовала изменений в понимании самой сути эксперимента. С одной стороны, чтобы узнать что-то новое о строении материи, приходится строить огромные ускорители, разгоняя элементарные частицы до колоссальных энергий. С другой — физика все сильнее «соприкасается» с психологией, поскольку яснее осознается важнейшая роль наблюдателя в физическом эксперименте.

О новых направлениях в физике (однако, качественной новизны не меньше и в других науках, включая гуманитарные, такие, как, например, психология и социология) можно написать не одну, а десятки статей и книг.

Изменилась наука — неизбежно должна была измениться и НФ. Старая НФ умерла — да здравствует новая НФ!

В прежние времена именно НФ была «впереди фантастики всей», жесткая НФ открывала для других поджанров фантастики новые направления, которые и разрабатывались успешно коллегами по цеху. НФ писала о первых полетах к звездам, о парадоксе близнецов — потом появилась космическая опера со всеми приклубами чисто приключенческого жанра. НФ

предложила идеи путешествий в параллельные миры и к звездам через гиперпространство — сейчас эти способы передвижения переключались в приключенческую фантастику, космическую оперу.

НФ возродится не тогда, когда вернется к прежним идеям и темам, а когда откроет новые для этого поджанра темы и идеи. Антон Первушин, один из энтузиастов возрождения русскоязычной жесткой НФ, писал в одной из своих статей: «...все великие прорывы и проекты... делаются в США, в Европе и в Китае. Мы, похоже, отстаем навсегда. А какому автору, если он любит Россию, захочется прославлять “чудеса враждебной техники”?» Вот, казалось бы, еще одно реальное объяснение того, почему российские авторы не пишут жесткую НФ — фантастическая литература должна прославлять чудеса российской науки и техники. Чудеса, созданные на Западе, авторы прославлять не желают. Причина веская, но, на мой взгляд, вряд ли имеющая отношение к реальности. Если бы речь шла о научно-популярной литературе, с аргументом А. Первушина можно было бы согласиться — у российских авторов действительно может не быть стимула популяризировать достижения западной науки и технологии. Но как раз у авторов научно-популярных книг такого синдрома не наблюдается — научно-популярные книги в России худо-бедно выходят, хотя и малыми тиражами. В последние годы опубликованы, например, «Человек и квантовый мир» М. Менского, «Звездные острова» Ю. Ефремова, «Устройство нашей Вселенной» С. Рубина и многие другие книги, популяризирующие достижения физики и астрономии, наук, у которых нет границ (кроме границ Вселенной). Почему же фантасты, как полагает А. Первушин, не хотят писать о науке? Если Россия сейчас отстала от мирового уровня научно-технического развития, то разве не писатели-фантасты могут (не говорю — должны), выявив реальные тенденции и наведя фантастические дороги, описать такое будущее, в котором российская наука делает скачок, догоняет и перегоняет?

Правда, чтобы описать результаты этой гонки и грядущий триумф российской науки, нужно придумать, ЧТО открыли ученые, ЧТО изобрели российские изобретатели, обогнавшие западных коллег. Иными словами, опять нужны новые научно-фантастические идеи — именно на этой стадии и пробуксовывает так и не возродившаяся пока российская жесткая НФ.

Авторы странным образом предпочитают решать проблему «догнать и перегнать Запад» (эта проблема, кстати, маячила и перед советскими фантастами) самым простым способом — изображая мир, в котором Запад «сдал позиции» изначально. Или его (в лице Соединенных Штатов, вечного друга-соперника) просто нет на карте земного шара (как в романе Александра Громова «Русский аркан»).

Пропагандируя жесткую НФ, Антон Первушин (вот парадокс!) в своих произведениях последних лет все-таки переносит действие в альтернативный мир, полагая, возможно, что в нашей реальности Россия отстала от Запада навсегда, и попытки описать ее победу окажутся за гранью фантастики. В результате получается странная картина — в альтернативном мире, где сохранился до нынешних времен Советский Союз, где человечество выходит

в космос, где Россия побеждает в космической гонке (и даже в космической войне) с Америкой — в той альтернативной реальности, тем не менее, тоже нет НОВЫХ научно-фантастических идей. В романах А. Первушина популяризируются (с большим мастерством!) уже существующие (или существовавшие, но не осуществленные) идеи, направления и разработки российской и мировой космонавтики. В альтернативном мире удастся довести до конца заброшенную программу «Буря» Лавочкина, создать и использовать космические самолеты типа «Буран». Советским космонавтам первым удастся побывать на Луне (доведена до полетной стадии также заброшенная в свое время программа С.П. Королева), на Марс летят советские космонавты Юрий Гагарин и Алексей Леонов в корабле, который в былые годы разрабатывался, но так и не доведен был до испытаний (повесть «Космос будет нашим!»).

Книги А. Первушина (и здесь я не соглашусь с критиками) не принадлежат к жесткой НФ, хотя и обладают некоторыми качествами этого поджанра. Это все-таки «альтернативная» фантастика с элементами научно-технической популяризации. И в пределах такого сочетания поджанров произведения А. Первушина, безусловно, хороши, но, на мой взгляд, вряд ли служат поставленной самим автором цели: возрождению жесткой российской НФ.

Разумеется, автор волен помещать своих персонажей в ту реальность, которую он считает наиболее выигрышной для своих литературных задач. Но если задача ставится «догнать и перегнать» и показать ведущую роль России, то литературный выигрыш, на мой взгляд, оборачивается в результате проигрышем в достижении поставленной автором цели.

Во всяком случае, если говорить о том, на каких путях лучше возрождать русскоязычную НФ, то симбиоз с «альтернативкой» не кажется мне перспективным. Если, конечно, альтернативная реальность не является непременным атрибутом НФ-идеи — как в упоминавшемся романе Валентинова.

Нельзя, конечно, говорить автору: почему вы написали так, хотя мне бы хотелось, чтобы было написано этак? Зачем надо было переносить действие в альтернативный мир, когда интересно было бы проследить развитие нынешних тенденций, попытаться увидеть, какой может сложиться ситуация именно в нашем историческом пространстве лет через 20-30-50? Показать, какие новые НФ-идеи, новые НФ проблемы будут решены. У старой советской НФ была определенная прогностическая функция, которой лишена возрождающаяся НФ, завязанная на альтернативную реальность. Можно сказать, что в значительной степени советские фантасты жестоко ошиблись в своих прогнозах, особенно если прогнозы эти были связаны с политикой (кстати, потому и ошиблись, что были в таких прогнозах принципиально не свободны — достаточно вспомнить, какому разному подвергся Генрих Альтов в газете «Известия» за то, что персонаж рассказа «Порт Каменных Бурь» осмелился даже не ответ поискать, а всего лишь задать простой вопрос: «Что будет после коммунизма?»). Да, в этом ошиблись, но речь-то сейчас идет о научной, а не политической фантастике, о НФ прогнозах, где ошибок было гораздо меньше. В НФ, как и в науке (и в этом, в частности, их

сходство), важен не только положительный, но и отрицательный результат эксперимента (в данном случае — литературного).

Без новых НФ-идей (в области космонавтики, в частности) НАУЧНАЯ фантастика не возродится. Былой лозунг «фантастика опережает науку» существовал не как яркая метафора (или не только как метафора) — это было руководство к действию. Когда ученые с полным на то основанием начали говорить «нет, наука опережает фантастику», тогда и настал конец НФ. В повестях А. Первушина наука все еще опережает фантастику, а не наоборот.

Во всяком случае, «за попытку спасибо».

В нашем реальном мире происходит действие романов Ярослава Верова и Игоря Минакова «Десант на Сатурн» и «Десант на Европу», заслуженно получивших уже немало премий на конвентах фантастики. Именно наш мир, прошедший сотни лет развития, становится местом действия и ареной борьбы в этих интересных романах. Тем не менее, мир, описанный авторами, воспринимается как альтернативный, поскольку проблематика романов, их научно-фантастическая составляющая не являются продолжением в будущее важных нынешних тенденций научно-технического прогресса или попыткой прогнозировать возможные проблемы близкого или далекого будущего. Конфликт разворачивается вокруг восстания «ультралуддитов» против техногенной цивилизации и восстания механтропов против человечества. Оба конфликта в научной фантастике не новы, и потому, если оценивать новизну НФ проблематики в романах по шкале «Фантазия-2», то оценка вряд ли будет выше 1,5.

Однако главный недостаток романов, на мой взгляд, вовсе не в этом и даже не в том, что, как справедливо отмечает в рецензии tyuab8 (в Живом журнале): «все герои недостаточно живые». Это недостаток многих писателей, не только фантастов, устраняется он опытом, так что у авторов достаточно возможностей разобраться с этой проблемой. Дело, на мой взгляд, в том, что, читая о глобальной, по сути, войне между людьми и механтропами, обществом и «ультралуддитами», не ощущаешь именно масштабности этого общества и этих конфликтов. Война, при том, что трупов там достаточно, представляется заварушкой местного значения, с которой справляется главный герой Хлодвиг с помощью, правда, суперличности Наладчика.

Недостатки «Десантов», впрочем, вовсе не свидетельствуют о неумении авторов строить сюжет и придумывать проблему. Напротив, сюжеты обоих романов динамичны, а проблематика, пусть и не новая в фантастике, интересна. Мало кому из фантастов, однако, удастся показать массы, движение обществ, большие коллективы, хотя именно масштабностью фантастика может отличаться от реалистической литературы. Предметом изображения в реалистическом произведении чаще всего является личность, герой, его проблемы, его личные жизненные цели. Конечно, есть и в реалистической прозе такие романы, как «Война и мир». Но в фантастике значительно чаще необходимо изображать не столько судьбы конкретных героев, сколько

судьбы целых миров (поэтому Альтов как-то назвал научную фантастику мироведением) — и удастся это далеко не каждому.

В свое время, рассказывая о творчестве замечательного советского писателя-фантаста Севера Гансовского, Аркадий и Борис Стругацкий писали: «Для Гансовского НФ есть литература о нравственности и ответственности человека науки».

Не только для Гансовского. Для любого автора, пишущего жесткую НАУЧНУЮ фантастику, этот поджанр есть литература не только о науке, как об институте познания, но, в первую очередь, — о нравственности и ответственности человека науки. В этом определении принципиально важно каждое слово: человек, наука, нравственность и ответственность. Без человека не будет литературы. Без нравственности и ответственности не будет конфликта. Без науки не будет НФ.

Новая волна в русскоязычной НФ только появилась, нет пока новой школы — по-старому писать НФ уже невозможно, а по-новому еще не научились. Но это вопрос времени, опыта и желания работать.

И еще одно сугубо личное впечатление (или желание). В нынешней НАУЧНОЙ фантастике именно наука, как ни странно, занимает подчиненное место. Героями НФ чаще всего являются ПОЛЬЗОВАТЕЛИ, а не ТВОРЦЫ. Нет духа науки, романтики научного поиска. Герои НФ чаще всего не ученые-создатели, даже не изобретатели, а те, кто пользуется результатами с большей или меньшей пользой для общества: космонавты, программисты, военные и так далее. Вот чего лично мне пока не хватает в новой НФ — и что было в НФ старой: не хватает героев типа Вечеровского и Малянова из «За миллиард лет до конца света» Стругацких, Кривошеина из «Открытия себя» или Корнева из «Должности во Вселенной» Савченко, Никитина из «Тени минувшего» или Мвена Маса с Рен Бозом из «Туманности Андромеды» Ефремова.

Впрочем, это мое личное пожелание. Не к конкретным авторам, которые ищут и, полагаю, найдут свой оригинальный путь, но к направлению, которое вряд ли займет в фантастике надлежащее место, если не возродится в нем дух науки, ее романтика.

Тогда поставленная задача — догнать и обогнать Запад — решится без дидактического вмешательства фантастики.

СТАНИСЛАВ БЕСКАРАВАЙНЫЙ

О ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ АПОКАЛИПСИСОВ

Тема конца света всегда впечатляла потребителей. Катастрофа, яркая и зрелищная, после которой остается много красивых развалин. Есть герои, злодеи, обязательная массовка и камни из пенопласта, которые чуть не дают основных персонажей. Однако же любой конец несет в себе начало — и самая большая катастрофа не может быть исключением. На руинах заводится жизнь, откуда-то выползают люди, сызнава делаются изобретения и так до следующего краха цивилизации.

Классический, библейский Апокалипсис — сам по себе политкорректен. Добро побеждает зло, причем не до следующей серии, а уже навсегда. «Дивный новый мир» к полным услугам праведников. Но масс-культура не была бы сама собой, не постарайся она превратить это «новое начало» в такой же штамп, что и сама катастрофа. Не сделай она его простым, доступным и приятным зрителю, одновременно не приправив натуралистичными подробностями.

Если отойти от религиозного представления о конце света на позиции «пост-катастрофы», то что же может быть таким приятным в этом новом начале? Тяжелый многолетний труд, без надежды сходить на премьеру нового фильма, без черной икры и шампанского, даже без радио. Где казино, где неоновая реклама, где рестораны быстрого питания? Отсутствует баночное пиво и шампунь. Все те радости, жажда к которым внушается современному зрителю, они будут недоступны еще несколько тысяч лет. Или сотен лет — это тоже немало. Отчего зрителю или читателю радоваться?

Неплохо выглядят простые деревенские удовольствия. Тут и мед, и сметана, и самогон. Неторопливо течет жизнь, весна сменяется летом. Отсутствуют проценты по кредиту, нет шанса попасть под поезд или автомобиль. Домотканая одежда, деревянная посуда. Мужчины снова становятся воинами, а женщины — заботливыми матерями семейств. Но тут проблема — катастрофа ведь была. И не просто все разом одичали, нет. Разрушились химические фабрики и ядерные реакторы. Ракеты вылетели из шахт. Тут хорошей экологии не дождешься. Водичка активная, земелька светящаяся, животные такие, что не вдруг придумаешь новое название, и не с первого раза как следует приготовить.

Автор, конечно, может сказать, что прошли тысячи лет, что все ядовитое рассосалось и разложилось. Но к тому времени из остатков и осколков человеческая цивилизация вырастет и возмужает. Возникнут проблемы, читателям совсем непонятные. Это трудно назвать «новым началом», скорее продолжением.

Потому первый жест, который масс-культурный апокалипсис делает в сторону политкорректности — это спасение группы основных персонажей в

некоем месте, где конец света почему-то не наступил. Так было с динозаврами, которые в нескольких вариантах фильмов и рассказов идут по холодной пустыне в некое место, где много еды и тепло. Фильм «Водный мир» представляет другой случай. Повышение уровня океана уничтожило цивилизацию. Остались редкие атоллы, где люди исхитряются выращивать пропитание. Уцелели катамараны и лодки торговцев, что курсируют между ними. И тут вдруг выясняется, что есть земля — большая, обильная и никем не занятая. Герои плывут туда наперегонки со злодеями. Спрашивается — почему эти Эдемы не были уже заняты и окружены минными полями? Нет ответа.

Фантасты по-разному пытаются решить это затруднение. С. Лукьяненко в рассказе «Теплый край» дает мрачную картину. Оазис теплоты среди начинающегося оледенения так просто не пускает к себе. Поезда, что идут туда, — падают в пропасть. Людей, что подходят к границе, — расстреливают с вертолета. Однако рассказ короткий. В более подробных вариантах этот выход можно рассмотреть у А. Громова в «Мягкой посадке» и у Дж. Уиндема в «Дне триффидов». Громов занимается все тем же оледенением, но еще отягощенным массовым оглушением населения. Москва завалена снегами, земля не родит, основная часть населения откатывается к югу, но там постоянные войны. Глупость, как эпидемия, выкашивает людей, превращая их в «адаптантов». Главный герой начинает фактически создавать этот самый городок, что может пережить большую зиму. В «Дне триффидов» ситуация более запутана — почти поголовное ослепление людей полюс размножение агрессивных растений. Жить можно везде, но редкие устоявшиеся общины теряют цивилизованный вид, превращаются в дикарей. Выход не в отдельном городе, а в небольшом острове, где растения выпалываются, и где община в несколько сотен человек может поддержать уровень культуры.

Но эти сценарии как раз настаивают на тяжелой работе. И Громов, и Уиндем пропускают описание ежедневного, ежечасного труда. В «Мягкой посадке» есть только круто заверченная интрига, определившая начало становления городка, и финальные воспоминания главного героя, который очинивает все то, что удалось сделать за десятилетия.

Есть лишь одно свойство, которое в «новом начале» может показаться приятным потребителю, — это знакомый конфликт, уже известная движущая сила, раскручивающая сюжет. Причем лучше эту движущую силу оформить в привычные декорации.

И вот тут фантастика, случается, хромает на обе ноги — покидают ее живость воображения и логика, остаются штампы. Авторы, чтобы избежать развития проблем, неудобных в настоящем, рассматривают катастрофу просто как способ лучше ответить на заранее известные вопросы. Неудобные проблемы уничтожаются апокалипсисом (люди и техника, понятно, тоже страдают), и можно со свежим пылом доказывать ближним, как хороши свобода, равенство, братство.

Бывает, актуальные политические требования буквально врываются в тот постапокалиптический мир, что так заботливо выстраивал автор. Показательна в этом смысле вещь Н. Романецкого «Прозрение крота», созданная

под влиянием романтизма Перестройки. Рисуются последствия третьей мировой. В этом ее варианте обошлось без ракетно-ядерных ударов, поработали мощные орбитальные лазеры. В обширном подземном убежище существует община, возникшая из интернационального поселения ученых. Наружу выходят редко — боятся лазерных лучей оставшейся орбитальной военной станции. Уже несколько десятилетий заправляет в общине бывший военный, который может предсказывать появление станции и уводить людей под землю от ее ударов. Естественно, заводятся молодые бунтари, жадные до изучения документов. Главные из них носят славянские имена. Слов «демократия» и «гласность» они не произносят. Но без слова «диалектика» автор обойтись не смог. Финал — истинно демократичен. Молодой экстрасенс, силой воли разрушивший эту самую орбитальную станцию с лазерной пушкой, обращается к жителям приюта с патетической речевкой о свободе. Жители, правда, воспринимают ее без энтузиазма. Так что в итоге группа «зародышей новой цивилизации», обладающих сверхъестественными возможностями, просто сидит в тюремной камере и думает, как жить дальше.

Аналогичен «Почтальон», достаточно слабый, хоть и крупнобюджетный, фильм, в котором по сюжету после войны США восставали из дикости и раздробленности благодаря почте. Фильм, по сути, это скрытая реклама журналистики. Герой, преисполнившись благородных порывов, начинает изображать почтальона, работающего на якобы сохранившееся правительство. В результате сумма переданных им посланий достигает критической массы — и вот это правительство, пусть и самозванное, появляется. Разумеется, поблизости вертится главный злодей, бывший коммивояжер, который воображает себя основателем нового порядка и желает устроить то ли новую Спарту, то ли четвертый Рейх. Его благополучно убивают в финальной битве. Но остается вопрос — почему почта? Она до некоторой степени романтична, но ее совершенно недостаточно. Торговля и армия воссоздают государства, одинокого почтальона элементарно пристрелили бы.

Более тонко, хотя и не без недостатков, проблему «отцов и детей» обыгрывает Дж. Уиндем в романе «Отклонение от нормы». Ядерная война была «в полный рост» — от Нью-Йорка остались обугленные небоскребы. Новая цивилизация возникла на Лабрадоре, в бывшей Канаде. В ее основе — суровая протестантская этика, дополненная установками на постоянную борьбу с мутациями. Уровень техники — ориентировочно XVIII век. Основные герои романа — дети, развивающие в себе телепатические способности, так сказать, очередное поколение человечества. В итоге их раскрывают, начинают преследовать. Но из Новой Зеландии на вертолете прибывает подмога от телепатов, уже сколотивших новое общество. Казалось бы, какие тут могут быть вопросы, кроме придирок? Да самые простые. Почему как цивилизованные страны упоминаются только Новая Зеландия и Лабрадор — осколки англосаксонского мира? Почему ни Индия, ни Вьетнам, ни Мадагаскар, ни Аргентина, которые не должны были пострадать так жестоко, как север Канады, и имели много больше возможностей сохранить технические знания? Это уступка автора политической корректности. И невозможно отговорить-

ся послевоенной раздробленностью мира — корабли жителей Лабрадора к моменту действия романа уже исследовали всю северную Атлантику. Почему они не столкнулись с кораблями жителей Бразилии или Гвинеи? Или с теми же новозеландскими вертолетами?

Особенно хорошо этот порок проявляется, если сравнить роман Г. Уэллса «Машина времени» и экранизацию этого романа (2005 г.). В книге герой прибывает в конец времен. Человечество, по сути, возвращается к животному уровню существования. С выродившимися, изнеженными людьми, живущими во дворцах, герой нормально поговорить так и не смог, с подземными морлоками — тем более. Что же в фильме? Герой отправляется в будущее, думая найти способ спасти нелепо погибшую любимую девушку. По дороге видит падение Луны на Землю и последующее оледенение. Способа помочь своей проблеме не находит, но людей встречает вполне адекватных (политкорректной наружности — европейской с некоторой примесью негритянской крови). Начинается противостояние сил света, наивных и очень сельскохозяйственных, и сил тьмы — подземных, технократических и коварных. С морлоками герой борется и успешно их уничтожает. Находит новую любовь. В итоге на месте Нью-Йорка — очередное новое начало цивилизации.

Но много более пикантно выглядят подобные уступки, когда автор пытается воплотить благодаря мировой катастрофе противоположные идеалы, придать резкость даже не возрастному, но культурному конфликту! В повести Х. Эллисона «Парень и его пес» на развалинах все того же Нью-Йорка существуют стаи рокеров, панков и прочих контркультурных элементов. Марихуана, перестрелки, боевая помощь собак, которых перед войной успели сделать разумными и наделить телепатическими способностями. Коллективы практически сплошь мужские и женщин катастрофически не хватает. В то же время в прекрасно оборудованных подземных убежищах сохранилось викторианское общество, причем самого ханжеского толка. По очевидному совпадению — там страшно не хватает мужчин. Обывательско-бюргерский и контркультурный образы жизни пожирают сами себя. Как результат, автор фиксирует, что и те, и другие начали отчетливо сталкиваться с демографическими проблемами.

Один из самых, пожалуй, тонко сделанных романов, решающих проблему культурной ситуации после конца света — «Город иллюзий» У. Ле Гуин. Катастрофа была не от войны, а от лжи. Некие человекоподобные пришельцы, обладавшие искусством «лгать мыслью» смогли перессорить землян, к тому времени в общении и судопроизводстве полагавшихся на телепатию. Целиком население уничтожено не было, и остались отдельные полудеревенские общины, частично сохранившие уровень технических знаний. Вот уж, воистину, «народы сменили народы, и лик изменился Земли». Главный герой, потерявший память, воспитывается в такой общине, а потом проходит через несколько других человеческих поселений. Он встречает разный уровень знания, разные этнические группы, разные культуры. Большая часть — это изолянты, осколки прошлого. Секты, индейские племена из резерваций, отдельные деревни. Они смогли пережить катастрофу за счет внутренней спайки и

замкнутости, но их рост ограничен действиями пришельцев. Собственно, «американской мечты» или «американского образа жизни», не остается.

Хотя, если рассуждать объективно — написать постапокалиптическую культуру не такая уж и простая задача. Авторам проще работать с уже известным материалом, и они выбирают вариант с возрождением собственного государства. Пожалуй, самый радикальный выход нашли А. и Б. Стругацкие в романе «Обитаемый остров». Описана ситуация, сложившаяся после ядерной войны — но на другой планете. Есть возможность задавать некие усредненные образы, не связанные с конкретными земными оригиналами.

Бывает, что авторы уходят в противоположную крайность, и, спасая некую определенную культуру, строят апокалипсис именно как смерть иной культуры. Сейчас чуть ли не самое модное произведение этого направления — «Мечеть парижской богематери». Название расшифровывает содержание книги: мусульманские эмигранты заполони Европу, и западная ее часть стала халифатом. Атеизм вначале привел к власти исламистов, но потом же ими и был запрещен. Во Франции христиане живут в гетто, полиция разыскивает последних виноделов. Правда, Россия устояла и даже Польша стала к ней дружелюбна, опасаясь своих новых исламских соседей.

Культуру, конечно, можно разрушить «до основания» и наслаждаться чисто варварским поведением персонажей. Подобный хаос демонстрирует множество голливудских низкобюджетных фильмов. Из наиболее ярких можно назвать «Безумный Макс. Воин дороги». Много лохмотьев, заточки и мясницкие топоры, вопли, погони, резня. Но подчеркнутый «пофигизм» как злодеев, так и героев уничтожает саму идею «нового начала». Началом тут не пахнет, еще продолжается конец.

Но просто сохранить некую культуру — это одно. Другое — построить произведение на старой проблеме, которая лишь с помощью катастрофы вновь становится актуальной, и никак иначе сейчас интересной стать не может. Сделать апокалипсис полезным.

В яркости постановки редкий режиссер сможет потягаться с братьями Вачовски. Закончив с «Матрицей», они взялись за тему гражданского общества. И вышел у них фильм «V — как вендетта». Англия — современная и не совсем добрая. Там утвердилась диктатура фашистского типа. Диктатор, партия, репрессии, лагеря — все как полагается в 1984-м году, только немного позднее. Герой, некая жертва биологических экспериментов, надевает маску Гая Фокса и занимается устроением революции по типу тех цветных событий, что имели место в СНГ. Очень много разговоров про свободу, про демократию, про достоинство личности. Все вроде как хорошо, но маленькая подробность — нет мусульман. Введена смертная казнь за хранение Корана. Словом, в этническом смысле ситуация возвращена на 50-60 лет назад. Возникает неполиткорректный вопрос: неужели авторы намекают, что за гражданские права можно бороться, только раздлаившись с мусульманами?

Во много большем масштабе схожую идею воплотил К. Бенедиктов в книге «Война за «Асгард»». Завелся в Хьюстоне некий пророк, который поднял флаг Белого Возрождения. Англосаксы устроили на Земле новый порядок. Китай-

цев стало только 300 миллионов. Арабы еле отстаивали свой исламский статус. Россия лишилась Сибири, а заодно получила реставрацию феодализма в самых мрачных формах семибоярщины. Множество народов проположили, как грядки, выискивая генетически неполноценных. В средней Азии вообще устроили что-то вроде концлагеря на сотни миллионов людей — их всех перебрасывают в параллельное то ли пространство, то ли время. Разумеется, есть Сопротивление, которое пытается устраивать диверсии, покушается на Хьюстонского пророка и вообще, заявляет о себе. Дерутся за свободу, понятное дело. Однако, если отбросить лазеры, переброску во времени и компьютеры — то ситуация возвращается к началу XX века. Колониализм плюс фашизм с поправкой на новые технологии. Как драться против них — и так ясно. Автор, фактически, выдумывает лишь интригу и антураж, но проблем не поднимает.

Но вершиной, настоящим шедевром «полезного апокалипсиса» отмечилось содружество И. Андронати и А. Лазарчука. Сериал, открываемый романом «За право летать». Войны не было — всего лишь напали инопланетяне. Причем они еще и дрались между собой. На земле из-за «хроносдвигов», вызванных работой двигателей их кораблей, стала отказывать электроника. Понятно, исчезла вся высокая технология; в кремниевой долине, что в Калифорнии, — теперь просто несколько коттеджных поселков. На этом фоне Россия снова вдруг становится супердержавой. Как? А вот так. Посылая в бой подростков, и разрабатывая новую, устойчивую к хроносдвигам электронику. В самом скором времени у землян обнаруживается флот из боеспособных кораблей. Что к этому добавить?

К перечислению этих недостатков в произведениях можно подобрать контрдовод. Ведь если цивилизация делает несколько шагов назад, то откуда взяться принципиально новым проблемам? Приходится заново переучивать старое, и люди пытаются припомнить уже готовые решения. Весь вопрос в степени этих «припоминаний». Эпоха Возрождения, при всем осознанном желании подражать античности, не занималась простым копированием древней Греции, не просто учила латынь. Европа стала уже другой, и невозможно было вернуться в прошлое. Новое начало, даже при полном тождестве идей, не может оказаться тождественным и в предметах. Если кто-то в этом сомневается, пусть вспомнит Робинзона Крузо. Это индивидуальный конец света — ведь человек выпал из культуры и цивилизации. Но разве его техника, за исключением инструментов, была английской техникой XVIII-го века? Нет. Ошибки, неудачи, изобретения были у него свои. А если припомнить, как жил прототип Робинзона, и в какой дикости встретил он случайный корабль, то становится вообще грустно.

Аналогично, существует множество произведений, где проблемы «нового начала» раскрыты очень подробно и аккуратно. Новые племена, их язык, обычаи сконструированы вдохновенно и непротиворечиво. Но пусть читатель сам судит о них.

ИЛЬЯ СУХАНОВ

ГРЕЗЫ НЕЛЮДЕЙ

Юлия Латынина. Нелюдь. — М.: АСТ, 2009. — 384 с.

Что такое шахматы? Шестьдесят четыре клетки, тридцать две фигуры, принадлежащие всего лишь к шести видам, и два цвета. Но за всем этим скрывается гигантский потенциал возможных путей развития, который тяжело просто вообразить. Меня всегда тяготила эта бесконечность, так что играть я предпочитал в шашки. Но и в шахматах, и в шашках меня всегда занимал момент, когда известная, легко просчитываемая схема игры с грохотом и пылью рушится, а из обломков начинает расти что-то абсолютно новое, что еще предстоит изучить и понять. Литература гораздо сложнее шахмат, но, оказывается, и

здесь можно импровизировать, расставив фигуры по определенным, заранее заданным местам.

Как только я начал читать «Нелюдь» Юлии Латыниной, червячок дежавю начал лакомиться моим мозгом. Где же я это все уже видел? Озарение пришло вот на этой фразе: «две щелкающих гласных были воспроизведены при этом в диапазоне частот, считавшихся недоступными человеческому горлу». Сравним с одной очень известной диалогией: «Но вот воспроизвести все оттенки интонаций, несущих не смысловую, а эмоциональную нагрузку, считалось практически невозможным. Сейчас Томми показалось, что Кей пересек границу доступного человеку». Еще характерный текстовый пример: Латынина — «и редкий деликатес — белые сдобные булки. Зерновые культуры были первое, что уничтожил бактериологический удар полтора века назад, пшеница и рожь росли только в стерильных теплицах», Лукьяненко — «шпината, почти исчезнувшего в годы Смутной Войны ... Но шпинат с тех пор мог расти лишь в герметичных помещениях с полностью замкнутой экологией». Сходство, конечно, не столько текстовые, сколько в описание мира и в некоторых сюжетных коллизиях. Давайте попробуем сравнить. И там, и там литературная вселенная населена большим числом инопланетных рас, многие из которых очень далеки от гуманоидных стандартов. И там, и там земляне в кровопролитнейшей и заведомо проигранной войне сталкиваются с несколькими инопланетными цивилизациями и побеждают, в первую очередь, за счет создания полутоталитарных государств. Ко времени действия в обоих книгах оба государства превращаются в могу-

щественные Империи, в которые входят как планеты, населенные землянами, так и миры иных цивилизаций, представители которых играют важную роль в государстве. И в «Линии Грез», и в «Нелюди», несмотря на декларируемое равенство всех граждан, первую скрипку играют представители титульной расы, в смысле, люди. Сюжетный параллелизм тоже можно заметить без труда: и в одной, и в другой книге главный герой житель уничтоженной самими землянами планеты, в обеих они отправляются в довольно бесполое странствие по различным планетам Империи по заданию крупных политических фигур, а в качестве компаньонов получают сыновей этих людей. И Кей, и Ван Эрлик в ходе своих странствий оказываются на планетах, где фактической властью обладают мафиозные структуры, которые возглавляет женщина и т. п. Есть сходство и в некоторых приемах: как Лукьяненко, так и Латынина раскручивают сюжетный маховик для мелькающих третьестепенных героев. Следуя за ними, оба автора показывают, как изменяется жизнь этих персонажей после столкновения с главными героями повествования.

Несмотря на явное сходство между книгами, произведения вышли абсолютно разными. Латынина взяла лукьяненковские мир и сюжет и на их основе разыграла абсолютно иную партию. Писательница вместо легкой развлекательной космооперы о приключениях в далеком будущем, симпровизировала на интересные ей политические и социальные темы.

В первую очередь она предприняла эксперимент над социальной составляющей «Линии грез». Казалось бы легкий сдвиг акцентов в сторону реализма — полная ерунда. А вот на практике это обернулось совсем другим миром, черты которого явственно намекают на Российскую Федерацию. Да, несомненно, Латынина при этом сгущает краски, но это не мешает ее Империи быть гораздо правдоподобней и честней Империи Лукьяненко.

Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. Эта мысль отштампована в каждом предложении, посвященном нравам чиновничьего аппарата Империи Латыниной. То, что у Лукьяненко представлялось скорее исключением, в романе «Нелюдь» вытаснено наружу, вывернуто и представлено во всей его омерзительной неприглядности. Повсеместная коррупция, крышевание криминального бизнеса, доносы, устранения конкурентов, выжимания всех соков из подконтрольных граждан, с одной стороны, а с другой — полное отсутствие моральных принципов. Любое желание, каким бы извращенным оно ни было, легко выполнимо после достижения определенного положения в местной табели о рангах. И даже наказание за преступление становится частью этой патологической системы отношений: это еще один способ расправы с конкурентами или зарвавшимся низостоящим чиновником.

И еще один момент, который меня сильно задел: никто из простых граждан в романе Латыниной даже не помышляет о том, чтобы заниматься каким-то правдоискательством. Такое положение дел воспринимается всеми как вполне естественное, а ненормальным воспринимается уже человек вроде полковника Станиса Трастамара, не берущий взятки.

Станис, пожалуй, самый запоминающийся герой романа, он заметно выделяется на фоне других героев-характеров: благородный разбойник, молодой неопытный ГБшник, мудрый инопланетянин. Полковник местного аналога КГБ, наследственный военный, плоть от плоти и кровь от крови латынской Империи. Но вопреки этому среди человеческих персонажей он единственный идеалист, который по-настоящему верит в те истины, которым большинство чиновников вертит так, как им удобно, прикрывая свои корыстные интересы. Не случайно именно Станису в финале и предоставлена возможность принять решение за все человечество, определить, по какому пути пойти дальше.

Политическая позиция Юлии Латыниной хорошо известна, но идейно «Нелюдь» заполнен не только критикой тоталитарного государства. Автор делится своим скепсисом и по поводу демократического способа управления. Тоталитаризм — неминуемо загниет, демократия не способна адекватно отвечать на требования времени. Из чего выбирать? И, наверное, самое фантастическое в романе Латыниной — это как раз третий путь. Именно его выбирают герои — предоставить возможность попробовать поуправлять человечеством высокоморальным инопланетянам. Такой вот нерадостный вывод о полном несовершенстве человеческой природы.

Хороший роман, хоть и не без недостатков. Я нашел в тексте пару довольно курьезных описаний, вроде «пронзительно-серыми глазами на лысой, как шар, голове». И, к сожалению, не очень удачной вышла сюжетная линия, местами она становилась попросту скучной.

В целом, долгожданное возвращение Латыниной в фантастику, скорее, удалось, чем нет. Она сумела удачно симпровизировать на основе мира Сергея Лукьяненко, совместив в своей книге черты политического памфлета и космооперы, каким бы удивительным не казалось подобное сочетание.

KKK72

ВЕРА И ВЕРНОСТЬ

Ольга Чигиринская. Сердце меча. — М.: Форум, 2007. — 752 с.

Этот роман очень типичен для творчества Чигиринской, в нем ярко видны как достоинства, так и недостатки ее стиля. Поэтому этот отзыв будут писать одновременно поклонник Чигиринской и критик.

Начнем с созданного автором **мира**.

Поклонник. Сразу видно, что автор изрядно потрудилась над своей Вселенной, проработала ее историю, легенды, философию. Противостояние Рима и Вавилона — одно из самых продуманных и проработанных автором. События, описанные в романе, — лишь маленький эпизод этого противостояния. Общественный строй на разных планетах, сложная клановая система, особенности общественного мировоззрения, сложная система клонов и гомов — все это очень часто проходит мимо внимания авторов, а вот Чигиринская всему этому уделила много внимания и удачно подала весь этот интересный материал в своем романе. Достаточно подробные описания планет и маневров в гиперпространстве, увлекательная охота на энергетические сгустки — левиафаны. В итоге каждый может найти в этой Вселенной то, что заинтересует именно его.

Критик. Все это хорошо. А почему повсеместно доминирует японский язык и культура? Как это соотносится с христианством? Какую роль в этой истории играет раса шедаинов? Как может существовать жизнь на столь экстремальной планете, как Картаго?

Вывод. Мир романа действительно очень интересен и проработан, но без определенных натяжек, необходимых автору для обоснования ее идей, и без некоторых накладок не обошлось.

Сюжет.

Поклонник. Любимая «фишка» автора — использовать в своих произведениях сюжетную канву других произведений. Причем происходит это не от недостатка у Чигиринской собственных идей, а скорее, как оригинальный творческий эксперимент, попытка соединить несоединимое. В данном случае в основу романа положен «Пятнадцатилетний капитан» Жюль Верна и довольно удачно встроен в мир будущего. Но, конечно, сохранив ключевые эпизоды романа Жюль Верна, Чигиринская строит собственный сюжет, ко-

торый гораздо насыщенней и глубже. Нельзя сказать, что он так уж изобилует неожиданными поворотами, но сюрпризов читателю преподнесет немало. Надо сказать, что сюжет романа сильно разочарует поклонника классических МТА. Героям приходится туго. По сути, большая часть романа — описание сплошных потерь и поражений, что, впрочем, только усиливает заинтересованность читателя в сюжете.

Критик. Не могу сказать, что жюльверновский сюжет так уж органично встроен в книгу. Стоит начать с того, что полковник Тетрао был просто обязан в такой ситуации включить в экипаж «Паломника» своего бортмеханика, а не допускать появления там крайне сомнительного типа. Да и с определенного момента роман далеко отошел от «первоисточника». Кроме того, большая часть книги действительно является яркой иллюстрацией принципа «Нас е***, на мы крепчаем», причем в паре эпизодов вполне дословно ему следует. (издательство «Крылов» нервно курит в сторонке) Пожалуй, кое-где автор переборщила. Да и чудесное спасение главного героя на Арене, и его последующие попытки нести христианское учение в массы выглядят отнюдь не идеально.

Вывод. Сюжет действительно интересен и оригинален, но без натяжек и чудесных спасений героя не обошлось.

Стиль. Поклонник и критик хором. Роман написан хорошо и читается, несмотря на свою сложность, легко, но во многих эпизодах выглядит несколько затянутым. Впрочем, многословие — традиционная особенность стиля Чигиринской.

Герои.

Поклонник. История становления Дика Суны — одна из самых сильных и реалистичных историй. Автору блестяще удалось показать, как нелегкие испытания закаляют его характер, подобно тому, как кузнец мощными ударами выковывает меч. Моро — очень интересный и неоднозначный герой, этакий ниндзя с ДаркВейдеровской судьбой. Противостояние Дика и Моро — один из самых сильных эпизодов романа. Вообще, все герои — и члены команды «Паломника» и леди Констанс, и Бет, и Порше, и Нейгал — очень хороши. Это — одна из самых сильных сторон романа.

Критик. Да, героям уделено немало внимания, но порой их отношения выглядят противоестественно. Вообще, вавилоняне производят довольно странное впечатление. Автор отчаянно пытается показать, что сами по себе они не так плохи, а злодеями их делает бесчеловечная система, но выглядит это не очень убедительно. А уж методика перевербовки скорее будет давать на выходе идиотов, чем отличных работников. И все же не могу не согласиться, герои действительно хороши.

Вывод. Яркие, интересные персонажи, их развитие, а иной раз и ломка — одно из самых сильных мест книги.

Идеи.

Поклонник. Чигиринская блестяще соединяет напряженный сюжет и глубокую идейную насыщенность произведения. Автор убедительно пока-

зывает, что именно христианская религия может и должна быть основой человеческой жизни, моральным стержнем общества и опорой человеку в период тяжких испытаний.

Критик. Если в ПТСР христианские идеи высказывались в более замаскированном виде, то в этом романе автор скатывается до неприкрытой религиозной пропаганды, причем весьма навязчивой. В общем, покайтесь, братие, и будет вам счастье.

Вывод. Идейная направленность — ключевой и самый противоречивый элемент романа. Именно от отношения читателя к идейной составляющей будет зависеть и общее восприятие романа в целом — от восторга до полного неприятия.

Общее впечатление от романа.

Поклонник. Перед нами настоящий шедевр, где каждый элемент романа играет свою роль в формировании общей картины. Интересный сюжет удачно сочетается с глубоким философским смыслом, яркие герои проявляют свои лучшие и худшие качества. Отдельные эпизоды способны растрогать любого читателя. Роман доставит немало работы и уму и сердцу читателя, а я с интересом буду ждать продолжения.

Критик. Несмотря на затянутость романа и перегруженность религиозными идеями, читается он действительно с удовольствием. Героям действительно сопереживаешь, а за их судьбами следишь с интересом. Посмотрим, что будет в продолжении этой истории. Надеюсь, автор не запуталась сама в поисках выхода для своего героя.

Вывод. Ваша оценка будет сильно зависеть от того, насколько вы готовы воспринять христианское мировоззрение автора. Тем не менее, объективные достоинства романа высоки. Впрочем, ставить высший балл произведению, которое обрывается на полуслове, невозможно.

ЛЕВ ГУРСКИЙ

ПОЛИЦЕЙСКИЙ С ТРАНСКЛЮКАТОРОМ

«Фантастика вторгается в детектив...» — так назвал один из своих рассказов Илья Варшавский и был абсолютно прав: еще как вторгается, дабы заполучить дополнительную публику. С другой стороны, и детективный жанр в погоне за публикой предпринимает встречную инвазию. Где-то на полпути между пунктом «Ф» и пунктом «Д» эти два одиночества встретятся, как поезда на полном ходу...

Смертельные мысли

В фильме Кристофера Лича «Размышление об убийстве» (Канада, 95 минут, «CP Digital», 2008) у помощника окружного прокурора Холли Уинтерс (Тори Спеллинг — «Смертельное преследование») все в жизни не так уж плохо: она сравнительно молода и счастливо разведена; начальник, прокурор Джулиан Хасты (Тайрон Бенскин — «Жестокий город») ее ценит, любовник-адвокат обещает вот-вот бросить свою жену и жениться на ней. И вот в один несчастливый день героиня попадает под машину... Нет, ничего фатального с ней не случилось, но, придя в сознание, Холли понимает, что способна слышать мысли людей. А после встречи с женщиной-экстрасенсом наша героиня получает заодно еще и дар — в местах совершенных когда-либо преступлений «видеть» смутные картины этих

самых преступлений. Таким образом, бравая помощница прокурора приобретает еще и экстрасенсорный бонус, долженствующий ей помочь в работе. Расследуя запутанное убийство двадцатипятилетней красотки Кэтрин Дэвис, героиня заручается поддержкой детектива Макса Лакетта (Дин Макдермот — «Открытый простор») и решает обвинить в этом убийстве сенатора Синклера, у которого был тайный роман с девушкой. Правда, прямых доказательств вины сенатора у нее нет и «картинки» убийства, которые она видит внутренним зрением, не слишком внятные, но, если вдуматься, кому быть убийцей, как не сенатору США? Ну не лощеному же сенаторскому помощнику Грею Андервуду (Бретт Уотсон — «Покинутая»)?! У Стивена Кинга в «Мертвой зоне», герой которой обладал похожим даром, все его

преимущества и недостатки были грамотнейшим образом увязаны в четкую фабульную схему; герой вместе с читателем двигался от незнания к знанию, детали прояснялись по ходу дела, а финальный action был сюжетно мотивирован. Режиссер Кристофер Лич («Три слепых мышонка») и сценарист картины Стив Тимкин, в отличие от высокого профи Кинга, легко попадают в одну довольно распространенную западную: они наделяют героиню чудесным даром, но толком не понимают, как же им воспользоваться? Если героиня — ясновидящая, то никакого детектива не будет (заранее будет известно, кто, когда и почему убил). Поэтому авторы ленты, сделав шаг вперед, тут же отступают. Вся парапсихология, по сути, почти ничего не дает сюжету, лишь изрядно его тормозит. Счастье, что убийца — сущий идиот, способный в конце фильма заявиться домой к героине с пистолетом, а верный Макс, конечно же, вовремя окажется рядом. По сути, дар чтения мыслей помогает Холли только в одном — понять, что экс-любовник Грант ее обманывал и вообще не собирался расставаться с женой. Но всякий вменяемый зритель, десять секунд понаблюдав за ужимками адвоката, и так догадался бы обо всем — без помощи телепатии.

Зеркальная война

Если ты вдруг человека, который похож на тебя как две капли воды и притом еще и едет куда-то в твоей машине, то во все не обязательно ты спятил. Возможно, в твоей жизни просто появился твой двойник — зловещий допдельгангер, существо потустороннее и опасное. В 1992 году Эви Нешер даже снял одноименный фильм с Дрю Бэрримор в главной роли, однако толком не объяснил, откуда двойники берутся. Режиссер Шон Эллис в картине «Разбитое зеркало» (The Broken, Франция — Великобритания, 2008, 88 минут) идет дальше и намекает на извечную причину появления в нашей жизни людей-отражений... Ну да! Верно! Как только во время дня рождения сотрудника американского посольства в Лондоне

Джона Маквея (Ричард Дженкинс — «После прочтения сжечь») разбилось большое зеркало, всем стало ясно: быть беде. Вскоре врач Джина (Лена Хиди — «Братья Гримм»), дочь Маквея, внезапно видит на улице женщину-двойника. Проследив за ней до квартиры, Джина входит и... Что именно происходит дальше, зрителю не ясно до самого конца фильма, однако Джина выскакивает из квартиры, садится за руль и врывается на своем авто во встречный седан. А придя в сознание, обнаруживает, что, кроме аварии, ничего о прошлом не помнит. Но ей кажется, будто ее бойфред Стефан (Мел-

вин Пупо) — уже не тот, которым был раньше. Психиатр Роберт Закман (Ульрих Томсен — «Интернэшнл») пытается объяснить героине, что, мол, у нее легкие проблемы с головой, но мы-то знаем: это не так. А уж когда в квартире сына Маквея тоже разбивается зеркало, зритель готовится к самому страшному... Картина Эллиса еще в 2008 году оказалась в программе Санденского фестиваля, и это означает одно: «Разбитое зеркало» — кино авторское. Создатели фильма, намекнув на зеркальную природу жутких двойников, так и не объяснят, чего, собственно, этим существам нужно на Земле, зачем они приходят из зазеркалья. Если они намерены захватить мир, то действуют они как-то медленно. А если их программа-максимум — нагадить человечеству и разбить дюжину зеркал, то для этого не нужно столько потусторонних ухищрений...

А была ли бомба?

У актера Джейка Бьюзи, брата более известного у нас Гэри Бьюзи, неприятная внешность. С такой в голливудских фильмах принято обычно изображать психопатов, наемных убийц или, в лучшем случае, великовозрастных придурков (примерно таковы, кстати, роли Гэри Бьюзи в «Страшилах» или «Идентификации»). Вот и в фильме Эрин Берри «Временная бомба» (Time Bomb, Канада, 2008, 86 минут) актер играет довольно противного персонажа по имени Джейсон Филби. В самом начале картины этот однофамилец видного советского шпиона из-за собственной халатности становится причиной гибели своего сына, а по ходу ленты — вольно или невольно — способствует разнообразным смертям окружающих: от безымянного мальчика в Ираке до приятеля Боба (Мэттью МакФэдзин). Вообще персонаж ведет себя как редкостный социопат: он тупо надоедает своей бывшей жене, доводит до истерики продавца в магазине и т. п. Однако,

быть может, персонаж не так уж виновен во всем этом? Быть может, он просто подвинулся рассудком, а причиной тому стало испытание компанией Эн-Си-Эс во время иракской кампании нового вируса. Вирус этот мог превратить человека в живую бомбу. Не исключено, что Джейсон стал жертвой эксперимента: он был тайно инфицирован упомянутым вирусом, причем введенный ему позже антивирус сработал не вполне. То есть герой не взрывается сам, однако может заражать других. А побочным проявлением болезни героя становятся провалы в памяти и многочисленные «дежавю». Герой все время путается, где он и когда он: то ли еще в Ираке на операционном столе, то ли уже у себя дома в Штатах. Он не в

силах отличить, где прошлое, а где будущее, где настоящие события, а где сложно организованный бред. Он не может сообразить, реальные люди его окружают или это его материализовавшиеся кошмары. Если его догадки об испытании супервируса верны, то фильм снят в фантастическом жанре, а Джейсон — и вправду объект злодейских опытов американской военщины. Если же персонаж элементарно спятил (как следствие посттравматического синдрома), то фантастики тут еще меньше, чем в классической «Лестнице Якоба» Эдриана Лайна (именно эту картину авторы явно взяли за образец), а герой лишь страдает манией преследования в тяжелой форме... Надо признать, авторы фильма не помогают ни герою, ни зрителям узнать истину. Им просто доставляет какое-то мазохистское удовольствие истязать своего персонажа. Быть может, много лет назад мальчик с такой же неприятной, как у Джейка Бьюзи, внешностью дергал за косички маленькую Эрин Берри. Вот и пришла пора расплаты...

Скалли, Малдер и поп-педофил

Фантастический телесериал Криса Картера «Икс-файлы» прожил девять сезонов подряд, что само по себе уже фантастика, поскольку в каждой серии было примерно одно и то же: мир принципиально непознаваем, истина всегда ускользает (вернее, она «где-то рядом» — «The Truth is Out There»), сильные мира сего плетут заговоры против обычных граждан, а всеми заправляет тайное правительство, которое уже давно распилило Землю и по частям продало инопланетянам. Последняя серия девятого сезона заканчивалась обещанием инопланетного вторжения в 2012 году, так что главным героям — вечному фанату неизведанного Фоксу Малдеру (Дэвид Духовны) и вечно скептической рационалистке Дане Скалли (Джиллиан Андерсон) — оставалось

только покинуть ряды ФБР, расслабиться и получать удовольствие, пока на Землю еще не нахлынули полчища «зеленых человечков». Но расслабиться не получилось: Крис Картер, в 1998 году уже поставивший один полнометражный фильм по мотивам своего сериала («Борьба за будущее»), решил вступить в ту же реку второй раз, реанимировать ушедших в отставку героев и позволить им еще немного поискать истину, раз до прилета пришельцев еще есть время. К началу фильма «Секретные материалы-2: Хочу верить» (The X-Files: I Want to Believe, США, 100 минут. «XX век Фокс СНГ», 2008) экс-агент Скалли работает врачом в клинике, пытается спасти безнадежно больного ребенка, а экс-агент Малдер отрастил бороду и где-то в глуши пря-

чется от ФБР (Бюро имеет к своему бывшему сотруднику то ли имущественные, то ли иные претензии — и лучше не мелькать). Однако обстоятельства вынуждают Скалли и Малдера вновь возродить былой дуэт. Тайнственно пропала агентша ФБР Моника Бэнен (Ксанта Редли), и о ее нахождении может поведать лишь один человек — бывший священник Джозеф Фицпатрик Криссман (Билли Коннолли), давно осужденный за педофилию, отсидевший и выпущенный на свободу. У экс-педофила видения, и раз уж парочке из «Икс-файлов» девять сезонов плюс один полнометражный фильм приходилось общаться со всякими ненормальностями, пусть трянут стариной... Как рассказывают, Крис Картер, опасаясь спойлеров, во время съемок фильма не только навел строжайшего шороха в смысле неразглашения, то и нарочно подбрасывал фанатам всякие фальшивые подсказки, чтобы их напрочь запутать. Сюжет хитро менялся по ходу съемок и домнялся до полной бредовости. В финале оказалось, что в фильме почти нет мистики (если не считать видений бывшего педофила), а коварные похитители людей — не инопланетяне, а то ли венгры, то ли русские, и расчлениают они похищенных для опытов, дабы посмотреть, приживется ли мужская лысая голова на уже малость окоченевшем женском теле. Конечно, на фоне грядущего инопланетного вторжения это рубилово, мочилового и сшивало-во выглядит какой-то даже оскорбительно локальной лажей, но зато у Скалли и Малдера остается много времени, чтобы порассуждать о вере, неверии, сомнениях и прочих теософских проблемах. В финале расчленители пойманы, лысая голова окончательно отделена от тела, у мальчика из больницы появился еще один шанс, а бывший священник, помогавший следствию, благополучно скончался. И правильно: хороший педофил — все-таки мертвый педофил, несмотря на какие-то там раскаяния...

Шкатулка с сюрпризом

Фильм режиссера Брайана Кинга «Ночной поезд» (Night Train, США — Германия — Румыния, 2009, 86 минут) начинается незамысловато. Зима, снег, метель, канун Рождества. На пустынной станции в почти пустой поезд садится человек (Лука Берковичи). У него затравленный вид, а в руках — перевязанная ленточкой коробка. Человек глотает какие-то пилюли, а после того, как в вагоне коммивояжер Пит (Стив Зан — «Бандитки») угощает его русской водкой «Калашников», пассажир умирает. Любопытства ради Пит исследует коробку и обнаруживает в ней шкатулку странной формы с фигурными прорезями. Сквозь эти прорези видно содержимое, и эта находка круто

меняет жизнь всех героев фильма: Пита, его соседки по вагону, молчаливой студентки-медички Хлои (Лили Собески — «Столкновение с бездной»), проводника Майлза (Денни Гловер — «Смертельное оружие»), молодого проводника Фрэнки (Маттиас Швайгхедер) и других людей, которые по ходу фильма оказываются вовлечены в эту историю. Пока же свидетелей смерти незнакомца всего трое — Пит, Хлоя и Майлз. Первые двое уговаривают проводника выбросить труп пассажира, а находку поделить. Первый шаг кажется не слишком криминальным (ну не убили же они беднягу), однако затем, по мере вовлечения в эту круговерть все новых и новых людей, трупы будут множиться, а степень озверения одного из персонажей дойдет до критической... Фильм начинается и продолжается как криминальный триллер, но в финале оказывается мистической притчей. Мы так и не узнаем, что именно было в той шкатулке (каждому из персонажей мерещится свое), и почему это чудовищное сокровище приманивает смерти людей, его окружающих. Да и не в этом дело (в конце концов, не так уж важно, какое именно содержимое хранил, например, чемоданчик Марселласа Уолласа в «Криминальном чтиве»). История эта о другом: как ничем не примечательные люди за очень короткий срок преодолевают все нравственные препоны и перестают быть прежними уже навсегда. Подобную ретро-эволюцию претерпевали юные персонажи «Повелителя мух» — хотя, по правде говоря, во все не так стремительно и бесповоротно, как взрослые люди в этом жутком кинофильме...

ПАВЕЛ БОЙКО

НЕ ВРЕМЯ ДЛЯ СПАСИТЕЛЕЙ

«Терминатор: Да придёт спаситель»**Режиссер: МакДжи****Великобритания, Германия, США****2009 год, 108 мин.**

И восстали машины из пепла ядерного огня... И был первый Терминатор, и был создан новый культ. В 1984 году мрачная фантастика о грядущем ядерном Апокалипсисе звучала с экрана тревожным пророчеством Иоанна Богослова, а посему — большого культа ему было просто не избежать. Несмотря на сравнительно скромные кассовые сборы, фильм молниеносно превратился в обветшалый цитатник, в который без устали заглядывали режиссеры рангом ниже.

Его создатель, Джеймс Кэмерон, получил известность, округлился голливудским высокобюджетным жирком на съемках мегауспешных «Чужих» и чуть менее чем полностью провальной «Без-

дны» и задумал переснять фильм, реализовав все давние задумки, которые пришлось обрезать из-за низкого бюджета первой части. Берем на карандаш: первый фильм, чей бюджет перешагнул по тем временам сумасшедшую цифру в сто миллионов долларов, первый фильм, блиставший на экране чудесами компьютерной графики, абсолютный чемпион по кассовым сборам 1992 года и одновременно — один из самых эффектных боевиков за всю историю жанра.

По логике событий, в истории Терминатора нужно было бы поставить точку, а сами фильмы — водрузить на почетное место в коллекции любого разумного поклонника фантастических фильмов, но, увы, наш мир далек от совершенства. В эпоху поголовной сиквело-триквело-приквелолизации, когда оригинальных идей в современном кино осталось не больше, чем озер в Аравийской пустыне, идея о продолжении кэмероновской саги выглядела

эдаким одиноким огоньком в ночи, на который неустанно слетались все голливудские любители быстрых денег. Кэмерон отбивался от навязываемого проекта много лет, а когда ему надоело — просто продал назойливым продюсерам права на сериал и открестился от любых связей со своим детищем. Ему, как опытному профессионалу, было очевидно, что весь потенциал сюжета был исчерпан еще во второй части, а любое продолжение оной выйдет на свет мертворожденным монстром, которому останется лишь повеситься на собственной пуповине. Что и говорить, как в воду глядел.

Появившаяся в 2003 году третья часть выползла на свет Божий неуклюжим какавром, который умел лишь смешно шамкать, пародируя оригинал. Вместо ожидаемого кассового триумфа, несчастного уродца ожидали лишь пара монет в кружке для подаяний, после чего, в самую безлунную ночь, бранные останки были свезены на кладбище Несбывшихся Надежд имени Эндрю Вайны, где их и захоронили без лишнего шума и ненужных оркестровок. Продюсеры тихонько подсчитали убытки, всплакнули на плече друг друга о тяжелой судьбе современных бракоделов и сделали аборт парочке нерожденных сиквелов. Впрочем, ненадолго — иногда они возвращаются.

Сама история создания четвертого Терминатора когда-нибудь обязательно ляжет в основу сатирической притчи про современный Голливуд, которая достойна пера нового Фицджеральда. Поиск режиссера на новый проект занял несколько лет и напоминал тасование уже потрепанной карточной колоды, в которой поверх друг друга ложились тузы с изображениями Ридли Скотта, Пауля Верховена, Стивена Спилберга... Но желающих приниматься за новый проект не находилось — памятуя о судьбе последнего отпрыска, заслуженные режиссеры заботились о собственной репутации, брезгливо пожимая плечами. Когда никто из Высшей Лиги не изъявил желания стать «папой» нового Терминатора, продюсеры пошли выскребать сусеки, и в итоге наткнулись на бывшего клипмейкера МакДжи, постановщика двух с половиной фильмов и обладателя огромных претензий. Впрочем, «Марлезонский балет» с саблями вокруг подбора съемочной группы на этом не закончился, и продюсеров ожидали такие же танталовы муки с набором актеров. Большие звезды шарахались от проекта МакДжи, как от телеги с навозом. И неслучайно: слухи о том, что парочка сценаристов, каким-то чудом пережившая насильственную смерть предыдущего «Терминатора», насчитывая очередной трэш, упорно курсировали по Голливуду, заставляя отказываться от ролей в предстоящем блокбастере даже до беглого знакомства со сценарием. Лететь вместе с новым Терминатором в мусорную яму никто из кассовых звезд отчего-то не испытывал желания.

Дабы слегка улучшить репутацию, сценаристы обратились за помощью... к самому Джеймсу Кэмерону, который тогда был занят в Австралии на съемках своего «Аватара». Кэмерон милостиво согласился посмотреть, что же там наворочено в новом сценарии. Впрочем, самой рукописи он так и не увидел. Вместо этого, через неделю, весь англоязычный интернет уже пестрел баннерами о том, что Кэмерон одобрил новый сценарий — со ссылками на некий анонимный источник из съемочной группы.

Все эти таинственные пасы, сопровождаемые мрачными пророчествами и обязательными крестными знамениями, становятся понятными лишь после просмотра одноименного фильма. Калейдоскопическая смена претендентов на режиссерское кресло, полное игнорирование проекта многими кассовыми звездами, специально запущенная в интернет байка о благословении Кэмерона — при странном нежелании отправлять ему для «экспертизы» копию сценария, сразу же выстраиваются в единую логическую цепочку. Новое творение МакДжи и Ко напоминает огромный жирный сорняк, который смог вылезти из почвы на свет, лишь цепляясь за корни гораздо более сильных, самостоятельных растений: самого Терминатора и его создателя. Всеми присосками и стеблями он пытается привязаться к своему прародителю, вместе с тем, оставаясь для него совершенно чужеродным организмом. Пытаясь тщательно воссоздать атмосферу легендарной диалогии, МакДжи раскладывает перед зрителем россыпью элементы, которые у поклонников могут вызвать лишь кривую усмешку.

В самом деле, смешно полагать, будто атмосфера культового фильма 25-летней давности заключалась в фотографии и закадровом монологе Сары Коннор, криво натянутой фототекстурке нынешнего Губернатора Калифорнии или песне Guns N'Roses You Could Be Mine. Создается впечатление, что всеми этими бесконечными цитированиями «Идем со мной, если хочешь жить» или коронного «I'll Be Back режиссер просто пытается получить у поклонников саги пару дополнительных бонусных баллов из раздела «Но мы же все так старались!» МакДжи просто пытается замедлить экранное время до того, как мираж пресловутой атмосферности окончательно сделает зрителям ручкой, растворившись в воздухе после знакомства с местным сторилайном.

Сама по себе сюжетная конструкция, повествующая о встрече Джона Коннора с собственным отцом Кайлом Ризом и загадочным новым персонажем Маркусом Райтом, вроде бы и не так плоха, но полностью лишена даже слабых зачатков внутренней логики. Так, ожидаемая поклонниками атмосфера ядерного постапокалипсиса скончалась не приходя в сознание. Разрушенные дома и города, зловещие пустынные пейзажи угарно сочетаются с Сопротивлением, которое не ведает никаких перебоев со снабжением и отсекает по экрану на огромном количестве вертолетов (самолетов / джибов — нужное подчеркнуть), блистая в каждом кадре сытыми рожами и практически, бесконечным боезапасом ракет / мин / патронов / взрывчатки... Простите, что перебиваю, но это и есть печальная песнь о конце человеческой цивилизации. Вы уверены, что ничего не напутали? Кто-нибудь, пожалуйста, заставьте сценаристов «Спасителя» пересмотреть древний «Безумный Макс» Миллера или более свежий «Водный мир» Рейнолдса, где в битве за каждую бочку бензина сквозила неподдельная атмосфера борьбы человека за выживание.

Как это не странно, но распиаренная война людей с киборгами, несмотря на отличное бюджетное финансирование и более солидное техническое оснащение, сильно уступает... десятиминутным обрезкам сна Кайла Риза из

первого «терминатора» или убойным кадрам начала из второго. Несмотря на обилие спецэффектов, картина глобальной катастрофы неуловимо ускользает от зрителя, а сам конфликт в том виде, в каком он показан в фильме, приобретает неестественно локальный, даже местечковый характер.

Далее, в дело вступает подлинный ансамбль народных инструментов, растягивающий в разные стороны меха многочисленных гармоней... Заимствований много, и они потрясающе эклектичны — будто вырванные из разных мест части тела, которые насильно пытаются «пришить» к уже существующему телу. Гигантские трансформеры, механизмы для собирания людишек из «Войны миров», пустынные гонки из второго «Безумного Макса», финальная речь Архитекторши из второй же «Матрицы». Постановка экшен-эпизодов привычно получает по лбу теми же граблями, которые остались на полу съёмочной площадки еще со съемок второй части: режиссер снова-таки всего лишь слепо копирует кэмероновские оригиналы. К финалу от количества сцен «дежавю» начинает сводить челюсть: погоня грузовика за терминатором в форме мотоцикла с характерным выдавливанием лобового стекла, завершающий эпизод на заводе, с разлетающимися в разные стороны искрами и характерным «Вставай, солдат!» — зачем они здесь нужны? Дорогой МакДжи, мы уже все поняли, что Вы смотрели первую и вторую часть, но не лучше ли было добавить что-нибудь свое, а то как бы финальную оценку за постановку не пришлось делить с подлинным автором этих и десятка других эпизодов Спасителя — Джеймсом Кэмероном! Однако на деле из почти двухчасового фильма, по-настоящему зрелищной смотрится только погоня с участием гигантского робота (как икается, Майкл?) — очень невзрачный результат для супербоевика с двухсотмиллионным бюджетом, не находите?

Не возникает желания стрелять в необыкновенно вялых актеров — в конце концов, они играют как умеют. Сколько строчек вялых диалогов было прописано в сценарии, между бесконечными «вжик-вжик», столько вы их и увидите на экране, все согласно ГОСТУ и сюжетному потенциалу для каждого персонажа. Единственный «живой» персонаж достался молодому австралийцу Сэму Уортингтону (ждем его обязательного появления в Аватаре у Сами-знаете-кого), это единственный герой Спасителя, за которого хочется переживать — в отличие от совершенно не вызывающих ни сочувствия, ни интереса Джона Коннора и Кайла Риза, по иронии судьбы — ключевых персонажей самого сериала. Очередной вопрос к сценаристам и режиссеру: так и было задумано, чтобы судьба Спасителя человечества (вспоминаем оригинальные инициалы Джона Коннора в английской версии) совершенно не волновала зрителя? Так, может, тогда и не стоит никого спасать?

С музыкой в фильме МакДжи, также вышел неприятный казус. Казалось бы, есть оригинальный саундтрек Дэнни Элфмана, который в течение десятка однообразных композиций старательно пытается скопировать знаменитую музыкальную тему Брэда Фидела для сквородок с синтезатором, уже давно ставшую визитной карточкой киносериала. То ли продюсеры не смогли договориться насчёт авторских прав, то ли еще что-то помешало, но сама

тема в фильме не звучит, а предложенные нашему вниманию эльфмановские «вариации» на нее, примерно так же отвечают атмосфере сериала, как классическая музыка, записанная в формате MIDI, похожа на исполнение той же мелодии симфоническим оркестром. Очередной минус, впрочем, на фоне других «тараканов» рецензируемой картины — далеко не самый значимый и заметный.

В итоге, после двухчасового просмотра в голове у зрителя остается лишь пара сверхмощных взрывов, по техническим характеристикам — ничем не отличимых от аналогичных представителей из других кинокартин этого года, да единственный симпатичный персонаж, чья дальнейшая судьба полностью тонет в невзрачном, наспех снятом финале. Кстати, концовку действительно изменили за пару месяцев до выхода на экран, так что глупости и скороспелости финального монолога на фоне традиционно летящего вдаль черного вертолета, даже не стоит удивляться. Если сравнивать фильм МакДжи с литературой, то после логично связанной дилогии Кэмерона, по уровню сценария и режиссуры, он напоминает полулюбительский фанфик, без прочтения которого спокойно можно обойтись любому поклоннику творчества автора.

И когда, наконец, до крупных голливудских боссов дойдет простая Истина: сага про Терминатора похожа на волшебную палочку, которая способна одним своим мановением наполнить их кошельки золотом, но работает эта палочка лишь в определенных руках. Конечно, Кэмерон со своей склонностью к перфекционизму, режиссерскому мастерству и отличной фантазии, мог бы спасти и не такой провальный проект, переделав его с нуля и вписав в собственное творение новую главу. Однако, будучи использованной в других руках, палочка способна лишь растворить то, что могло быть золотом, до состояния жижи, которая противно хлупает под ногами, да вдобавок — омерзительно пахнет. Что же, очевидно просто еще не настало время для настоящих Спасителей. Виват ремесленникам!

МАРИНА КОМИССАРЕНКО, БОРИС СИДЮК

ШИРОКА СТРАНА БОЛГАРИЯ

Безусловно, болгарский фэндом — родной нам. Слишком уж мы похожи — братья-славяне как-никак. Пусть конвенты у них и небольшие, но сумели братушки сохранить приятную ауру, характерную для старых советских и пост-советских фэнских встреч. Возможно, сказывается возраст, но уж очень душевны в Болгарии конвенты. И потому на Булгаконы ездить хочется всегда. В прошлом году главное событие фантастической жизни страны проходило на побережье, в городе Балчик. В этом же устроители решили попробовать несколько другой формат мероприятия, расширив его на целый населенный пункт. Потому местом проведения избрали шестой по величине город страны — Благоевград. И совместили его с местным фестивалем «Златен Кан». К сожалению, первоначальная идея пойти путем региональных международных мероприятий, вроде балтийского Балткона, и провести сразу целый Балканкон, успехом не увенчалась. Что не помешало общему успеху фестиваля: в Булгакон съехались участники из всех уголков страны, а местная пресса его подробно освещала. Налет «международности» конвенту добавили несколько македонцев (граница бывшей югославской республики находится в получасе езды) и мы, представители Украины.

К сожалению, из-за превратностей судьбы и международных авиаперевозчиков на открытие Булгакона, да и на весь первый день мы не попадали — самолет прилетел в Софию ближе к полуночи. Зато встречал нас в аэропорту и привечал дома один из самых интересных новых болгарских авторов Георги Малинов. Утренний автобус за два часа довез нас до Благоевграда. Там, поселившись в гостиницу и бросив в номере чемоданы, мы срочно стали вызванивать друзей.

Благоевград оказался очень славным и приветливым городом. Первые поселения на его территории появились в VI тыс. до нашей эры. Точная дата основания города таится в глубине веков, хотя известно, что сам город основали при римлянах и нарекли Скаптопара. В период осман-

*В разговорах о фантастике время протекает незаметно.
Александр Карапанчев, Атанас Славов и Георги Малинов*

| Во дворе Университетского центра «Бачиново»

ского владычества город назвали Горна Джумая. И только после Второй мировой войны он обрел свое нынешнее имя, присвоенное городу в честь коммуниста Димитро Благоева. Сейчас в городе живет около 80 тысяч человек, так что вечерами в центрелюдно и весело, летние веранды кафе за-

полнены парочками, а на центральной площади бегают и играют дети.

Многие мероприятия Булгакона и «Золотого Хана» проходили в разных местах города, но главные события происходили с 27 по 30 августа в местном историческом музее и университетском комплексе «Бачиново». Как мы уже упоминали, первый день мы пропустили. Об этом очень жалеем, потому что среди мероприятий были книжная ярмарка, круглый стол по истории болгарского фэндома и празднование 35-летия старейшего из ныне здравствующих клубов любителей фантастики — софийского КЛФ «Иван Ефремов».

Второй день был посвящен фэнтези и его «противостоянию» с научной фантастикой. Украинскую делегацию попросили рассказать о современном состоянии дел в области фантастики в Украине, что мы в меру своих сил и знаний и сделали. Во второй половине дня проходили мастер-классы и презентации новых книг, в том числе сборников «Фантастика-2008» и конкурсного «Златен Кан». Последний представляет особый интерес, поскольку стал результатом одноименного международного конкурса рассказов. На сам конкурс прислали 370 произведений из 12 стран, но к финальному голосованию жюри были допущены всего 35 рассказов, в том числе 18 из Болгарии, 7 из России, по 2 из Азербайджана и Беларуси, по одному из

Пришло время уезжать. Атанас Славов, Борис Сидюк и Юрий Илков |

*Исторический район Вароша.
Церковь Успения Богородицы*

Аргентины, Израиля, Индии, Испании, Италии и Казахстана. Такая активность объяснялась не только хорошей пиар-кампанией конкурса, но и вполне приличными денежными премиями. Жюри

завершило свою работу 29 августа, на третий день конвента.

Сам третий день был посвящен научной фантастике. Среди мероприятий была встреча с конкурсантами и авторами сборника «Златен Кан» и традиционный круглый стол «Что нужно, чтобы издать книгу». Продолжали работу мастер-классы. Но главным событием стало объявление победителей конкурса «Златен Кан». Первое место занял азербайджанский автор под псевдонимом Лачин за рассказ «Кама, танцуй», два вторых места достались болгарам — Ивайло Иванову за рассказ «Путь обратно» и Калину Ненову за «Триптих о молодежи и злодеях», три третьих премии поделили болгарка Валентина Димова за рассказ «Зеленые думы Уторпии» и представители России Марина Мартова, с рассказом «Извращенец», и Леонид Кудрявцев, с рассказом «Ненужные вещи». Поздравляем лауреатов!

Фестиваль меж тем продолжался. В историческом музее проходила выставка фантастической живописи и мероприятия ролевиков. Писатели отправились по местным книжным магазинам на встречи с читателями. Вечером состоялся банкет. Последний день 30 августа предназначался больше

| *Центральная площадь Благоевграда с памятником национальному герою Болгарии Гоце Делчеву*

для неформального общения участников конвента. Что не помешало организаторам провести книжный аукцион и поэтические чтения. В час дня фестиваль объявили закрытым. Народ стал разъезжаться по домам.

Попрощавшись до нового Булгакона с Юрием Илковым, Атанасом Славовым, Александром Карапанчевым и другими болгарскими фэнами, мы отправились осматривать местные достопримечательности, среди которых, конечно же, выделялся район Вароша — бережно сохраненная историческая часть города с великолепным православным собором. Удалось нам также посетить и знаменитый Рильский монастырь, расположенный в горах на полпути между Благоевградом и Софией. После конвента наш путь лежал через всю Болгарию в полюбившийся с прошлого года Балчик — хотелось отдохнуть на море. Но болгарские фантастические встречи продолжились и там. Ведь в Балчике нас принимал почетный гражданин Киева Тихомир Тачев, директор пансионата «Зелена Перла», где в 2010 году снова пройдет Булгакон. А он как никто знает фантастические тайны Болгарии. Но это уже совсем другая история.

OPUS MIXTUM

ALESCO обратила внимание на фантастику

Одной из самых потрясающих новостей последнего времени, бесспорно, стало намерение ALESCO — Организации по образованию, культуре и науке Лиги арабских государств — всерьез заняться развитием фантастики в арабском мире. В Тунисе собрались представители заинтересованных кругов и порекомендовали ALESCO подготовить базу авторов, заинтересованных в фантастике, создать Арабскую ассоциацию фантастов и способствовать переводу книг как с арабского на английский, так и с английского на арабский. Участники также потребовали признать фантастику достойным литературным занятием и включить изучение фантастической литературы в школьные программы. Собравшиеся поддержали намерение ALESCO основать соответствующую премию, дабы стимулировать молодых авторов писать фантастические книги.

The British Fantasy Awards 2009

На состоявшемся 18-20 сентября в Ноттингеме FantasyCon-е были объявлены обладатели British Fantasy Awards.

✓ The August Derleth Fantasy Award за лучший роман вручили Уильяму Хини (псевдоним Грэма Джойс) «Мемуары мастера фальсификатора»

✓ премию за лучшую повесть получил Тим Леббон за «То, что в силах ребенка»

✓ Сара Пинборо с рассказом «Ты видишь» получила премию за лучший рассказ

✓ лучшим сборником стал «Девичий бег наперегонки с быками» Эллисон Берд

✓ лучшей антологией признана «Большая книга лучших новых ужасов» под редакцией Стивена Джонса

✓ лучшей нефантастической книгой стала «Бэзил Купер: Жизнь в книгах» Бэзила Купера (под редакцией все того же Стивена Джонса)

✓ лучшим издательством названо «Эластик Пресс»

✓ лучшим журналом признан «Postscripts»

✓ лучшим художником объявили Винсента Чона

✓ премию за лучший комикс/графический роман вручили Джо Хиллу и Габриэлю Родригесу за «Замок и Ключ»

✓ лучшим телепроектом назван «Доктор Кто»

✓ «Темный рыцарь» Кристофера Нолана стал и тут лучшим фильмом

✓ дебютант Джозеф Д'Лейси получил премию им. Сидни Баундса за «Мясо».

А специальную премию им. Карла Эдварда Вагнера вручили Хаяо Миядзаки.

Филигрань-2009

29 августа в Москве состоялись юбилейные, десятые Чтения памяти А.Н. Стругацкого и столь же юбилейное вручение литературной премии «Филигрань». Напомним, что ее вручают по итогам голосования жюри, состоящего из критиков-профессионалов.

В этот раз премия досталась:

- ✓ Марие Галиной за рассказ «Контрабандисты»
- ✓ Евгению Лукину за повесть «Лечиться будем»
- ✓ Елене Хаецкой за роман «Звездные гусары»

Премия имени Тита Ливия, вручаемая за выдающиеся произведения в области альтернативно-исторической фантастики, досталась Владимиру Коваленко за роман «Кембрийский период».

Премия имени Императора Нортон

Довольно оригинальную премию в очередной раз вручили на вечеринке по поводу 14-летия «Tachyon Publications». Премия имени Императора Джошуа Нортон I вручается за «выдающиеся изобретения и изобретательность, не ограниченную жалким здравомыслием». Самопровозглашенный Император Соединенных Штатов и Защитник Мексики был весьма экстравагантной личностью: выпускал собственную валюту, имел особую форму, содержал личную гвардию и благосклонно принимал знаки внимания от своих придворных. Впрочем, в Сан-Франциско он был местной знаменитостью и пользовался любовью жителей. Когда император умер, в похоронах принял участие около 30 тысяч человек.

Счастливым обладателем премии стали:

- ✓ Дуг Дорст, «Быть живым в Некрополисе» (в номинации «За отдельное произведение в жанре научной фантастики, фэнтези или ужасов»)
- ✓ Чарли Джейн Эндерс, «Писатели с напитками» (в номинации «Созданию, создателю или службе, имеющим отношение к жанрам научной фантастики, фэнтези или ужасов»).

Завещание Дэвида Эддингса

Умерший недавно известный автор фэнтези Дэвид Эддингс, как оказалось, оставил 10 миллионов долларов больнице National Jewish Health, которая считается одним из лучших американских госпиталей для больных респираторными заболеваниями. Ли, жена и соавтор Эддингса, страдала от астмы, и писатель оставил эту значительную сумму именно на исследования, связанные с диагностикой, лечением и предупреждением астмы у детей. Пожертвование стало самым большим в истории госпиталя.

Дебютный роман получил Age Book of the Year Award

Постапокалиптический роман «Вещи, приближение которых мы не увидели» молодого автора Стивена Амстердама получил сразу две престижные премии, вручаемые газетой «The Age» на открытии ежегодного Писательского фестиваля в Мельбурне. Газета «The Age» выходит с 1854 года и

вручает свои премии уже 35 лет. Стивену Амстердаму достались премии за лучшее литературное произведение и премия за книгу года. К обоим, кстати, прилагается денежная часть — 10 000 австралийских долларов.

Новости издательств

В «АСТ» вышла «Кладбищенская книга» Нила Геймана, которую в издательстве зачем-то обозвали «Историей с кладбищем». Также увидели свет книги Уильяма Гибсона «Страна призраков», Николая Андреева «Четвертый уровень. Предательство», Карен Миллер «Утраченная невинность», Сергея Шхияна «Осиные гнезда. Генокод», Алексея Фомичева «Внешняя угроза: Второй шанс», Андрея Рубанова «Хлорофилия». В серии S.T.A.L.K.E.R. вышел роман Сергея Паля «Бумеранг».

В «Армаде» вышли или вот-вот выйдут «Ник» Анджея Ясинского, «Шанс» Алексея Пехова, Елены Бычковой и Натальи Турчаниновой, «Бастард фон Нарбэ» Натальи Игнатовой, «История бастарда. Верховный маг империи» Дианы Удовиченко, «Рыцарь Золотой Ладони» Надежды Первухиной, «Сердце Светоча» Татьяны Форш, «Пыль дорог» Ксении Баштовой, «Лукоморье. Каникулы боевого мага» Сергея Бадея, «Победитель» Даниила Аксенова, «Родная кровь» Сергея Джеваги, «Цена слова» Елизаветы Шумской и «Владыка Сарнудора» Виталия Зыкова, а также сборники «Лети, ведьма, лети!» Надежды Первухиной и «Требуется волшебница» Юлии Набоковой.

Главный редактор: Ираклий Вахтангишвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Сергей Пальцун (г. Киев, Украина)
Сергей Лапач (г. Киев, Украина)
Михаил Назаренко (г. Киев, Украина)
Борис Сидюк (г. Киев, Украина)
Мария Комиссаренко (г. Киев, Украина)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Аркадий Штыпель (г. Москва, Россия)
Эллен Детлоу (г. Нью-Йорк, США)

© «Реальность фантастики»
№ 9 (73), 2009.

Интернет: www.rf.com.ua

E-mail: info@rf.com.ua

Для писем: Украина, 03005, г. Киев-5, а/я 5
Подписной индекс в каталоге «Укрпочта» —
08219

Издатель: © Издательский дом СофтПресс

Издатели: Эллина Шнурко-Табакова,
Михаил Литвинюк

Редакционный директор: Владимир Табаков

Шеф-редактор: Татьяна Кохановская

Производство:

Дмитрий Берестян, Олег Чернявский

Корректор: Елена Харитоненко

Директор по маркетингу и рекламе:

Евгений Шнурко

Маркетинг, распространение:

Ирина Савиченко, Екатерина Островская

Руководитель отдела рекламы:

Нина Вертебная

Региональные представительства:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Онер Калашник,
тел.: (062) 312-55-49, факс: (062) 304-41-58,

e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич,

тел.: (032) 295-64-10,

e-mail: mandych@hi-tech.ua

Харьков: Вячеслав Белов,

e-mail: viacheslavb@ua.fm

Тираж — 5 тыс. экземпляров

Цена договорная

Регистрационное свидетельство: КВ №7600 от
22.07.2003.

Адрес редакции и издателя:

г. Киев, ул. Героев Севастополя, 10

телефон: 585-82-82 (многоканальный)

факс: (044) 585-82-85

Полное или частичное воспроизведение или
размножение каким бы то ни было способом
материалов, опубликованных в настоящем
издании, допускается только с письменного
разрешения ИД СофтПресс.

Все упомянутые в данном издании товарные знаки
и марки принадлежат их законным владельцам.

Редакция не использует в материалах стандартные
обозначения зарегистрированных прав.

За содержание рекламных материалов
ответственность несет рекламодатель.